ISSN 2312-0312

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2016, № 1 (55)

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (главный редактор)
С.С. Сибатрова (зам. главного редактора)
Т.Л. Молотова (отв. секретарь)
Л.Е. Кириллова
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
Э.И. Пекшеева
А.Н. Ракин

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М. Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

Материалы научно-практической конференции «Историко-культурное наследие марийского народа в современных условиях», посвященной 85-летию со дня основания Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М.Васильева

Григорьева Л.Я. Научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие марийского народа в современных условиях». …… 3

Молотова Т.Л. Развитие этнографических исследований в МарНИИЯЛИ (2010–2015 гг.). 6

Соловьев Б.С. Балановская культура (краткий историографический очерк). 11

Акилбаев А.В. Основные направления этнокультурных и торговых контактов древнемарийского населения в IX – начале XII вв. 19

Шаров В.Д. Этнокультурное развитие марийцев на рубеже веков: некоторые итоги и перспективы. 24

Шабыков В.И. Религиозность как фактор межэтнических отношений в Республике Марий Эл. 30

Попов Н.С. Отношение приходского духовенства Марийского края к коллективизации. 38

Григорьева Л.Я. Валентностная структура глаголов межличностных отношений в марийском языке. 46

Максимов В.Н. Некоторые наблюдения над фонетикой шурабашского подговора марийского языка. 54

Мушкина Н.В. О некоторых особенностях мелодики марийских народных песен. 59

Акшиков А..Г. Земские медицинские служащие Царевококшайского уезда Казанской губернии в начале XX века. 65

СООБЩЕНИЯ

Садиков Р.Р. Из истории просвещения закамских удмуртов (открытие первых школ). 71

Горинова Н.В. Художественное пространство в пьесах А.Попова. 84

Ельцова Е.В. Поэма А.М. Лужикова «Бӧрданаӧй, пераӧй, югыд шондіӧй» (2001). ... 99

ПЕРСОНАЛИИ

Мокшина Е.Н., Сушкова Ю.Н. Жизнь в науке: к 80-летнему юбилею Н.Ф. Мокшина. 106

Пунегова Г.В., Попова Р.П. Уважаемый педагог, видный ученый. 116

Сепеев Г.А., Шаров В.Д. К юбилею Т.Л. Молотовой. 121

Сергеев О.А. К юбилею финского лингвиста исследователя марийского языка Й.Луутонена. 131

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Шаров В.Д. Рец: Токсубаева Л.С. Русское народное искусство Казанского Поволжья XIX–XX веков: деревянная домовая резьба, вышивка, браное ткачество, кружево. – Казань: Центр инновационных технологий, 2014. – 140 с., ил. . 138

Молотова Т.Л. Рец.: «Этнокультурные процессы на Южном Урале в XX – начале XXI в.» / Ф.Г. Галиева, Р.Р. Садиков, Е.Е. Нечвалода и др.; под общ.ред. Ф.Г. Галиевой, Спб.: ООО «Свое издательство», 2015. 156 с. +12 с. ил. 141

ХРОНИКА

Эрцикова Г.А. XVI Игнатьевские чтения. 143

Сведения об авторах. 145

«Финно-угроведение», 2016, № 1

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МАРИЙСКОГО НАРОДА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ», ПОСВЯЩЕННОЙ 85-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ МАРИЙСКОГО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ИМ. В.М.ВАСИЛЬЕВА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ МАРИЙСКОГО НАРОДА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ»

29–30 октября 2015 года состоялась научно-практическая конференция «Историко-культурное наследие марийского народа в современных условиях», посвященная 85-летию со дня основания Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева.

Значимость конференции состоит в том, что в современном мире в условиях глобализации сохранение культурного и языкового разнообразия стало одной из приоритетных задач российского общества. Язык и духовное наследие народа мари, являясь важнейшей частью российского национального достояния всемирной значимости, находятся на грани исчезновения. С отрывом от традиционной среды существования перестает выполняться одна из важнейших функций родного языка – моделирование специфической для марийского языка картины мира. В условиях интенсивного строительства и хозяйственного освоения территорий утрачиваются ценные памятники археологии, которые дают возможность реконструировать исторические и культурные процессы и события, не получившие отражения в письменных документах. При отсутствии электронного архива под постоянной угрозой утраты находятся памятники марийской письменности.

Конференция позволила выделить ряд ключевых проблем в области регионоведения, культурологии, истории, филологии, социологии, этнологии, а также в разработке методологии и концепции сохранения и развития духовного наследия марийского этноса в современных условиях.

На обсуждение выносились следующие вопросы: актуальные проблемы современной марийской лингвистики; философский и художественный опыт марийской литературы; проблемы сохранения памятников археологии и их актуализация для современного общества; проблемы истории Марийского края;

марийские народные традиции: проблемы сохранения и развития; социальное развитие Республики Марий Эл на современном этапе.

В конференции приняло участие всего 50 человек, из них 27 ученых выступили с докладами. Среди участников конференции, кроме научных сотрудников МарНИИЯЛИ, были ветераны института, представители Марийского государственного университета и Национального музея Республики Марий Эл им. Т. Евсеева.

В рамках конференции проведен вечер воспоминаний «Ӓшӹндӓрӹмӓш вады (мары йӹлмӹзӹ А.А. Саваткован шачмыжылан 90 и теммӹ лӹмеш)», посвященный 90-летию со дня рождения кандидата филологических наук А.А. Саватковой.

На открытии конференции после вступительного слова директора института Александра Сергеевича Казимова была представлена презентация «Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева: история в фотографиях». С приветственной речью выступил Заместитель Председателя Правительства Республики Марий Эл, министр культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл Михаил Зиновьевич Васютин. С гордостью можем отметить, что в ходе своего выступления Михаил Зиновьевич торжественно вручил 7 научным сотрудникам института почетные грамоты и благодарности Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Государственного Собрания Республики Марий Эл, Администрации городского округа «Город Йошкар-Ола». За значительный вклад в развитие гуманитарной науки республики, активную культурно-просветительскую деятельность заведующая научно-исследовательским отделом этнологии кандидат исторических наук Т.Л. Молотова была награждена медалью ордена «За заслуги перед Марий Эл», старшему научному сотруднику отдела археологии кандидату исторических наук Б.С. Соловьеву присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл», заведующей научно-исследовательским отделом истории кандидату исторических наук О.А. Кошкиной объявлена Благодарность Главы Республики Марий Эл. Также А.С. Казимов за многолетний добросовестный труд вручил 15 активным сотрудникам института почетные грамоты и благодарности. Торжественное открытие конференции завершилось приветственным словом заместителя директора по научной работе ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева» Евгения Петровича Кузьмина. Поступило поздравление от министра образования и науки Республики Марий Эл Галины Николаевны Швецовой.

На пленарном заседании было заслушано два доклада. В первом докладе «Развитие этнографических исследований в Республике Марий Эл (2010–2015 гг.)» Т.Л. Молотова выделила актуальные проблемы современной марийской этнологии и акцентировала внимание на целенаправленную

подготовку кадров по этнографии. В докладе «Вклад ученых Марийского научно-исследовательского института в изучение истории Великой Отечественной войны» О.А. Кошкиной был сделан подробный анализ всех изданий института о Великой Отечественной войне.

30 октября работа проходила по четырем секциям, руководителями которых были заведующий научно-исследовательским отделом языка кандидат филологических наук О.А. Сергеев, заведующий научно-исследовательским отделом археологии кандидат исторических наук А.В. Михеев, заведующая научно-исследовательским отделом истории кандидат исторических наук О.А. Кошкина, заведующая научно-исследовательским отделом социологии кандидат исторических наук О.В. Орлова. Судя по их отчетам, состоялся достаточно плодотворный обмен мнениями; в ходе каждого доклада было выделено время для ответов на вопросы, которое по большинству выступлений выливалось в активную дискуссию участников конференции.

На заключительном пленарном заседании подведены итоги работы конференции и выработаны рекомендации по совершенствованию дальнейшей научно-исследовательской деятельности института. Секцией «Этносоциальное развитие Республики Марий Эл на современном этапе» была предложена рекомендация: внести в Государственную программу Республики Марий Эл «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2014–2020 гг.» предложение о поддержке МарНИИЯЛИ в целенаправленной подготовке кадров – молодых исследователей научных проблем гуманитарного профиля этнокультурного направления.

Во время конференции состоялась фото- и видеосъемка ГБУ РМЭ «Государственный архив аудиовизуальной документации Республики Марий Эл».

Людмила Григорьева
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2016, № 1

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

РАЗВИТИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В МАРНИИЯЛИ (2010–2015 гг.)

Аннотация: *В сообщении рассматривается роль этнологии в стране. В МарНИИЯЛИ этнологические исследования были одними из приоритетных. В сообщении рассматриваются научные направления в работе отдела этнологии института за период с 2010 по 2015 гг.*

Ключевые слова: *этнология, этнологические исследования, научные направления.*

За последние 30 лет роль этнологии в нашей стране возросла, что связано с возрастающим значением этнического фактора в современном обществе. Соответственно возникла необходимость его изучения. Каждый российский этнос стремится сохранить и развить свое культурное наследие. Интерес к традиционной культуре в современных исследованиях существенно возрос. Это связано с тем, что в условиях глобализации и информатизации традиция становится связующим звеном с исторической памятью и помогает сохранить национально-культурную идентичность народа. В этнологической науке существует тенденция, когда современность рассматривают через призму прошлого, когда прошлое делается исходной точкой для понимания настоящего.

Традиционная культура каждого этноса – основа национального духовного богатства, многовековый рациональный опыт народа. Вопрос о месте и роли традиционной культуры в современном обществе представляется необычайно интересным и важным.

В настоящее время существует стойкий интерес к этнологическим исследованиям, особенно касающихся культурно-исторических традиций. Спросом пользуются этнологические изыскания, освящающие традиции материальной и духовной культуры народа. Популярны научные и научно-популярные публикации, где анализируются религия, праздники, различные обряды и ритуалы, рассматриваются костюм, пища, жилище и др. Очевидно, поэтому наши книги, сборники этнографического содержания быстро реализуются.

В МарНИЯЛИ этнографические исследования всегда были одним из приоритетных направлений исследований со дня создания института. Приоритетными эти исследования являются и в настоящее время. В исследуемый период в отделе этнологии разрабатываются темы, посвященные как духовной, так и материальной культуре марийского народа. Старший научный сотрудник, кандидат исторических наук Н.С. Попов увлеченно работает над темой «Человек в религиозно-мифологических представлениях марийцев». Исследователь раскрывает следующие аспекты представлений: человек и окружающий мир; человек и животный мир дикой природы; человек и духи леса; человек и духи рек, озер, болот, человек и божества и др. Исследовательский анализ апробирован на научных форумах различного уровня и в публикациях.

Старший научный сотрудник, кандидат исторических наук В.Д. Шаров исследует актуальную современную тему «Современные этнокультурные процессы в Марий Эл (90-е гг. XX и 10-е гг. XXI вв.)», где рассматриваются этнокультурное развитие духовной сферы марийцев (изменения в сфере образования, печати и СМИ, в театральном, сценическом искусстве, праздично-обрядовой культуре, в динамике этноконфессионального состава населения в этническом аспекте). В рамках темы рассматривается краеведческая и этнокультурная деятельность музеев и библиотек, этнокультурная тематика в творчестве марийских художников и мастеров декоративно-прикладного искусства.

Музыковед Н.В. Мушкина в этом году завершила работу над темой «Музыкально-песенные традиции луговых мари (Гемитоника в народной музыке)». Автор в связи с историческим развитием рассмотрела особенности песенного творчества в различных жанрах данной этнографической группы народа. 2011–2013 гг. были опубликованы 2 тома «Песни луговых мари», составленных Н.В.Мушкиной [1; 2]. На конкурсе Лучшая книга года» в 2014 году этот свод марийского фольклора был отмечен как лучшее научное издание. Необходимо отметить, что она недавно успешно сдала вступительные экзамены в заочную аспирантуру МарГУ. В этом же году она приступила к новой теме «Песня в календарно-праздничной обрядности марийцев».

Старший научный сотрудник, кандидат искусствоведения М.Н. Мамаева работала над темой «Жанр рекрутской песни в обрядовой культуре марийцев» и приступила к новой теме «Марийская музыка: становление и развитие профессионального искусства».

Научный сотрудник О.А. Калинина разрабатывала тему, связанную с праздничной обрядностью. Ее усилиями подготовлена рукопись 2 том этнографического наследия «Свадебные обряды марийцев» [3]. Она также начала работать над 3 томом этнографического наследия, связанным с традиционной религиозно-бытовой обрядностью, где собраны опубликованные и рукописные материалы с рекрутскими, родильными, похоронными ритуалами [4].

Заведующая отделом этнологии, кандидат исторических наук Т.Л. Молотова завершила тему о современных тенденциях материальной культуры

марйицев, где рассмотрела эволюцию народного костюма, жилищ, пищи с 2-й половины XX века по современный период [5].

Т.Л. Молотова в настоящее время работает над темой «Этнографию детства: традиционная родильная обрядность и социализация ребенка у марийцев (конец XIX – первая половина XX вв.)». В рамках темы рассматриваются: родильная обрядность, воспитание и уход за детьми, лечение детей, детская традиционная одежда, игрушки и игры, гендерные аспекты социализации детей у марийцев и др.

Все сотрудники отдела увлеченно работают над своими плановыми темами. За период с 2010–14 гг. сотрудниками отдела было опубликовано более 230 статей и сообщений в различных изданиях не только РМЭ, России, но и зарубежных (Финляндия, Венгрия и др.). Необходимо подчеркнуть, что сотрудники являются активными участниками различных научных форумов – международных, российских, региональных и республиканских конгрессов, конференций, симпозиумов и семинаров. В проведении некоторых научных мероприятий активное участие принимали и этнографы института. Так, например, одним из активных организаторов «Кырлинских чтений» является Н.С. Попов. Сотрудники отдела активно участвуют в научной жизни как РМЭ, так и России. Т.Л. Молотова является соавтором коллективной монографии «Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья» [6]. Сотрудники отдела является авторами второго дополненного переиздания историко-этнографических очерков «Марийцы» [7]. Сотрудники участвовали в составлении серии «История Марийского края в лицах» [8; 9]. В настоящее время подготовлен к изданию 3 том серии.

Многие сотрудники являются экспертами, осуществляют консультационную помощь работникам культуры, учителям, являются членами жюри многих фестивалей, семинаров-практикумов и конкурсов различного уровня. Они оказывают практическую помощь в возрождении народных праздничных традиций, костюма, национальной кухни, пропагандируют народную культуру среди населения.

В связи с тем, что к этнографии существует стойкий интерес в современных условиях стали появляться так называемые этнографы, не имеющие представление об этнографии, ее задачах и методах, поэтому появляются работы очень низкой квалификации, граничащие с фантазийными сюжетами. Наблюдается у некоторой части населения этнографическая безграмотность. Для этнографических исследований нужна хорошая академическая подготовка. Квалифицированные сотрудники работают в отделе этнологии МарНИИЯЛИ, они получили академическую подготовку в Институте этнографии им. М.Миклухо-Маклая РАН СССР.

В современных непростых, кризисных условиях этнографы ощущают отсутствие экспедиций, командировок, финансирования на публикации этнографического содержания. В отделе отсутствуют молодые ученые. Экспедиции

очень необходимы поскольку, материалы которых дают динамику развития культуры марийского населения в глобализирующемся мире. А изменения происходят очень быстро, какие-то традиции трансформируются или исчезают, какие-то наоборот возрождаются.

В современных условиях этнографы часто обращаются за информацией в интернет, где можно найти интересную информацию о марийцах, познакомиться с новыми этнологическими публикациями. Однако информация из интернета должна подвергаться проверке, поскольку в ней могут быть неточности, а иногда и откровенные вымыслы.

Социально-политические, экономические изменения постсоветского периода вызвают необходимость изучения проблем этнической идентификации и самоопределения, современных процессов трансформации культуры и адаптации этносов к меняющимся условиям жизни [10]. Так, например, в восточных районах Татарстана, также и Башкортостане в ряде марийских деревень утрачен родной язык, население говорит на татарском, но они еще считают себя марийцами [11]. Это интересный этнологический феномен, который должен изучаться и этнографы должны дать рекомендации по сохранению идентичности марийского населения.

В современных условиях у этнографов широкое поле деятельности, перед нами еще много интересных проблем, неизученных тем, которые требуют научных разработок. Во многих этнологических центрах России этнографы занимаются эволюционной антропологией – этологией человека. Это направление связано с поиском универсалий человеческого поведения и анализом эволюционных основ и механизмов агрессии и примирения, полового поведения, пространственного поведения человека. Интересным направлением является изучение конструирования гендерной идентичности, гендерных стеретипов и их проявлений в этнических и конфессиональных средах, в различных социальных группах. Достаточно интересным направлением является исследования, посвященные проблемам этноархеологии, этнической экологии, этнической демографии и экологии человека.

В меру сил и возможностей этнографы работают над своими исследовательскими темами. В своих работах мы опираемся на то этнографическое наследие, которое оставлено предшественниками В.М. Васильевым, Т.Е. Евсеевым, Т.А. Крюковой, К.И. Козлвой, Г.А. Сепеевым. Их экспедиционные материалы, рукописи, статьи, монографии – это бесценное этнографическое богатство для последующих поколений исследователей культуры марийцев.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Песни луговых мари. Ч.1. Обрядовые песни / Свод марийского фольклора. Сост. Н.В. Мушкина. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 2013. – 592 с.

2. Песни луговых мари. Ч.2. Необрядовые песни / Свод марийского фольклора. Сост. Н.В. Мушкина. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 2013. – 502 с.

3. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп.1. № 1170. Калинина О.А. Свадебные обряды марийцев.

Этнографическое наследие. Вып. 2. 1 папка (1вариант 390 л.). 2 папка (2 вариант 416 л.) 2014.

4. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп.1. № 1189. Калинина О.А. Религиозно-бытовые обряды марийцев. – 187 л. 2014.

5. НРФ МарНИИЯЛИ. Оп.1. № 1156. Молотова Т.Л. Тенденции развитиятя материальной культуры марийцев 50-е годы XX в. – начале XXI в. – 181 л. 2013.

6. Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья: монография / Е.А. Ягафова, Е.С. Данилко, Г.А. Корнишина, Т.Л. Молотова, Р.Р. Садиков; под ред. д-ра ист. наук Е.А. Ягафовой. – Самара: Изд-во ПГСГА, 2010. – 264 с.: цв.ил.

7. Марийцы. Историко-этнографические очерки. Издание 2-е, дополненное. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. – с.482, ил.

8. История Марийского края в лицах XIV – начало XX веков. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2012. – 392 с., ил.

9. История Марийского края в лицах 1941–1945 гг. Великая Отечественная война. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 2015. – 374 с., ил.

10. Антропология социальных перемен / Отв. Ред.Г.А.Комарова, Э-Б.Гучинова. – М.: РОССПЭН, 2011.

11. Полевые материалы автора 2006, 2008, 2015 Мензелинский, Муслюмовский, Актанышский р-ны Татарстана, Бакалинский р-он Башкортостана.

Tamara Molotova

DEVELOPMENT OF ETHNOGRATHIC RESEARCH IN MARI RESEARCH INSTITUTE (2010–2015)

The reports examines the role of ethnology in the country. In Mari Research Institute ethnological research has been one of the priorities. The report notes the scientific directions of the ethnology department of the Institute for the period from 2010 to 2015.

Keyword: *ethnology, ethnological research, scientific directions.*

«Финно-угроведение», 2016, № 1

Борис Соловьев
Йошкар-Ола

БАЛАНОВСКАЯ КУЛЬТУРА
(краткий историографический очерк)

Аннотация: *В статье кратко рассматриваются наиболее дискуссионные проблемы историографии балановской культуры, относящейся к общности боевых топоров бронзового века лесной полосы европейской России. Анализируются вопросы выделения, происхождения, хронологии и периодизации культуры, расселения и этнокультурных контактов, дальнейших судеб ее носителей. Статья является частью большой работы, посвященной эпохе великого переселения народов бронзового века на юге лесной полосы Среднего Поволжья.*

Ключевые слова: *балановская культура, происхождение, хронология, периодизация культуры, народы бронзового века.*

В статье кратко рассматриваются наиболее дискуссионные проблемы изучения балановской культуры.

Выделение культуры. Официальное появление термина «балановская культура» относится к середине (1950 г.) прошлого столетия [1, с. 57–81], но еще десятилетием ранее О.Н. Бадер относил Балановский могильник к особой... культуре, близкой фатьяновской, но связанной с иной территорией и отличающейся некоторыми своеобразными чертами [2, л. 22]. Вероятно, идея возникла под влиянием финского археолога А. Яаряпеяя (Эуропеуса), выделившего восточно-русскую зону сверленых топоров [3]. Не случайно, О.Н. Бадер неоднократно подчеркивал: «… на балановской территории широко распространены... формы сверленых боевых топоров, не характерные для фатьяновской культуры» [4, с. 50–51]; «... в 30-х годах А. Эуропеус в своей известной работе о культурах боевых топоров в России, имел в виду... несколько культур, а не одну фатьяновскую» [5, с. 248]; «… балановскую культуру отличают прямоспинные боевые топоры со втулкой, что было установлено... А. Эуропеусом» [6, с. 49]. Окончательная редакция концепции выглядит следующим образом: «… балановская культура... относится к ... обширной группе ... раннеметаллических культур Средней, Северо-Западной и Се-

веро-Восточной Европы, которые известны под названием культур шаровидных амфор и боевых топоров, или культур шнуровой керамики» [5, с. 250–251]. Для обоснования широко использовались древнесредиземноморские краниологические материалы Балановского могильника [7, с. 322–362].

Многолетняя полемика выявила сторонников [8, с. 83–94; 9, с. 107; 10, с. 73; 11, с. 158–177; 12, с. 97; 13, с. 173–178] и противников [14, с. 254–256; 15, с. 82; 16, с. 16–19; 17, с. 65; 18, с. 49–50; 19; 20, с. 8] оригинальности балановских древностей. Наиболее негативно концепцию О.Н. Бадера воспринял Д.А. Крайнов [19, с. 11, 205, 219, 238, 266]. Предложенное О.С. Гадзяцкой компромиссное понятие «единая культурная общность фатьяновско-балановских племен» [20, с. 76], вскоре было заменено термином «фатьяновская историко-культурная общность» [21, с. 5].

Происхождение и расселение. Автохтонные гипотезы 1930 гг. постепенно сменились миграционными, базирующимися на давних концепциях южного и северокавказского происхождения фатьяновских древностей [22, с. 7; 23, с. 82; 24, с. 169]. О.Н. Бадер помещал отправной пункт миграции на юге или юго-западе, в Западном Причерноморье − области распространения древнесредиземноморского антропологического типа [4, с. 65; 5, с. 312]. П.Н. Третьякова писал: «Если предков фатьяновцев следует искать среди племен, связанных ... со Средним Поднепровьем, то исходная территория балановцев должна была лежать южнее, а путь их на Волгу проходил через лесостепное днепровское Левобережье, по верховьям Дона, минуя поречье Оки…» [8, с. 91]. Предполагалось движение на Среднюю Волгу из Поднепровья вдоль Десны, Оки и ее притоков [25, с. 187] или из Верхнего Поволжья [26, с. 23]. А.Я. Брюсов – создатель теории экспансии культур с боевыми топорами по-лагал, что балановский вариант, сложившийся на ямно-катакомбной основе при участии какого-то племени северокавказской культуры, проник в Волго-Камье из южнорусских степей через Верхнее Подонье [27, с. 14–33; 28, с. 52]. Д.А. Крайнов начертил гипотетический маршрут сурско-свияжских по-пуляций: Предкарпатье → Припять → Днепр → Десна → Ока → Мокша → Свияга → Сура → Средняя Волга [19, с. 263−265, рис. 75, д-е]. Миграции объяснялись сухостью климата и северным смещением лесостепи [25, с. 192; 27, с. 19–20].

Как считает П.М. Кожин, балановская культура возникла в Среднем Поволжье при взаимодействии атликасинского и «протофатьяновского» компонентов. Первый субстрат им был выделен в самостоятельную атликасинскую культуру общности боевых топоров; второй, связанный с «амфорными» сообществами украинской лесостепи, по его мнению, стал основой верхневолжской фатьяновской культуры, а на Средней Волге получил продолжение в виде «постпротофатьяновской» группировки, синхронной балановской [29, с. 3–15]. Эта слишком сложная концепция вызвала негативную реакцию современников [6, с. 53; 20, с. 9–10; 30, с. 9–10]. В.В. Ставицкий полагает, что

обособление атликасинских древностей ставит под сомнение существование балановской культуры, отличной от фатьяновской [31, с. 63]. На мой взгляд, балановская культура сформировалась в Сурско-Свияжском междуречье на основе взаимодействия носителей «протобалановских» и атликасинских культурных традиций, результатом их интеграции стало появление памятников типа Ош Пандо и Хула-Сюч [32, с. 6–7, 11; 33, с. 3–24].

По мнению О.Н. Бадера и А.Х. Халикова [30, с. 81–82], раннебалановские группировки, двигавшиеся южнее правого берега Оки через Суру и Свиягу, заняли Присурье, Предволжье, Заволжье до устья Камы, затем под натиском абашевцев продвинулись на запад, расселившись между Волгой и верховьями Суры и Мокши. Сдвиг и сокращение ареала на ошпандинском (бассейн Суры, Сурско-Окское междуречье, правый берег Волги) и хуласючском (нижнее Присурье) этапах объяснялись давлением поздняковских, чирковско-сейминских, приказанских племен. Последнюю точку зрения опровергают многочисленные фатьяноидно-чирковские материалы и относительно поздние радиоуглеродные датировки поздняковских, луговских, атабаевско-маклашеевских, древностей [12, с. 55–59].

Предполагается заселении Поветлужья и Волго-Вятского междуречья из Ярославского и Костромского Поволжья, Чувашского Предволжья, смешении верхневолжских и сурско-свияжских популяций [19, с. 261, 266; 26, с. 23]. В.В. Ставицкий подвергая сомнению сурско-свияжское направление миграции, пишет об освоении балановцами бассейна Мокши лишь на атликасинском этапе [34, с. 62–66]. Позиция автора изложена в статье, посвященной особенностям расселения носителей балановской культуры [35, с. 224–230].

Периодизация и датировка. Вначале фатьяновские могильники Чувашии датировались первой половиной или третьей четвертью II тыс. до н.э. [26, с. 22–23; 36, с. 30]; балановская культура – «примерно от XVII–XVI до XII в. до н.э.» [1, с. 69]. А.П. Смирнов считал, что «сначала идут поселения балановского типа, затем Ош-Панда и стоянка Хула-Сюч»; атликасинские памятники младше балановских и одновременны ошпандинским [16, с. 67–68]. П.Д. Степанов разделил существование западно-волжского варианта фатьяновской культуры на две фазы: балановско-ошпандинскую с захоронениями в могильниках (вторая – третья четверть II тыс. до н.э.) и хуласючскую с подкурганными погребениями (последняя четверть II тыс. до н.э.) [17, с. 63]. Предполагается, что ошпандинские и хуласючские древности являются поздними синхронными локальными вариантами балановской культуры [38, с. 140].

Периодизации балановской культуры близки между собой. О.Н. Бадер выделил пять этапов: козловский (конец III тыс. – XIX в. до н.э.), балановский (XIX–XV вв. до н.э.), атликасинский (XV–XIV вв. до н.э.), ошпандинский (XIV–XII вв. до н.э.), хуласючский (XI–IX вв. до н.э. [4, с. 61; 5, с. 275–276]; А.Х. Халиков и Е.А. Халикова – четыре: балановский (первая половина II тыс. до н.э.), атликасинский (XV–XIV вв. до н.э.), ошпандинский (XIV–XII вв.

до н.э.), хуласючский (конец II и начало I тыс. до н.э.) [38, с. 263, рис. 16]. В схеме О.Н. Бадера – А.Х. Халикова козловский период так же отсутствует [30, с. 76–77]. В настоящее время общность боевых топоров на территории России датируется XXV–XXII вв. до н.э. [39, с. 85]; балановская культура Волго-Камья − последней четвертью III – первой четвертью II тыс. до н.э. [32, с. 7]. Балановско-фатьяновские калиброванные радиоуглеродные даты охватывают XXVI–XVIII вв. до н.э. [40, табл. 5, а, б; 11, а, б].

Балановский могильник относился к середине II тыс. до н.э., XIX–XV вв. до н.э., XVI–XIV вв. до н.э., XVII в. до н.э. − середине II тыс. до н.э. и синхронизировался с мегалитами Северной Европы конца III − начала II тыс. до н.э. [5, с. 271; 16, с. 67–68; 19, с. 237–238; 20, с. 75; 41, с. 49–50]. Верхневолжские «балановские» комплексы, включенные в никульницкий, волосово-даниловский, скомороховско-буньковский этапы фатьяновской общности, датированы XVIII–XV вв. до н.э.; вятско-ветлужские – XIV–XIII вв. до н.э.; балановский металлургический очаг – досейминским хронологическим горизонтом [19, с. 237–238; 21, с. 39–40; 42, с. 107–108].

Появление балановского населения в левобережье Средней Волги сопоставляется с финальным (начало II тыс. до н.э.) или развитым (последняя четверть III тыс. до н.э.) этапами средневолжской волосовской культуры [12, с. 23–24, 55; 43, с. 66–67; 44, с. 148]. Автор неоднократно писал о хронологическом пересечении поздневолосовских, балановско-атликасинских, хуласючских, чирковских, сейминско-турбинских, абашевских древностей [12, с. 55–59; 45, с. 17; 46, с. 76–80; 47, с. 66].

Этнокультурные связи. Идеи генетической преемственности фатьяновско-балановской и абашевской культур и тесного балановско-срубного взаимодействия [15, с. 83–85; 26, с. 95, 98; 36, с. 26, 30; 48, с. 14; 49, с. 9–10; 50, с. 47–47, 74; 51, с. 128; 52, с. 96], на мой взгляд, неправомерны. Отмечается кратковременное соприкосновение с позднегаринским (юртиковским) населением Средней Вятки [12, с. 98]. Мнению В.В. Никитина о враждебных отношениях балановских и аборигенных энеолитических группировок [43, с. 70] противоречат чирковские древности, свидетельствующие о тесных контактах с местными волосовскими и пришлыми кротовско-елунинскими коллективами, связанными с сейминско-турбинским феноменом [32, с. 3–21]. Автором вслед за В.П. Третьяковым, подчеркивается доминирование атликасинско-балановских традиций в формировании чирковской культуры [12, с. 25–59; 32, с. 7]. В.В. Ставицкий пишет по этому поводу: «... на Средней Волге балановцы ассимилируют волосово, на этот процесс накладываются контакты с носителями «валиковой керамики» (западносибирское елунинско-кротовское население − Б.С.) и вольско-лбищенцами, затем все это поглощает абашево» [31, с. 65]. Заметим, что единичные вольско-лбищенские проявления в лесном Прикамье: Ройский Шихан, Зуевы Ключи демонстрируют отсутствие контактов с культурами боевых топоров [53, с. 122–128]. Взаимодействие с

фатьяновскими группировками отражают материалы Волосово-Даниловского и других верхневолжских могильников; наличие на средне-волжской керамике штампованных «ярославских» ромбов, одинарных зигзагов, «елочек»; Е.В. Волкова считает основной зоной смешения территорию Ивановской области [12, с. 49; 19, с. 114–135; 20, с. 39–50; 22, с. 63–74, 81].

Дальнейшие судьбы. Исчезновение балановско-фатьяновских популяций объяснялось поглощением, ассимиляций, уничтожением прафинскими племенами [8, с. 88; 18, с. 50; 19, с. 269–271; 27, с. 33; 54, с. 36; 21, с. 54]. Д.А Крайнов связывал исчезновение фатьяновской культуры в Волго-Окском междуречье с появлением абашевских, поздняковских племен, населения с «текстильной» керамикой. По его мнению, ее взаимодействие с поздневолосовской, абашевской, поздняковской культурами, культурой с текстильной керамикой привело к появлению на территории центра Русской равнины дьяковской, городецкой, юхновской и другие культур раннего железного века [55, с. 76]. Предполагается участие фатьяновских и фатьяноидных группировок в формировании общности «текстильной» керамики [8, с. 136; 56, с. 19; 57, с. 148; 58, с. 320]. Судьба балановской культуры на Средней Волге остается загадочной [30, с. 82]. Вероятно, ее финал связан с распространением на юге лесной зоны срубно-андронидных и прафинских сообществ позднего бронзового века [12, с. 99].

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДКИН	− Автореферат диссертации на соискание степени кандидата исторических наук
АЭМК	− Археология и этнография Марийского края
ЗОРСА РАО	− Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества
КСИА	− Краткие сообщения института археологии
КСИИМК	− Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МарАЭ	− Марийская археологическая экспедиция
МИА	− Материалы и исследования по археологии СССР
СА	− Советская археология
САИ	− Свод археологических источников
СЭ	− Советская этнография
ТАС	− Тверской археологический сборник
ТИЭ	− Труды института этнографии
ЧГИГН	− Чувашский государственный институт гуманитарных наук
ЧНИИ	− Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики (1956−1994 гг.)
ESA	− Eurasia Septentrionalis Antiqua (Helsinki)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадер О.Н.* К вопросу о балановской культуре // СЭ. 1950. № 1.

2. *Бадер О.Н.* Могильник в урочище «Карабай» близ дер. Баланово в Чувашии (по раскопкам 1934 г.). – Научный архив ЧГИГН. Отд. 2, ед. хр. 552, №1560. Поступление 1940 г.

3. *Äyräpää A.* Über die Streitaxtkulturen in Russland: (Über die Verbreitung neolitischer Elemente aus Mitteleuropa nach Osten // ESA. 1933. T. VIII.

4. *Бадер О.Н.* Балановская культура // СА. 1961. № 4.

5. *Бадер О.Н.* Балановский могильник: Из истории лесного Поволжья в эпоху бронзы. – М., 1963.

6. *Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. – М., 1970.

7. *Акимова М.С.* Палеоантропологические материалы из Балановского могильника / Бадер О.Н. Балановский могильник. – М., 1963.

8. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. – М.–Л., 1966.

9. *Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М., 1970.

10. *Халиков А.Х.* Материалы к изучению истории населения Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья в эпоху неолита и бронзы. Тр. МарАЭ. Т. I. – Йошкар-Ола, 1960.

11. *Никитин А.Л.* Могильник Дикариха на Плещеевом озере (раскопки 1961 и 1964 гг.) // СА. 1973. № 2.

12. С*оловьев Б.С.* Бронзовый век Марийского Поволжья. Тр. МарАЭ. Т. VI. – Йошкар-Ола, 2000.

13. *Королев А.И., Ставицкий В.В.* Примокшанье в эпоху раннего металла. – Пенза, 2006.

14. *Брюсов А.Я.* Очерки истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. – М., 1952.

15. *Ефименко П.П., Третьяков П.Н.* Абашевская культура в Поволжье // Абашев-ская культура в Среднем Поволжье. МИА. № 97. – М., 1961.

16. *Смирнов А.П.* Железный век Чувашского Поволжья. МИА. №95. – М., 1961.

17. *Степанов П.Д.* Ош Пандо. – Саранск, 1967.

18. *Киселев С.В.* Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. – М., 1965.

19. *Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья. – М., 1972.

20. *Гадзяцкая О.С.* Памятники фатьяновской культуры. Ивановско-горьковская группа. САИ. Вып. В1–21. – М., 1976.

21. *Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С.* Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. САИ. В1–22. – М., 1987.

22. *Волкова Е.В.* Гончарство фатьяновских племен. – М, 1996.

23. *Спицын А.А.* Новые сведения о медном веке в Средней и Северной России. ЗОРСА. Т. VII. Вып 1. – СПб., 1905.

24. *Городцов В.А.* Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отчет Императорского Российского исторического музея в Москве за 1914 г. – М., 1916.

25. *Фосс М.Е.* Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА. № 29. М., 1952.

26. *Кривцова-Гракова О.А.* Хронология памятников фатьяновской культуры // КСИИМК. 1947. Вып. XVI.

27. *Брюсов А.Я.* Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н.э. // СА. 1961. № 3.

28. *Брюсов А.Я.* Восточная Европа в III тыс. до н.э. (этногенетический очерк) // СА. 1965. № 2.

29. *Кожин П.М.* О происхождении фатьяновской культуры. АДКИН. – М., 1967.

30. *Бадер О.Н., Халиков А.Х.* Памятники балановской культуры. САИ. В1–25. – М., 1976.

31. *Ставицкий В.В.* О некоторых дискуссионных проблемах изучения лесной полосы Среднего Поволжья в бронзовом веке // Археология восточной лесостепи. Т. I. Вып. II. – Пенза, 2008.

32. *Соловьев Б.С.* Этнокультурные процессы на юге лесного Поволжья в конце среднего − начале позднего бронзового века // Финно-угроведение. 2013. № 2.

33. *Соловьев Б.С.* Формирование балановской культуры // Финно-угроведение. 2015. № 1.

34. *Ставицкий В.В.* Бронзовый век Посурья и Примокшанья. – Пенза, 2005.

35. *Соловьев Б.С.* Особенности расселения носителей балановской культуры в Марийско-Чувашском Поволжье // Урало-Поволжье в древности и средневековье. – Казань, 2011.

36. *Третьяков П.Н.* Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. – Чебоксары, 1948.

37. *Каховский Б.В., Каховский В.Ф.* Новые памятники балановской культуры // История, археология и этнография Чувашской АССР. Тр. ЧНИИ. Вып. 60. – Чебоксары, 1975.

38. *Халиков А.Х., Халикова Е.А.* Васильсурское поселение эпохи бронзы // МИА. №110. – М.–Л., 1963.

39. *Кузнецов П.Ф.* Основные этапы раннего и среднего бронзового веков Волго-Уралья во взаимосвязи с процессами культурогенеза Восточной Европы // XVIII Уральское археологическое совещание. – Уфа, 2010.

40. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б.* Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. – М., 2011.

41. *Киселев С.В.* Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. – М., 1965.

42. *Черных Е.Н.* Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. – М., 1970.

43. *Никитин В.В.* Медно-каменный век Марийского края. – Йошкар-Ола, 1991.

44. *Большов С.В.* Лесная полоса Среднего Поволжья в эпоху средней бронзы (проблемы культурогенеза первой половины II тыс. до н.э.). – Йошкар-Ола, 2006.

45. *Соловьев Б.С.* К вопросу о взаимодействии культур эпохи ранней бронзы юга лесной полосы Среднего Поволжья // Взаимодействие культур в Среднем Поволжье в древности и средневековье. АЭМК. Вып. 27. – Йошкар-Ола, 2004.

46. *Соловьев Б.С.* Сейминско-турбинское время на юге лесного Поволжья // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 2004.

47. *Соловьев Б.С.* Юринский (Усть-Ветлужский) могильник по раскопкам 2001 г. // Новые археологические исследования в Поволжье. – Чебоксары, 2003.

48. *Сальников К.В.* Абашевская культура на Южном Урале // СА. 1954. Вып. XXI.

49. *Горбунов В.С.* Некоторые проблемы культурогенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья. – Свердловск, 1990.

50. *Кузьмина О.В.* Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. – Самара, 1992.

51. *Акимова М.С.* Антропологический тип населения фатьяновской культуры // ТИЭ. Т. I. – М.–Л., 1947.

52. *Каховский В.Ф.* Чурачикский могильник // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958–1961 годах. Уч. зап. ЧНИИ. Вып. XXV. – Чебоксары, 1964.

53. *Соловьев Б.С.* О «чирковских» памятниках Прикамья // Археологические памятники Поволжья и Урала. Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. I. – Пермь, 2012.

54. *Бадер О.Н.* Культура с «текстильной» керамикой в Северо-Восточной Европе // СА. 1966. № 3.

55. *Крайнов Д.А.* Фатьяновская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987.

56. *Крайнов Д.А.* Некоторые спорные вопросы древнейшей истории Волго-Окского междуречья // Памятники первобытного общества на территории СССР // КСИА. 1964. Вып. 97.

57. *Косменко М.Г.* Происхождение культуры и хронология памятников периода бронзы в Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. – Петрозаводск, 1991.

58. *Воронин К.В.* К вопросу о происхождении и развитии культуры сетчатой керамики бронзового века // ТАС. Вып. 3. – Тверь, 1998.

Boris Solovyov

BALANOVO CULTURE (BRIEF HISTORIOGRAPHIC SKETCH)

The article briefly describes the most discussional problems of balanovo cultural historiography relating to the common battle axes of the Bronze Age forest belt of European Russia. The allocation of quations, origin, chronology and periodization of culture, essettlement and ehno-cultural contacts, the future fate of its carriers are analized. This article is a part of a great work, dedicated to the era of the great migration of the people of the Bronze age of the forest zone of the Middle Volga.

Keywords: *Balanovo culture, origin, chronology, periodization of culture, great migration.*

«Финно-угроведение», 2016, № 1

Александр Акилбаев
Йошкар-Ола

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ И ТОРГОВЫХ КОНТАКТОВ ДРЕВНЕМАРИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В IX – НАЧАЛЕ XII вв.

Аннотация: *В статье рассматриваются основные направления торговых и этнокультурных связей марийского населения в IX – начале XII вв., которые связаны преимущественно с Волжским торговым путем. Выделяются их хронологические периоды. Это связи с Русью и соседними регионами, с Волжской Булгарией и странами Востока. Кроме этого, в отдельную категорию выделяются контакты с Верхним Прикамьем.*

Ключевые слова: *торговые, этнокультурные связи, Волжский торговый путь, Волжская Булгария, Верхнее Прикамье, Русь.*

Исследователями выделяется 3 этапа функционирования Волжского торгового пути: 2 пол. X – 1 пол. XI в. (установление торгово-дипломатических отношений Руси и Волжской Булгарии); 2 пол. XI – 1 пол. XII в. (наивысший подъем торговли по Волжскому пути, связанный с усилением Северо-Восточной Руси и перенесением торговых путей с юга на север из-за половецкой угрозы); 2 пол. XII – 1 треть XIII в. (перебои в функционировании Волжского пути, связанные с конфликтами владимиро-суздальских князей с Волжской Булгарией, монголо-татарское нашествие) [1, с. 12–13, 78, 80]. В связи с поставленной темой, остановимся на двух первых этапах.

Начало появления импортных вещей на территорию Вятско-Ветлужского междуречья приходится на IX в. Это некоторые вещи салтовского облика и вещи, связанные с западными волжскими финнами (рис. 1–3). Проникновение этих предметов эпизодично, однако свидетельствует о том, что основа для Великого Волжского пути была подготовлена за столетие до начала его функционирования, уже в ранний период осуществлялось передвижение вещей по волжской артерии. Причем мы не наблюдаем в это время предметов древнерусского или европейского происхождения, что говорит об относительной локальности связей: контакты осуществлялись только непосредственно с соседями.

Начало полноценного функционирования волжской торговли во 2 пол. X в. отмечено появлением некоторых вещей древнерусского и балтийского

происхождения (рис. 4, 5, 6) и массой предметов из Волжской Булгарии (рис. 7, 8).

Период с X до 1 пол. XI в. характеризуется наивысшей активностью связей с Волжской Булгарией. К марийцам массово ввозятся дирхемы, предметы поясной гарнитуры, орудия труда, предметы быта, ткани и другие товары. Появляются и вещи статусного характера: предметы торревтики, оружие. Причем мы наблюдаем не только сбыт продукции булгарских ремесленников, но и посредническую торговлю булгарских купцов, поскольку такие товары как шелк и раковины-каури не происходят непосредственно из Волжской Булгарии.

В отличие от украшений волжских финнов и прикамского населения, булгарские украшения (за исключением наборных поясов) не вошли в древнемарийский костюм. Более того, большинство украшений из Волжской Булгарии даже не ввозились в Вятско-Ветлужское междуречье. Однако, вполне возможно, что это не относится к одежде, не исключено, что отдельные предметы одежды могли быть восприняты древнемарийским населением.

Анализ материалов показал, что не все предметы, традиционно считающиеся булгарскими, являются таковыми.

Несмотря на то, что бóльшая часть булгарского импорта приходится на могильники, прилегающие к Волге, он в большом количестве присутствует и на других могильниках. Вероятно, булгарские купцы передвигались и по Ветлуге, поскольку вещи из Волжской Булгарии синхронны на всех древнемарийских некрополях.

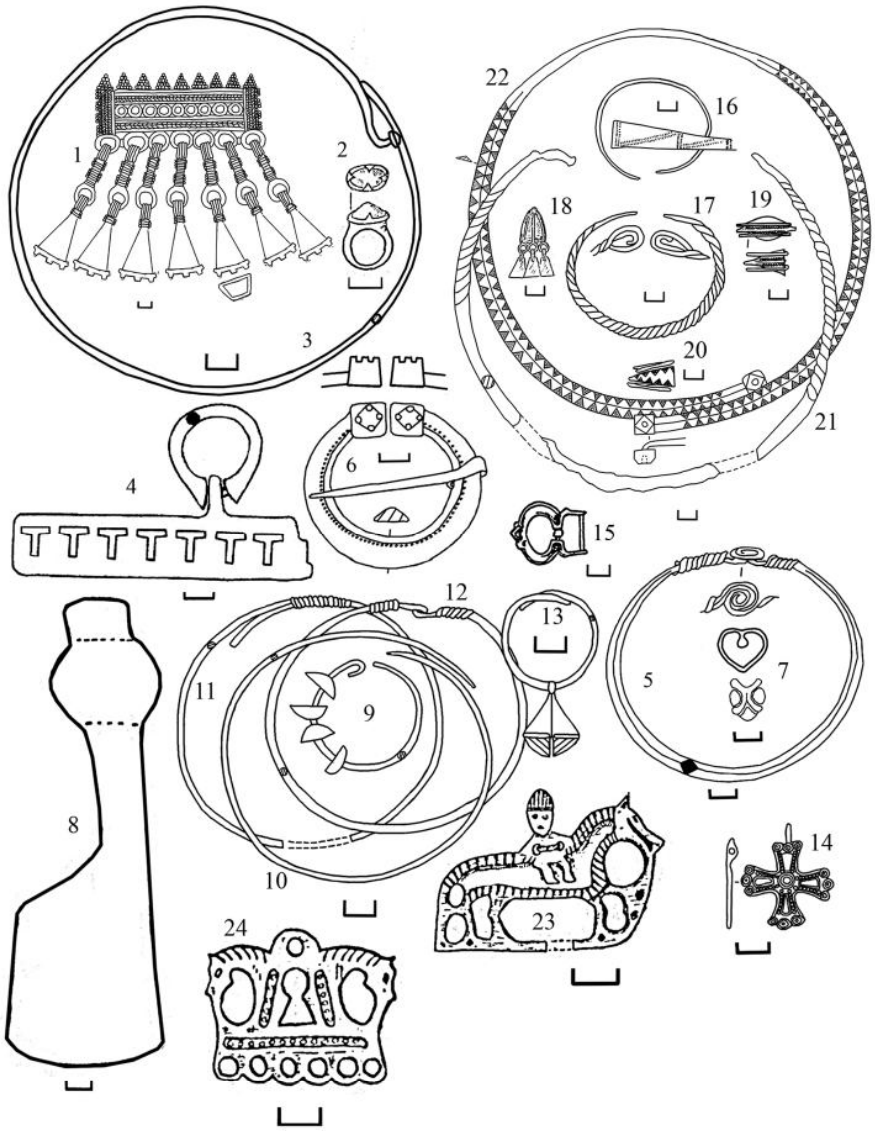
Предметы престижного характера (оружие, отдельные наборные пояса) могут свидетельствовать о некотором политическом влиянии Волжской Булгарии.

Вероятнее всего, продуктом, на который марийцы обменивали булгарские вещи, была пушнина [2, с. 103].

Наиболее показательно начало функционирования Великого Волжского пути иллюстрируют предметы древнерусского происхождения, поскольку они связаны не с торговлей соседей, а с дальними походами, контактами с отдаленными регионами. Вещи западного происхождения не вошли в древнемарийский костюм и носили престижный характер.

Стоит отметить, что эти предметы (как и булгарские товары) стали поступать в Вятско-Ветлужское междуречье несколько раньше 2 пол. X в. Так погребение 5 Веселовского могильника, содержащее фибулу и ташку – вещи западного мира – датировано нач. X в. [3, с. 62]. Однако наибольшее количество их приходится на 2 пол. X – нач. XI в. Таким образом, имеет основание начало функционирования Волжского торгового пути удревнить до начала X в., по крайней мере, на его отрезке выше Волжской Булгарии.

Со 2 пол. XI в. ситуация в регионе значительно меняется. На смену отдельным западным вещам приходит множество древнерусских изделий

Рисунки выполнены Г.А. Архиповым и Т.Б. Никитиной.

1-п. 7 могильника «Нижняя Стрелка»; 2-п. 10 Веселовского могильника; 3-п. 5 могильника «Черемисское кладбище»; 4-из раскопок 1929 г. Веселовского могильника; 5-п. 53 Дубовского могильника; 6-п. 5 Веселовского могильника; 7-п. 16 могильника «Нижняя Стрелка» и п. 59 Дубовского могильника; 8-п. 1 Дубовского могильника; 9-п. 11-а могильника «Нижняя Стрелка»; 10-п. 14 могильника «Черемисское кладбище»; 11-п. 5 могильника «Нижняя Стрелка»; 12-п. 23 могильника «Нижняя Стрелка»; 13-п. 4 могильника «Нижняя Стрелка»; 14-подъемный материал с Веселовского могильника; 15-п. 19 Дубовского могильника; 16-п. 28 Веселовского могильника; 17-п. 5 могильника «Нижняя Стрелка»; 18-п. 26 Веселовского могильника; 19-п. 31 Дубовского могильника; 20-п. 17 могильника «Нижняя Стрелка»; 21-п. 30 могильника «Нижняя Стрелка»; 22-п. 11 могильника «Нижняя Стрелка»; 23-п. 4 Дубовского могильника; 24-п. 18 Веселовского могильника.

славяно-финского облика (рис. 9–22). Эти изделия к концу века вытесняют из костюма даже собственно древнемарийские вещи (браслеты, перстни, «глазовские» гривны и др.). Вещи с Древней Руси вытесняют также и булгарские предметы из Вятско-Ветлужского междуречья. Логично предположить, что подобное явление объясняется славяно-финским продвижением на восток в Волго-Окское междуречье и последующее противостояние Руси и Булгарии.

Многие из таких изделий имеют широкое распространение преимущественно в Северной Руси и окрестных территориях, но возможно выделить три центра их поступления: Волго-Окское междуречье (с некоторыми соседними территориями), Белозерье, Новгород и Новгородская земля. Причем изделия из Волго-Окского междуречья заметно преобладают, что можно объяснить географической близостью [4, с.69].

Таким образом, наивысшая активность торговли по Волге со 2 пол. XI в. совпала со славяно-финским продвижением в Волго-Окское междуречье и укреплением Древней Руси в этом регионе.

Проникновение вещей прикамского облика связано с этническими контактами [5, с. 86–87]. Эти вещи (рис. 23, 24) известны на всем протяжении существования могильников IX–XII вв. Вятско-Ветлужского междуречья, стали характерными для древнемарийского костюма, носились вместе с этническими или привозными предметами. Причем некоторые из этих украшений (коньковые подвески, подвески-всадницы, обувные подвески) не были вытеснены даже древнерусскими украшениями. По-видимому, это объясняется ношением коньковых подвесок и подвесок-всадниц некоторыми группами населения Руси.

Таким образом, можно выделить несколько путей проникновения иноэтничных вещей на территорию Вятско-Ветлужского междуречья:

1) связи древних марийцев с другими волжскими финнами (IX–X вв.);

2) эпизодическое проникновение вещей салтовского облика на ранних этапах функционирования древнемарийских могильников (IX в.);

3) торговля по Волге древнерусских и скандинавских купцов (X – 1 пол. XI в.);

4) торговые и, возможно, политические связи с Волжской Булгарией (X – 1 пол. XI в.);

5) славяно-финское продвижение на восток с территорий запада Волго-Окского междуречья, Белоозера и Новгородской земли (со 2 пол. XI в);

6) постоянные этнические контакты с населением Верхнего Прикамья (IX – конец XI в.).

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Моця А.П., Халиков А.Х.* Булгар – Киев. Пути, связи, судьбы. – Киев, 1997.

2. *Халиков А.Х.* Об этнических основах марийского народа // Древние и современные процессы в Марийском крае. АЭМК. Вып. I. – Йошкар-Ола, 1976.

3. *Никитина Т.Б.* Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Археология евразийских степей. Вып. 14. – Казань, 2012.

4. *Акилбаев А.В.* Контакты марийского населения с Русью и поволжскими финнами в IX – начале XII в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. № 2 (34). – Саранск, 2015.

5. *Акилбаев А.В.* Прикамские вещи в материалах могильников IX – начала XII веков Вятско-Ветлужского междуречья // Переходные эпохи в археологии. Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание». – Сыктывкар, 2013.

Aleksander Akilbayev

THE MAIN DIRECTIONS OF ETHNO-CULTURAL AND TRADE CONTACTS OF THE ANCIENT MARI PEOPLE IN THE IX AND BEGINNING OF THE XII CENTURIES

The article describes the main directions of the trade and ethno-cultural relations of Mari people in the IX and beginning of the XII century, which are connected with the Volga trade roud. Their chronological periods are standed. This are ties with Rus and neighboring regions, with Volga Bulgaria and the East countries. In addition the contacts to Upper Kama area are allocated to a separate category.

Keywords: *ethno-cultural and trade relations, Volga Trade Roud, Volga Bulgaria, Upper Kama area, Rus.*

«Финно-угроведение», 2016, № 1

Владимир Шаров
Йошкар-Ола

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ МАРИЙЦЕВ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация: *В данной публикации характеризуется этнокультурная политика, проводившаяся в Республике Марий Эл в последнем десятилетии XX-го – первом десятилетии XX-го вв. Приводится сложная и противоречивая динамика обучения в образовательных учреждениях марийскому языку, статистика книгопечатания и изданий национальной периодики. В заключении затрагивается суть проблемы этнокультурной ситуации в свете происходящих в мире процессов глобализации.*

Ключевые слова: *национальная политика, программы этнокультурного развития, марийский язык, глобализация.*

Рубеж 20-го – 21 веков, если под ним подразумевать последнее десятилетие прошлого и первое десятилетие текущего века, представляет собой неоднородный период, в течение которого в России в целом и в регионах в частности, происходили сложные и противоречивые процессы политического, экономического, социального и культурного развития. При этом начало 90-х годов знаменует собой начало совершенно нового и особого исторического периода, связанного со сменой политического строя и общественной формации.

Исключением не стала и Марийская республика. Одним из важнейших событий, с которого в республике началась новая эпоха этнокультурной жизни, следует признать принятие резолюции XIX Всесоюзной партийной конференции 1988 года «О межнациональных отношениях». В сентябре 1989 года состоялся Пленум ЦК КПСС по данному вопросу. В целях реализации решений этого пленума в январе 1990 года Марийский обком утвердил «Основные мероприятия по совершенствованию межнациональных ,отношений и интернационального воспитания трудящихся» [1, с. 1–2]. Документ во многом носит декларативный характер, но содержит немало конкретных мероприятий для реализаций.

Хотя и не сразу, спустя три года 30 октября 1992 года, в этих новых условиях собрался съезд марийского народа (исторически по счету третий).

Общеизвестно, что не только в союзных республиках, но и среди малых народов России, в этот период произошел всплеск этнического самосознания.

В связи с упоминанием принятых в республике мероприятий по совершенствованию межнациональных отношений, следует особо отметить, что этот документ продемонстрировал серьезное отношение к национальной политике еще в советское время.

И в последующем этнокультурной политике в республике традиционно уделялось огромное внимание. Свою региональную концепцию государственной национальной политики Марий Эл приняла еще в 1997 году [2, с. 63–78] через год после утверждения аналогичной концепции на федеральном уровне и была третьей по счету после Якутии и Республики Коми среди 14 российских регионов, принявших на сегодняшний день подобный документ.

С 8 мая 2015 года данная концепция действует в новой редакции, утвержденной указом главы республики [3].

С подготовкой правительством республики первого варианта Концепции уже в 1997 году в республиканском бюджете, утверждаемого Законом, появилась статья расходов под названием «Программы межнациональных отношений».

Эта строка фигурировала в законе о республиканском бюджете в течение 7 лет с 1997 по 2003 годы до принятия республиканской целевой программы «Развитие этнокультурных и межнациональных отношений в Республике Марий Эл (2004–2008 годы)» [4, с. 151–192].

В дальнейшем данная программа под несколько иным названием «Этнокультурное развитие Республики Марий Эл (2009–2013 годы)» [5, с. 67–111] была пролонгирована и на сегодняшний день в связи с особым отношением федеральной власти к этнической политике в республике постановлением Правительства Республики Марий Эл от 8 октября 2012 г. № 378 утверждена программа «Государственная национальная политика Республики Марий Эл на 2013–2020 годы» [6].

О серьезном отношении руководства региона к этническим проблемам свидетельствует также существование в республике соответствующих правительственных комиссий, в частности, по реализации концепции государственной национальной политики, по государственным языкам в Республике Марий Эл, орфографической комиссии и др. При Главе республики успешно работает совет по взаимодействию с религиозными объединениями.

При оценке общих итогов этнокультурного развития за последнее десятилетие 20-го и первое десятилетие 21-го века следует иметь в виду, что рассматриваемый период, так называемый «стык веков», нельзя рассматривать как единый хронологический срез.

Реализация этнокультурной политики осуществлялась в очень трудный кризисный период 90-х годов, в течение которого все, что было связано с национальными проблемами, финансировалось по остаточному принципу. Это – издание национальной литературы, учебников, развитие газет и журналов на марийском языке, деятельность культурно – досуговых учреждений, музеев, библиотек и многое другое. Национальная культура столкнулась с реальностью рыночных условий, к которым не была готова.

Первое десятилетие 21 века можно рассматривать как период активной и даже по некоторым аспектам успешной реализации этнокультурной политики. При этом оценивать десятые годы текущего столетия в связи с вновь возникшими экономическими трудностями в России и регионе, включая сегодняшний день, явно преждевременно.

Сложность оценки итогов этнокультурного развития заключается еще и в том, что каждый аспект понятия «Этнокультурное развитие» подразумевает в себе огромный самостоятельный раздел социальной сферы, характеристика каждого из которых представляет собой глобальную научно-исследовательскую тему (этнические аспекты образования, средства массовой информации, литературно-художественное и духовное творчество, религиозное сознание и т.д.).

Обучение марийскому языку в образовательных учреждениях республики в рассматриваемый период происходило в сложных условиях демографического спада и экономического кризиса. В связи со старением и низкой рождаемостью сельского населения власть должна была идти на непопулярные меры – закрытие школ, особенно малокомплектных. Число общеобразовательных учреждений в целом по республике с 1980/1981 по 2009/2010 учебные годы снизилось с 467 до 296, то есть на 36,7%. При этом в городах и поселках городского типа это снижение составило 6,6%, в сельской местности – почти в два раза (43,9%) [7, с. 146]. В аналогичных масштабах соответственно происходило и изменение в них числа учащихся.

Система начального образования на марийском или другом национальном языке, действующая практически только в сельской местности, не охватывает всех детей с родным, не русским, языком (с функционально первым, не русским, языком). Среднее образование на марийском языке в республике отсутствует. Преподавание родного языка как отдельного предмета для нерусских детей также ведется в основном в сельских школах, обычно имеющих статус национальной школы.

Преподавание родного языка как отдельного предмета для нерусских детей также ведется в основном в сельских школах, обычно имеющих статус национальной школы. В 2013/14 учебном году. марийский язык как родной изучался в 119 школах (20 479 учащихся), татарский – в 10 (938), удмуртский – в одной (74). К этому периоду за истекшие 10–15 лет произошло заметное снижение, так в 2001 г. марийский язык как родной изучался в 226 школах (24 399 учащихся), татарский – в 12 (2020), удмуртский – в 3 (158). В двух школах с численностью 15 учащихся изучался чувашский язык.

По программе преподавания государственного языка марийский язык преподается в 182 школах. По ней марийский язык изучают немарийские дети, а также марийцы, не имеющие возможности изучать марийский в качестве родного, либо русскоговорящие марийцы (не владеющие марийским языком). Всего в 2001/2002 учебном году марийский язык как государственный и как

родной изучали 37,1% от общего числа учащихся. В 2013/14 учебном году эта цифра увеличилась до 50,7 % для детей всех национальностей [8, с. 133–140].

Также неоднозначно и противоречиво можно оценивать динамику книгопечатания и развития СМИ на марийском языке, не удовлетворяющих в полной мере запросам марийского населения, но успехи, тем не менее, здесь очевидны. В 2008 году в сравнении с 1985 годом в республике было выпущено книг в три раза больше (соответственно 490 и 143). Книг на марийском языке за этот период было издано тоже заметно больше, соответственно 68 в 2008 и 38 в 1985 гг. [9, с. 7]. Правда, при этом доля государственного бюджета в книгопечатании к концу десятых годов осталась очень скромной и большинство книг за этот период были выпущены на средства самих издательств, спонсоров, авторов книг, финского Общества М.А. Кастрена и Программы родственных народов Эстонии.

В исследуемый период возросло количество периодических изданий. В 1991 году в республике издавалось 45 газет и 7 журналов. На начало 2014 года в Республике Марий Эл выходит более 100 печатных периодических изданий, 13 из которых финансируются из республиканского бюджета. За счёт средств муниципальных образований республики выпускаются городские и районные газеты. Из 21 районной и городской газеты 5 издаются на марийском языке. Ежемесячно тематические страницы на марийском языке выходят еще в двух районах. С 2003 года Параньгинская районная газета «Наша жизнь» выходит в 2-хполосным приложением на татарском языке [10, с. 7–11].

Можно без преувеличения сказать, что, начиная с 90-х годов прошлого столетия повседневная жизнь в республике насыщена многочисленными событиями этнокультурной направленности. В научной сфере регулярно проводятся конференции, круглые столы, семинары по этнической проблематике. В сфере культурно-досуговой деятельности – многочисленные фестивали, концерты, конкурсы и другие мероприятия, связанные с удовлетворением национальных потребностей, и, вовлекающие массовое население.

Следует иметь в виду, что марийский народ со своей национальной культурой и языком сосуществует в русскоязычной среде, в обстановке доминирования культуры русского населения региона и всей страны, и, в свою очередь, культура русского населения, и одновременно марийская, находятся под воздействием западной культуры.

Об актуальности темы глобализации можно судить по огромному количеству вышедших за последние десятилетия публикаций, в названиях которых содержится этот термин. Запрос в базе данных Российской государственной библиотеки показывает более двух тысяч наименований. Причем, большинство изданий представляют собой солидные по объему и нередко многотомные сборники статей и докладов на крупных конференциях, посвященных именно этой теме.

Но, несмотря на обилие литературы, теоретическая база процесса глобализации, судя по всему, не сформировалась и, что собой представляет это

явление в этническом аспекте, ясности нет. Хотя для всех очевидно, что этот процесс полностью захватил сферу материальной культуры, то есть люди во всем мире живут в домах европейского типа, ездят на однотипном транспорте, пользуются сходными предметами обихода (холодильники, стиральные машины, мебель, посуда, утварь и т.д.).

Но в духовной сфере глобализация происходит иначе.

В результате исследования общемировых и национальных элементов в культуре различных народов известный российский этнограф С.А. Арутюнов пришел к выводу, что «до определенного момента общемировая культура воспринимается как престижная, но, достигая определенного уровня насыщения ею, она теряет это свойство, и знаком престижности становятся вновь национальные черты, или «фольклоризмы».

Реакцией на глобализацию может оказаться, наоборот всплеск духовной этнической культуры. Несмотря на усиление процесса глобализации, в большинстве стран мира сохраняется интерес к национальным традициям. На примере Республики Марий Эл об этом в частности свидетельствуют успешные гастроли народных песенных и танцевальных коллективов, в частности ансамблей «Марий Эл», «Мари Памаш», «Морко Сем» и других.

В последнее десятилетие в республике заметно усилилась этнокультурная деятельность библиотек, музеев, досуговых учреждений и т.д..

В этой связи роль процесса глобализации на этнокультурное развитие марийского народа выглядит преувеличенной.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Основные мероприятия Марийского обкома КПСС по совершенствованию межнациональных отношений интернационального воспитания трудящихся // Марийская правда, 3 февраля 1990 г.

2. Указ Президента Республики Марий Эл от 13 декабря 1997 года № 473 «Об утверждении концепции государственной национальной политики Республики Марий Эл»» Собрание законодательства Республики Марий Эл, 1998, 1, ст. 22.

3. Указ Главы Республики Марий Эл от 8 мая 2015 г. № 113 «О Концепции государственной национальной политики Республики Марий Э» // http://www.mariel-gov.ru/doc/24006/.

4. Закон Республики Марий Эл от 9 марта 2004 года N 12-З «О республиканской целевой программе «Развитие этнокультурных и межнациональных отношений в Республике Марий Эл (2004–2008 годы)» // Собрание законодательства Республики Марий Эл, 2004, № 4, ст. 116.

5. Постановление Правительства Республики Марий Эл от 24 марта 2008 г. № 68 «О республиканской целевой программе «Этнокультурное развитие Республики Марий Эл (2009–2013 годы)», ст. 218.

6. Постановление Правительства Республики Марий Эл от 8 октября 2012 года № 387 «О Государственной национальной политике Республики Марий Эл на 2013–2020 годы.

7. Республике Марий Эл 90 лет: юбилейный статистический ежегодник. Йошкар-Ола: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Марий Эл, 2010.

8. Информационно-справочные материалы в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений в Республике Марий Эл. Йошкар Ола, 2014.

9. *Андреев И.А.* Книга савыктымаш таче да 10–20–30 ий ончыч // Марий Эл, 2009, 30 января.

10. *Маркин В.А.* Роль средств массовой информации в гармонизации межнациональных отношений в Республике Марий Эл // Роль СМИ в межкультурной коммуникации. Социальная миссия прессы в современном этнокультурном пространстве» (материалы научно-практической конференции). – Н.Новгород, 2011.

Vladimir Sharov

ETHNO-CULTURAL DEVELOPMENT OF THE MARI AT RHE TURN OF CENTURY: SOME RESULTS AND PROSPECTS

In this publication the author characterizied ethno-cultural policy pursued in the Republic of Mari El in the last decade of XX and the first decade of XXI centuries. Complex and contradictory dinamics of learning Mari language in educational institutions, printing statistics, and publications of national periodicals are gave. In custody the problem of ethno-cultural situation in the light of the world globalization is addressed.

Keywords: *national policy, programms of ethno-cultural development, the Mari language, globalization.*

«Финно-угроведение», 2016, № 1

Виталий Шабыков
Йошкар-Ола

РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАК ФАКТОР МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ МАРИЙ ЭЛ

Аннотация: *Религиозность, если она неразрывно связана с исторической судьбой народа, является способом сохранения (реконструкции) традиционной культуры этноса. Специфика национальной культуры определена религиозной приверженностью народа. С другой стороны, в условиях движения к гражданскому обществу вера в определенной мере замедляет интегративные процессы в стране. Несмотря на то, что все религиозные учения, в том числе народно-языческие постулаты, провозглашают «соборность» и единство, религиозные люди, в силу их сосредоточенности на своей конкретной вере, придают в большей мере значение своей национальной принадлежности. Верующие склонны не только к религиозной, но и этнической замкнутости, что не ведет к этнокультурной интеграции общества.*

Ключевые слова: *религия, религиозность, национальность, межэтнические отношения.*

Этноцензовые контакты могут иметь разнонаправленный характер: дезинтеграционный (контакты, ведущие к межэтнической напряженности и конфликтам) и интеграционный (контакты, направленные на создание общих норм социально-духовной жизни, основанные на взаимном уважении и ориентированные на позитивную межкультурную коммуникацию).

В современных условиях развития общества потенциально не исключены источники межцензовой напряженности в любой социальной, общественно-политической сфере, ибо люди придерживаются разных ценностей, вытекающих из разных мировоззренческих установок, религиозных взглядов. Отсюда потенциально всегда есть опасность нарушения гармонии и целостности социо-этноценцового союза в полиэтническом обществе.

В этом контексте представляет безусловный интерес проблема связи религиозной веры респондентов и их ориентаций в сфере межэтнических отношений. Эту связь можно выявить на основе таких показателей, как степень ориентированности человека на межэтническое общение, этническая саморефлексия и уровень проявления национальной гордости, отношение к межэтническому браку, оценка возможности возникновения конфликта на религиозной почве.

На вопрос *«В коллективе какого национального состава Вы бы предпочли работать (учиться)?»* (2006 г.) 67,2 % неверующих в общей совокупности на-селения Республики Марий Эл (далее – РМЭ) отметили, что национальный со-став не имеет значения для совместной работы, а среди верующих, строго со-блюдающих все религиозные обряды, данный показатель был в 2 раза ниже (32,4 %). Если среди неверующих только 12 % предпочитали работать в коллективе с людьми своей национальности, то среди верующих таковых было почти в 1,8 раза больше (21,1 %). Примерно такое же различие сохранялось и в 2011 году, но проценты желающих работать с людьми своей национальности среди верующих, строго соблюдающих все религиозные обряды, стали намного выше – 30,4 % (для сравнения: среди неверующих – 20,8 %), что говорит о слабой ориентированности качественной религиозности на межцензовые контакты и является признаком потенциального роста этнической напряженности.

Данный вывод подтверждает и анализ ответов респондентов на вопрос *«Придаете ли Вы значение национальности человека при общении с ним?»*. Верующие люди больше, чем неверующие, ориентированы на этнически замкнутое общение. В 2011 году на такую ориентацию указали 22,6 % верующих респондентов, строго соблюдающих все религиозные обряды (для сравнения: среди неверующих – только 3,8 %); у верующих примерно в 5,9 раза выше степень этнической замкнутости и соответственно фактор риска в плане этнической напряженности. Разница между неверующими и верующими, строго соблюдающими все религиозные обряды, по ответу «не придаю значения» составила 22,3% (соответственно 85,7 % и 63,4 %) (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Придаете ли Вы значение национальности при общении с ним?» в 2011 году в зависимости от отношения к религии (в % от числа опрошенных)

	Верующие			Колеблющиеся	Неверующие
	Строго соблюдающие все религиозные обряды	Нестрого соблюдающие религиозные обряды	Никаких обрядов не соблюдающие		
Не придаю значения	63,4	82,1	87,4	82,4	85,7
Предпочитаю общаться с людьми своей национальности	22,6	10,5	7,6	7,5	3,8
Предпочитаю общаться с людьми не своей национальности	4,3	1,0	0,3	0,0	0,8
Затрудняюсь ответить	9,7	5,9	3,1	10,1	9,7
Не ответили	0,0	0,5	1,6	0,0	0,0

Верующие в большей степени ориентированы на некоторые ограниче-ния этнонациональных контактов. Особенно ярко эта дистанцированность проявляется в ситуации формирования близкородственных отношений. Так, по данным 2006 года нежелательным считали межнациональные браки 39,7 % верующего населения республики (для сравнения: среди колеблющихся и неверующих данный показатель составлял соответственно 7,1 % и 4,2 %). Особенно заметно неприятие таких браков среди верующих, строго соблюдающих религиозные обряды. Так, в 2006 году 21,8 % верующих респондентов, среди строго соблюдающих обряды, высказались против брака ближайших родственников с человеком другой национальности. Среди «не строго верующих» (верующих и соблюдающих религиозные обряды нестрого; верующих, но никаких религиозных обрядов не соблюдающих) таких было значительно меньше – соответственно 10,4 % и 7,5 %. В 2011 году противников межэтнического брака стало больше во всех группах респондентов. Наибольшее увеличение противников такого брака произошло в группе «строго верующих» (табл. 2), что дополнительно подтверждает мысль об этнической замкнутости верующих.

Таблица 2

Отношение респондентов к браку ближайших родственников с человеком другой национальности в 2006–2011 годах (в % от числа опрошенных)

Отношение к религии	2006 г.	2011 г.
	Неодобрительно	Считают такой брак нежелательным
Верующие и строго соблюдающие все религиозные обряды	21,8	27,3
Верующие и соблюдающие религиозные обряды нестрого	10,4	12,4
Верующие, но никаких обрядов не соблюдающие	7,5	9,6
Колеблющиеся	7,1	9,4
Неверующие	4,2	12,0

На вопрос «Испытываете ли Вы затруднения при общении с людьми других национальностей?» среди верующих, особенно строго соблюдающих все религиозные обряды, намного больше тех, кто указал на значительные затруднения в условиях такой коммуникации, по сравнению с неверующими и верующими, но нестрого выполняющими требования религиозных канонов. Разница в ответах между сравниваемыми группами составила по данным 2011 года более 30 % (табл. 3). Заметим также, что с 2006 по 2011 годы произошел рост числа респондентов, отмечавших значительные затруднения при общении с людьми других национальностей, среди всех трех групп верующих, вместе взятых, на 17,3 % (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос «Испытываете ли Вы затруднения при общении с людьми других национальностей?» в 2006–2011 годах в зависимости от отношения к религии (в % от числа опрошенных)

Отношение к религии	Испытывали затруднения			
	2006		2011	
	Значительные	Незначительные	Значительные	Незначительные
Верующие и строго соблюдающие все религиозные обряды	22,8	23,0	36,9	8,1
Верующие и соблюдающие религиозные обряды нестрого	3,3	32,6	6,8	29,0
Верующие, но никаких обрядов не соблюдающие	7,3	20,8	7,0	23,0
Колеблющиеся	8,5	29,1	0,8	26,9
Неверующие	5,4	22,3	2,7	26,8

Основными причинами таких затруднений верующими, главным образом, назывались взаимное незнание языка («мое незнание их языка» и «незнание ими моего языка»), обычаев и традиций народа («мое незнание их характера, обычаев, традиций» и «незнание ими наших обычаев и традиций»). Для сравнения: свое незнание языка человека другой национальности в качестве причины затруднений в общении с ним назвали 70 % верующих, среди неверующих таковых значительно меньше – 55,3 %; незнание собеседниками обычаев и традиций респондента – соответственно 11,2 % и 2,8 %.

Верующие больше, чем неверующие, придают значение национальной принадлежности человека; также они обращают внимание на свою национальную принадлежность. Об этом свидетельствуют ответы респондентов в 2006 году на вопрос «*В какой степени для Вас значима ваша национальная принадлежность?*». 67 % верующих и соблюдающих религиозные обряды отметили, что для них значима («очень значима» и «значима») их национальная принадлежность, а среди верующих, но никаких обрядов не соблюдающих, и неверующих таковых было соответственно 57,9 % и 46,1 %. 38,4 % верующих и строго соблюдающих все религиозные обряды по поводу своей национальности заметили «очень значима», в то время как среди верующих, но никаких обрядов не соблюдающих этот показатель был в 3,6 раза меньше (10,7 %). Очевидно,

можно говорить о том, что значимость национальной принадлежности держится на мировоззренческой основе – вере, религиозном воспитании.

Вера определенным образом связана и с национальной гордостью человека. Об этом свидетельствуют ответы респондентов на вопрос «*Каково Ваше отношение к тому, что Вы являетесь представителем своей национальности?*» в зависимости от уровня и степени религиозности.

Среди верующих и строго соблюдающих все религиозные обряды, как правило, много тех, кто гордится своей национальной принадлежностью. Так, в 2006 году их в такой среде было 64,2 %, а среди неверующих было в 2,3 раза (на 36 %) меньше (28,2 %). Среди жителей города Йошкар-Олы (столицы РМЭ) данные показатели имели значение соответственно 50 % и 25,7 %. По мере повышения степени религиозности (соблюдения религиозных обрядов) увеличивается доля респондентов, которые гордятся своей национальностью.

Существует косвенная связь между этнонапряженностью и ростом уровня и степени религиозности. Верующие люди более горды (гордость соседствует с религиозностью, обиженностью, неприязнью) и консервативны (придают больше внимания обрядам, национальным праздникам, традициям, для них более значима своя национальная принадлежность), а гордые, в свою очередь, более ограничены, прямолинейны, более «конфликтны». Они более склонны к религиозной и этнической замкнутости. В целом, с точки зрения проблемы напряженности между разными этноцензовыми группами людей обращает на себя внимание группа респондентов одновременно с высокой этнической самооценкой, высоким уровнем проявления национальной гордости и высоким уровнем религиозности. В этом смысле религиозность, подпитываемая гордостью, в определенной мере является препятствием интеграционного процесса в республике, а также способствует сохранению и созданию условий для непонимания на индивидуальном и межгрупповом уровне между людьми.

Интегральным показателем, характеризующим влияние фактора религиозности на межцензовые (межэтнические) отношения, является оценка респондентами возможности возникновения конфликта на религиозной и национальной почве. Доля жителей РМЭ, допускающих возможность возникновения серьезного конфликта на религиозной почве, в 1994–2011 годах постоянно и непропорционально сокращалась. Так, за десять лет (1994–2004) она сократилось на 13,7 % (в 1994 году было 26 %), за 7 лет (2004–2011) – уже только на 1,8%.

Мнение молодежи значительно отличается от мнения старшего поколения. Молодежь больше допускает вероятность возникновения конфликтов на межнациональной и религиозной почве. В 2011 году среди молодежи (15–29 лет) отметили возможность возникновения конфликта на религиозной почве 17,9%, что на 8,1 % больше, чем в возрастной группе 30 лет и старше.

В зависимости от этнической принадлежности молодых респондентов мнения разнятся. Если у татарской и марийской молодежи за 17 лет (1994–2011) число допускающих возможность возникновения конфликта на религиозной почве сокращалось, то у русской молодежи ситуация была иная: вначале, с 1994 по 2004 годы, была отмечена тенденция сокращения (с 26,4 % до 18,3%),

а далее – роста (в 2011 году почти каждый четвертый респондент допускал такое развитие событий – 22,8 %). В 2011 году среди татарской и марийской молодежи допускали воз-можность серьёзного конфликта на религиозной почве соответственно 16,7 % и 13,2 %.

Конфликт – как межнациональный, так и на религиозной почве – больше всего допускало население русской национальности. Среди молодежи в наибольшей мере допускали такой факт на религиозной почве респонденты в возрастной группе 19–23 года (26,4 %), основу которой составляли обучающиеся в системе профессионального образования, а также представители русской молодежи – 22,8 % (для сравнения: представители марийской и татарской – соответственно 13,2 % и 16,7 %; число таких респондентов у татарской молодежи в 2011 году, по сравнению с 1994 годом, значительно уменьшилось – почти на 27,3%). Более обеспокоены состоянием меконфессиональных отношений верующие. Так, в 2011 году среди верующих было больше, чем среди колеблющихся и неверующих, тех, кто считал возможным возникновение конфликта на религиозной почве (соответственно 13,1 %, 10 % и 10,2 %). Наибольшую степень тревожности по этому поводу проявляли приверженцы марийской традиционной веры (17,6 %), а также православные (14,3 %).

Респондентами выделяются напряженность и противоречия между такими группами верующих: более всего – между православием и исламом (по мнению православных, двоеверцев и мусульман – соответственно 27,9 %, 24 % и 20 %); между язычеством и христианством (по мнению приверженцев МТР и двоеверцев – соответственно 13,7 % и 9 %); между исламскими конфессиями (по мнению самих мусульман – 10 %) (табл. 4).

Таблица 4

Мнение респондентов о том, в отношениях между какими конфессиями наблюдаются напряженность и противоречия в 2011 году в зависимости от конфессиональной принадлежности (в % от числа ответивших)

	Конфессия				
	Право-славие	Двоеверие (православие и МТР)	МТР	Ислам	Другая
Православие – ислам	27,9	24,0	17,6	20,0	21,6
Между христианскими конфессиями (католицизм – православие; протестантизм – православие)	6,9	4,2	2,0	3,6	2,8
Между исламскими конфессиями	7,0	2,2	5,9	10,0	4,9
Язычество – ислам	1,8	1,4	7,8	2,7	2,6
Язычество – христианство	6,6	9,0	13,7	1,4	8,4
Другие	3,2	0,7	0,0	4,5	0,8
Не знаю	52,8	60,9	54,7	62,7	62,9

Развитие межконфессиональных отношений в РМЭ в будущем верующие оценивают следующим образом: только 11,8 % верующих считают, что межконфессиональные отношения будут становиться более спокойными (табл. 5); почти половина опрошенных (46,7 %) считает, что существенных изменений не произойдет (для сравнения: таких меньше среди колеблющихся примерно на 10 %, среди неверующих – на 16 % меньше, чем среди верующих). То есть верующие уверены в твердости своих позиций в обществе, что усиливает имеющиеся в религиозном сознании элементы дезинтеграции.

Таблица 5

Мнение респондентов о развитии межконфессиональных отношений в РМЭ в будущем (2011 год) в зависимости от отношения к вере (в % от числа опрошенных)

	Отношение к вере			
	Верующие	Колеблющиеся	Неверующие	Затруднились ответить
Отношения будут становиться более спокойными	11,8	8,5	6,5	4,3
Существенных изменений не произойдет	46,7	35,7	30,7	30,2
Отношения будут осложняться	6,1	5,8	6,4	8,1
Затрудняюсь ответить	35,0	48,5	56,4	52,3
Не ответили	0,4	1,5	0,0	5,1

Итак, с одной стороны, религиозность, особенно если она неразрывно связана с исторической судьбой народа, является способом сохранения (реконструкции) традиционной культуры этноса. Специфика национальной культуры в большинстве случаев определена именно религиозной приверженностью народа (православие, к примеру, и русская литература). С другой стороны, в условиях движения к гражданскому обществу вера в определенной мере замедляет интегративные процессы в стране. Несмотря на то, что все религиозные учения, в том числе народно-языческие постулаты, провозглашают «соборность» и единство (все братья и сестры), религиозные люди, в силу их сосредоточенности на своей конкретной вере, на связанных с ней обрядах, праздниках, придают в большей мере значение именно своей национальной принадлежности. Верующие, таким образом, склонны не только к религиозной, но и этнической замкнутости, что не ведет к этнокультурной интеграции общества.

Vitaliy Shabykov

RELOGION AS A FACTOR OF THE INTER-ETHNIC RELATIONS IN THE REPUBLIC OF MARI EL

Religion, as it is inextricably linked with the historical fate of the people, is the way to preserve traditional culture of the ethnic groups. The spesificity of national culture is defined religious commitment of the people. On the other hand, in terms of movement to the civil society, faith to some extent slows down intergrative processes in the country. Despite the fact all religious teachings including people's pagan tenets, proclaim catholicity and unity, religious people because of their focus on their particular faith, give more importance to their national identity.Beliviers tent to not only religion, but also ethnic isolation, that does not lead to ethnic and cultural integration of society.

Keywods: *religion, nationality, inter-ethnic relations, national culture.*

«Финно-угроведение», 2016, № 1

Никандр Попов
Йошкар-Ола

ОТНОШЕНИЕ ПРИХОДСКОГО ДУХОВЕНСТВА МАРИЙСКОГО КРАЯ К КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Аннотация: *В статье рассматривается положение приходского духовенства Марийской АССР в годы коллективизации, формы борьбы местной власти с церковнослужителями и религией. Автор отмечает, что деятельность духовенства по защите отвергнутых властью православных духовных ценностей не носила характер открытой борьбы с советской властью.*

Ключевые слова: *коллективизация, религия, преследование духовенства, православные духовные ценности.*

Проводимая в СССР политика коллективизации была направлена на развитие сельского хозяйства, установление социалистических производственных отношений в деревне, создание материальной базы для индустриализации страны. Коллективизация проводилась путем обобществления средств производства крестьян, передачи колхозам реквизированной собственности кулаков. В политическом отношении она предполагала дальнейшее развертывание классовой борьбы в стране, ликвидацию кулачества как класса, ужесточение борьбы с религией.

Светская власть борьбу с религией приравнивала к классово-политической, а религиозные организации рассматривала как легальные контрреволюционные организации [1, л. 2]. В целях уменьшения активности религиозных организаций, закрытия церквей и ликвидации духовенства были приняты законодательные акты, ограничивающие деятельность духовенства и религиозных общин. Административные отделы местных исполкомов получили возможность отвода из состава церковно-приходского совета людей, настроенных против советской власти. В новой редакции Конституции РСФСР была отменена свобода религиозной пропаганды. Всякая пропагандистская и агитационная деятельность церковников стала рассматриваться как выходящая за пределы охраняемой законом свободы вероисповедания и подпадающая под действие уголовных и гражданских законов. Для осуществления взаимодействия государства с церковью в 1930 году создается Постоянная Центральная комиссия по вопросам культов ВЦИК, а на местах с 1932 года – аналогичные областные и районные

комиссии. В 1930–1931 годах значительно увеличились размеры налогового обложения церковнослужителей. В случае неуплаты налогов местная власть получила право конфисковать их имущество, а самих выселить в другие районы СССР.

В Марийской автономной области сплошная коллективизация стала разворачиваться с 1929 года и завершилась в конце 1936 года [2, с. 3]. Крестьянское население в большинстве своем не было готово к вступлению в колхозы. К началу весенней посевной кампании 1930 года ни в одном кантоне области доля коллективизированных хозяйств не достигла 60–70 процентов [2, с. 83]. Несмотря на это, Оршанский, Новоторъяльский, Сернурский, Мари-Турекский и Козьмодемьяский кантоны были объявлены районами сплошной коллективизации. На территории всей области переход к сплошной коллективизации произошел в середине 1931 года.

Коллективизация в основном проводилась насильственными методами. Она началась с репрессий кулаков, сопровождалась массовыми нарушениями законодательных норм, насилиями, арестами, угрозами в отношении остальной части крестьянского населения [3, л. 31]. На втором этапе коллективизации с 1933 года развертывается борьба с не пожелавшими вступить в колхоз единоличниками путем их индивидуального обложения и разорения дополнительными сельскохозяйственными и натуральными налогами. В случае невыполнения плановых заданий по севу, неуплаты налогов у них распродавали домашний скот, хозяйственные постройки, отбирали участки земли, налагали штрафные санкции или оказывали на них иные меры административного воздействия. За годы коллективизации в области оказались репрессированными более 2,2 тыс. крестьян [2, с. 207].

Верующие, как наиболее консервативная часть населения, весьма отрицательно отнеслись к идее коллективизации и усилившейся в связи с ее проведением борьбе с церковью и духовенством. Идеология партии, отказывающейся признавать Бога, идею спасения души, противоречила их религиозным убеждениям. Не вызывали доверия у них и колхозы, отвергающие частную собственность, привычный уклад жизни, общинные и религиозные традиции. Им привычнее были традиции общинного землепользования, единоличного хозяйствования и вера в возможность получения божественной благодати.

Чтобы заставить крестьян пересмотреть свое отношение к создаваемым колхозам, необходимо было не только убедить их в преимуществах колхозного строя, но и подорвать доверие к церкви и духовенству, разорвать духовное единство между прихожанами колхозниками, единоличниками и кулаками. Светская власть понимала, что за короткое время добиться этого и переманить верующих на свою сторону лишь методами разъяснений не удастся. Поэтому она вынуждена была прибегнуть к радикальным, политико-административным мерам борьбы с церковнослужителями и религиозными институтами.

Одной из распространенных форм борьбы с религией в те годы стало закрытие храмов [3, л. 38]. Попытки расторжения договоров с религиозными объединениями стали предприниматься с 1929 года. Областное бюро Совета Безбожников еще в 1928 году высказало предложение о необходимости закрытия половины храмов путем принятия официального постановления [4, л. 118]. К концу сентября 1928 года административными мерами удалось закрыть лишь соборную церковь в Йошкар-Ола. Но жители пригородных 7 деревень не согласились с этим и обратились во ВЦИК с ходатайством о возвращении им храма [4, л. 77].

Всего по нашим подсчетам за 1927–1936 годы администрациями кантонных и городских исполкомов Марийской области было возбуждено ходатайство о закрытии 67 из 153 существовавших в 1929 году православных приходских церквей. Из них к концу 1936 года окончательно оказались закрытыми лишь 45.

В числе закрытых за 1927–1936 годы церквей 30 находились в пользовании староцерковных общин (25% от числа приходов этой ориентации), 12 – обновленцев (48% от числа всех обновленческих общин области) и 3 – последователей ИПЦ (37,5% от числа приходов этого направления). В числе первых были закрыть 3 церкви, расположенные на территории стеклозаводов, а также 5 церквей бывших монастырей, столько же городских и 7 храмов, расположенных в районных центрах.

Храмы закрывались вопреки желанию религиозных общин. 12 церквей были закрыты под предлогом нарушений условий их эксплуатации или же отказа верующих от проведения ремонта. За несвоевременную уплату налогов, ренты, страховых взносов, бесхозяйственное содержание, а также за отсутствием необходимых документов на перерегистрацию закрыли 6 храмов. Пять церквей прекратили свою деятельность после пожаров. Местная власть отказала в регистрации двум общинам, сформированным монахами закрытых монастырей бывшего Козьмодемьянского уезда. Одну церковь закрыли из-за отсутствия священника. 6 церквей прекратили свою деятельность по требованию коллективов предприятий или завкомов.

Закрытие церквей непосредственно увязывалось с проведением коллективизации [3, л. 71]. Чаще всего необходимость закрытия церквей пытались обосновывать недостатком в округе школ, культурно-просветительских учреждений. Решения о закрытии храмов чаще всего принимались без проведения разъяснительных работ среди населения и, что особенно важно, без учета мнений самих прихожан. Принятое решение о расторжении договора с религиозной общиной в течение месяца утверждалось в Марийском облисполкоме. После этого руководители сельских советов официально объявляли церковному совету о закрытии храма.

После таких решений верующие, как правило, начинали требовать возвращения храма, рассылать многочисленные письма-жалобы во ВЦИК, в областную комиссию по вопросам культов. Однако местная власть пыталась

не обращать внимания на эти просьбы. При поступлении жалоб областная администрация предлагала ей усилить разъяснительную работу среди населения, проводить в деревнях собрания с целью сбора голосов в поддержку закрытия храма. В некоторых случаях составлялись акты о плохом техническом состоянии церквей, завышенные сметы и жесткие условия и сроки проведения ремонтных работ. Словом, делалось все возможное, чтобы вынудить верующих добровольно отказаться от храма. Однако верующие редко поддавались таким уловкам. В некоторых случаях, как, например, в селах Троицкий Посад, Микряково, Юксары, Сумка, Косолапово, Елеево, Юмочка, Шойбулак, Сидельниково, Кужмара, Красный Яр и др., религиозным общинам удавалось отстоять свою церковь. Как показывает пример верующих села Красный Яр, активную помощь им оказывали настоятели храмов. Вопрос о закрытии и передаче церкви села Красный Яр под школу крестьянской молодежи был поднят активом комсомольцев, учительством и сельским советом 18–20 сентября 1931 года. Эта инициатива была обсуждена и одобрена колхозниками на собраниях во время полевых работ [5, л. 25]. Но верующих своевременно поддержал священник Илья Николаевич Изинкин. 20 сентября он пригласил к себе членов церковного совета и призвал их сплотиться, не допустить закрытия церкви. После этого значительно возросло количество верующих, посещающих храм. Крестьяне заявили, что они будут «крепко стоять за церковь… Женщины стали утверждать, что если будут брать церковь, то мы все возьмем топоры и багры и будем защищать церковь» [5, л. 26]. Учитывая резкую перемену настроения, местная власть сочла необходимым прекратить обсуждение вопроса.

Подобные волнения на почве принятых решений о закрытии храмов были отмечены на заводе Красный Стекловар, в селах Семи-Сола, Ронга, Пайгусово, Пертнуры и в других селениях. Местная администрация понимала, что поспешное закрытие храмов может привести к нежелательным социальным последствиям, «стать тормозом в колхозном движении». Поэтому в случае появления жалоб верующих окончательное решение о закрытии храма принималось лишь спустя два, а иногда через три и более года после прекращения службы в храме.

Дугой формой борьбы с религией стала дискредитация духовенства, которое стали обвинять не только в «распространении мракобесия», но и в антисоветской деятельности, направленной против колхозов, упрочения экономики страны. На основе архивных документов удалось установить, что в 1925–1927 годах в приходских храмах области церковную службу вели 179 священников, 37 диаконов, 101 псаломщик [6; 7]. По данным областного бюро Совета Безбожников в 1928 году в области насчитывалось 360 православных и мусульманских служителей культа [4, л. 76], что подтверждает правильность наших подсчетов. Все они согласно статье 69 Конституции РСФСР являлись лишенными избирательных прав. Ущемленными в правах оказались и бывшие церковнослужители, а также родственники членов причта. С началом коллективизации резко усилилось экономическое давление на церковнослужителей. Налоги с духовенства были

приравнены с фискальными сборами с кулаков и единоличников. В связи с этим в особенно трудном экономическом положении оказались псаломщики. По этой причине многие из них вынуждены были отказаться от службы в церкви.

Коллективизация дала толчок «раскулачиванию» церковнослужителей, судебным расправам над ними. В список, подлежащих раскулачиванию, оказались включенными большинство священников Мари-Турекского, Сернурского, Звениговского и других кантонов области [2, с. 90; 8, л. 16–49; 9, л. 81].

Организация колхозов, обострение классовой борьбы сопровождалось арестами недовольных крестьян, церковнослужителей, церковных старост и наиболее активных членов церковного совета. Духовенство стало критически высказываться по поводу хлебозаготовок, излишних притеснений крестьян, безвыходности своего экономического положения. Оно было недовольно с установившейся практикой произвольного изъятия у верующих культовых зданий и односторонними расторжениями с ними договоров. Их возмущало чрезмерное налоговое обложение храмов и духовенства, неправильное лишение духовенства жилплощади, препятствования местных властей в «отправлении культа».

Начались политические преследования церковнослужителей. В 1929–1936 годах согласно опубликованным спискам жертв политической репрессии в Марийской автономной области были осуждены 104 церковнослужителя, из которых на первом этапе коллективизации были арестованы 77 человек [10]. Вместе с ними подверглись аресту свыше 40 монахинь и насельниц монастырей. Больше всего приходских церковнослужителей было арестовано в 1931 году – 37 человек. Значительная часть репрессированных – 55 человек была осуждена на 3 года заключения или ссылки в концлагеря.

Следственные органы пытались представить приходских церковнослужителей как идейных вдохновителей антиколхозного движения. Они обвиняли их в противодействии колхозной и хозяйственным кампаниям, организации кулацких группировок. Даже религиозная служба священников ими рассматривалась как деятельность, направленная против колхозов.

Изучение материалов следственных дел органов ОГПУ тех лет показало, что большая часть обвиненного в антисоветской деятельности духовенства не участвовала в антисоветской деятельности. Отдельные высказывания священнослужителей не имели умышленный характер, они если и произносились, то только в качестве аргументов, подтверждающих личные предположения в ходе беседы с близко знакомыми людьми. Священник села Красный Яр Ятманов Гавриил Васильевич, 1881 года рождения, во время допроса 26 ноября 1933 года признался, что он был недоволен существующим положением. Но об этом недовольстве никому не говорил, ибо во всей этой жизни священник видел проявление судьбы. Отец Гавриил говорил: «Я всегда смотрел на окружающую обстановку и видел, что большая часть людей в настоящее время живет не лучше меня, что крестьяне, вырабатывая хлеб, сидят голодными и т.д., а поэтому

я со своим положением примирился. Живем хуже нельзя. В настоящее время большинство народа живет так» [11, л. 79]. Диакон с. Большой Пиштани Александр Михайлович Успенский говорил: « Я ходил по приходу, всегда видел только одну нищету, люди ходят голодными, от советской власти народу одно мученье, колхозники целый год работали, а ничего не получали. Весь хлеб у них власть отобрала, вот до чего колхозы доводят. Единоличники лучше колхозников живут. Сколько бы советская власть не боролась с религией, все равно ей ничего не сделать, религия свое возьмет» [12, л. 19 об.]. Сироткин Иван Никифорович, священник села Красный Яр недоумевал: «разве можно удержать власть без религии. Советская власть все равно не устоит» [13, л. 39 об.]. Оточев Иван Михайлович священник с. Виловатово во время допросов говорил, что многие граждане на духу ему заявляли, что «власть им не нравится, потому что требует много налогов» [14, л. 16 об.]. В ответ священник старался убедить исповедующегося в том, что всякая власть от Бога и призывал верующего терпеть, следуя примеру Христа. Он категорически отрицал обвинения в разглашении слухов о скорой смене власти. Священник признался лишь в том, что в тесном общении с особо близкими людьми ему приходилось беседовать о происходящих переменах в обществе. Однако батюшка был уверен, его собеседники ни в коем случае не стали бы разглашать содержание этих разговоров. Эти примеры наглядно показывают, что духовенство области не проводило сознательную антисоветскую работу, не призывало к свержению власти, не старалось вовлечь окружающее население в политическую борьбу.

Происшедшие перемены в обществе не могли кардинально повлиять на отношение приходского духовенства области к советской власти. Памятуя слова апостола: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, – существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13, 1), оно предпочитало демонстрировать свое лояльное отношение к советской власти. Так, например, отец Александр (Зубарев), 1873 года рождения, протоиерей села Косолапово во время допросов говорил: «Власть мы признаем какая бы она не была, так как она исходит от Бога» [15, л. 235].

В то же время церковнослужители нигде открыто не говорили, что поддерживают коллективизацию и усилившийся налоговый гнет крестьян. Как показывают материалы следственных дел, в своих проповедях они призывало верующих, прежде всего, не отказываться от Бога и Церкви, заботиться о спасении своей души, оставаться терпеливыми, верными своим убеждениям, чаще посещать храм. Достаточно показательным является пример пастырской деятельности Шестакова Алексея Ивановича, 1873 года рождения, протоиерея Емелевской церкви. Батюшка призывал своих прихожан терпеть. «По учению Божию мы должны терпеть всякую муку и невзгоды. Кто будет терпелив до конца, тот будет спасен в недалеком будущем. Раньше святых мучеников тоже мучили всячески, но, видя их, Бог спас их и стали апостолами, мучениками. Нам всем надо быть терпеливыми и Бог увидит, и будете спасены. А кто

предастся в руки антихриста, те будут навеки прокляты и отданы Сатане» [16, л. 6 об.]. В своих проповедях о. Алексий учил крестьян правильно жить, добросовестно вести хозяйство, обрабатывать землю. Батюшка призывал не нарушать установленный силою божьей порядок и соблазнять честных людей утверждениями об отсутствии Бога. Шестаков говорил: «Кто хочет перед Богом не провиниться, тот должен до конца терпеть всякие мучения и издевательства со стороны соблазнителей … Божья сила долго не будет терпеть такого беззакония и скоро все люди будут разделены на два лагеря: грешных и не грешных и все грешные будут наказаны вечной мукой и остальным будет тогда навеки хорошая светлая жизнь, антихристова сила будет побеждена [16, л. 11–11 об.].

Духовенство края большое значение придавало сохранению церковной службы, упрочению единства и сплоченности прихожан и церковнослужителей. Оно ратовало за то, чтобы приходские общины стремились бы защитить своих духовных наставников. Псаломщик села Пектубаево Флеринский Михаил Николаевич говорил: Советская власть старается закрыть все церкви, при том сначала арестовывает служителей культа. Арестовали попа Игнатьева и др. Нам, православным, надо ходатайствовать, поднять на это дело всех православных христиан … путем сбора подписей. Тогда власть свой террор против церкви прекратит» [17, л. 7 об.].

Рассмотренные материалы убедительно свидетельствуют о значительном ухудшении положения приходского духовенства Марийской АССР в годы коллективизации. Местная власть в целях искоренения религии добивалась закрытия храмов, применяла экономические и политические меры борьбы с церковнослужителями. Духовенство не решалось на открытую борьбу с советской властью, оно лишь допускало критические высказывания по поводу насильственной коллективизации, налогового гнета крестьян, проведения разорительных хлебозаготовок.

Верующие продолжали верить своим духовным наставникам, старались получить от них практические советы, в том числе и в отношении колхозов. Те в большинстве своем открытой антисоветской пропаганды не вели. Они убеждали, что истинные рабы Христовы всегда смиренны и братолюбивы, и церкви послушны. В то же время призывали верующих крепко стоять за веру, терпеть гонения, не верить тем, кто обещает житейские блага. Духовенство защищало религию, церковь, православные духовные ценности, которые были отвергнуты советской властью. Все это и усугубляло положение духовенства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРФ. Ф. Р-5263.Оп. 2. Д. 7.

2. *Ялтаев И.Ф.* Деревня Марийской автономной области в годы коллективизации (1929–1936 гг.): Монография. – Йошкар-Ола, Марийский государственный университет, 2015. С. 30

3. ГАРМЭ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 483.

4. ГАРМЭ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 459.

5. ГАРМЭ. Ф-1086. Оп. 7. Д. 412.

6. ГАРМЭ. Ф. Р-250. Оп. 6. Д. 5.
7. ГАРМЭ. Ф. Р-250. Оп. 6. Д. 6. По данным областного бюро Совета Безбожников в 1928 году в области насчитывалось 360 православных и мусульманских служителей культа. ГАРМЭ. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 459.
8. ГАРМЭ. Ф. Р-250. Оп. 6. Д. 121.
9. ГАРМЭ. Ф. Р-339. Оп. 4. Д. 28.
10. Трагедия народа. Книга памяти жертв политических репрессий Республики Марий Эл. Т. 1–3. – Йошкар-Ола, 1996, 1997, 2004.
11. ГАРМЭ. Ф. 1086. Оп. 6. Д. 434.
12. ГАРМЭ. Ф. 1086. Оп. 7. Д. 854.
13. ГАРМЭ. Ф.1086. Оп. 8. Д. 348.
14. ГАРМЭ. Ф. 1086. Оп. 10. Д. 175.
15. ГАРМЭ. Ф. 1086. Оп. 5. Д. 488.
16. ГАРМЭ. Ф. 1086. Оп. 6. Д. 110.
17. ГАРМЭ. Ф. 1086. Оп. 3. Д. 295.

Nikandr Popov

THE RATIO OF THE PARISH CLERGY OF MARI EDGE TO COLLECTIVIZATION

The article considers position of the parish clergy of Mari ASSR during the collectivization, the form of straggle of the local authorities with the clergymen and religion. The author notes, that efforts to protect the clergy rejected the authority of the Orthodox spiritual values not had the character of an open straggle against the soviet regime.

Keywords: *collectivization, religion, clergy persecution, Orthodox spiritual values.*

«Финно-угроведение», 2016, № 1

Людмила Григорьева
Йошкар-Ола

ВАЛЕНТНОСТНАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛОВ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: *В лексико-семантической группе марийских глаголов межличностных отношений насчитывается более 40 лексем. Они сочетаются с именами существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, субстантивированными причастиями, наречиями, деепричастиями или деепричастными оборотами. Имена выступают в именительном, винительном, дательном, сравнительном, местном падежах, также их грамматические значения реализуются с помощью послелогов гай 'как, подобно', гана 'раз(а)', годым 'при, во время', гыч 'по', дек(-е) 'к', дене 'форма творит. падежа; с, от', еда 'еже-', ончылно 'перед, в присутствии', пелен 'к', почеш 'на основании чего-л.', семын 'как, по'. Семантическими валентностями изучаемых глаголов являются субъект, объект, адресат, образ действия, причина, условие, количество, пространство, время.*

Ключевые слова: *глагольная валентность, глаголы межличностных отношений, марийский язык.*

Межличностные отношения – это субъективно переживаемые связи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах межличностного взаимодействия, т.е. взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе их совместной деятельности и общения [1, с. 176]. В лексико-семантической группе марийских глаголов межличностных отношений насчитывается более 40 лексем. С точки зрения характера межличностных отношений различаются глаголы, обозначающие: 1) внутреннее эмоционально-оценочное отношение: а) положительное – *пагалаш* 'уважать', *жаплаш* 'уважать, почитать', *чаманаш* 'жалеть', *келшаш* 'нравиться, понравиться', *йӧраташ* 'любить', *шӱмешкаш* / *шӱмланаш* 'влюбляться, привязываться', *лишемаш* 'сближаться', *аклаш* 'ценить', *ӱшанаш* 'доверять', *кугешнаш* 'гордиться', *шотлаш* 'почитать', *ужаш* 'почитать'; б) отрицательное – *кӧранаш*, *кыжганаш* 'завидовать', *сыраш* 'злиться, сердиться', *ушкалаш* 'ревновать'; 2) внешнее проявление отношения: а) положительного – *вӱчкаш* 'похлопывать по спине кого-либо, нежить', *ӧндалаш* 'обнимать', *шупшалаш* 'целовать',

ниялташ ‘погладить’, *шыматаш, семалаш* ‘утешать, ласкать’, *мокташ* ‘хвалить’, *лыпландараш* ‘успокаивать, утешать’, *аралаш / саклаш* ‘беречь’, *келшаш* ‘соглашаться, договариваться, дружить, ладить’, *кӧнаш* ‘соглашаться, согласиться’, *полшаш* ‘помогать’; б) отрицательного – *шылталаш* ‘укорять, укорить’, *мыскылаш* ‘издеваться, унижать’, *игылташ* ‘издеваться, оскорблять’, *лӱмдылаш* ‘обзывать, дразнить’, *койдараш* ‘высмеивать, дразнить’, *воштылаш* ‘высмеивать, насмехаться’, *намыслаш* ‘позорить’, *сотараш* ‘насмешничать, передразнивать’, *онараш* ‘дразнить’, *шӱктараш* ‘оскорблять, порочить’, *сыраш* ‘ссориться, поссориться’, *туманлаш / тумасаш* ‘ругаться, скандалить’, *вурсаш* ‘ругать’, *вурседалаш* ‘ругаться, браниться’, *шудалаш* ‘ругать, проклинать’, *орлаш* ‘поносить, хулить, хаять’, *лӱшкаш* ‘шуметь, возмущаться’, *каргашаш* ‘ссориться, ругаться’, *кычкырлаш* ‘покрикивать, кричать наперебой’, *темдаш* ‘угнетать, эксплуатировать’, *пытараш* ‘унижать’, *каргаш* ‘проклинать’, *виешлаш* ‘насиловать, изнасиловать’, *кыраш* ‘бить, побить, избить’, *кредалаш* ‘драться, подраться’. Глаголы *вӱчкаш, шылталаш, вурсаш* употребляются и в противоположном значении: могут быть такие ситуации, когда субъект, выполняющий действие глагола *вӱчкаш* внешне как будто показывает положительное отношение, а его эмоционально-оценочное отношение может быть отрицательным; *шылталаш* и *вурсаш* относятся к глаголам отрицательного отношения, но внутреннее отношение субъекта иногда бывает положительным.

Глаголы межличностных отношений являются двухвалентными и трехвалентными. Глаголы внешнего проявления положительного отношения *вӱчкаш, ӧндалаш, шупшалаш, ниялташ, шыматаш, семалаш, лыпландараш* двухвалентны. Их основными актантами являются субъект и объект, например: *Качырий* (Sub) *икшыве-влакым* (Obj) *ӧндалеш, шупшалеш* [2, с. 6] ‘Екатерина обнимает, целует детей’; *Мыят* (Sub) *тудым* (Obj) *шыматем, Кудыр ӱпшым* (Obj) *ниялтем* [3, с. 4] ‘И я ее утешаю, глажу ее кудрявые волосы’; *Ачаже* (Sub) *тудым* (Obj) *лыпландара* [4, с. 42] ‘Отец его (ее) успокаивает’. При глаголах *вӱчкаш / вӱчкалташ, ниялташ, шупшалаш* выступают имена с послелогом *гыч* ‘по’, между компонентами которых реализуются объектно-пространственные отношения, например: *…пӧръеҥ* (Sub) *кынеле, Аля дек мийыш да* ***тупшо гыч*** (Obj+Loc) ***вӱчкалтышат, ӱдырым санҥаж гыч*** (Obj+Loc) ***шупшале*** [5, с. 9] ‘… мужчина встал, подошел к Але, похлопал ее по спине и поцеловал девушку в лоб’; *Тып-тып вӱчкалтен эркын тупшым,* ***Ӱма гычак*** (Obj+Loc) *вик* ***шупшалале*** [6, с. 87] ‘Нежно похлопывая по спине, поцеловал прямо в губы’.

В речи человека, живущего в гармонии с природой, в позиции субъекта часто выступают термины, связанные с понятием «природа», например: *Коклан толын кудыр вуйжым Лай* ***мардежше ниялта*** [7, с. 63] ‘Порой подует легкий ветерок и погладит его (её) волнистые волосы (букв. волнистую голову)’; *Леве* ***юж ниялта*** *шӱргынам* [8, с. 46] ‘Теплый воздух погладит лицо’; *Олык мучко* ***йынгыр пеледыш*** *кандын-кандын шинчам* ***шымата*** [9, с. 40] ‘По всему лугу цветочек колокольчик синим цветом (букв. сине-сине) ласкает глаза’.

Глаголы чувства привязанности к кому-либо *шӱмешкаш, лишемаш* требуют имя с послелогом *дек(-е)* ‘к’, *шӱмланаш и ӧндалаш* – имя с послелогом *пелен* ‘к’, например: *Но тудо кӱшӧ мӧр гай ӱдырым* ***шкеж дек лишемдаш тоштын огыл*** [10, с. 240] ‘Но он не осмелился приблизить к себе девушку, клубничку спелую’; *Иктылан гына тудо шкенжым шылтала: молан* ***Овдачи дек лишемын****, вет марийже садак лийын ок шу, лияш шонымашыжат уке…* [11, с. 236] ‘Укоряет себя только в одном: зачем сблизился с Евдокией, ведь все равно не станет её мужем, об этом даже и не думает…’; *Икшыве* ***кокаж деке моткоч шӱмешкыш*** [12, с. 22] ‘Ребёнок полюбил свою тётю’; *Ӱдыр-шамыч чыланат* ***мыйын пелен шӱмланат*** [13, с. 18] ‘Все девушки привязываются ко мне’; *Нинам* ***оҥ пеленже*** *шыман* ***ӧндале****, ӱпшым шупшале* [10, с. 141] ‘Нину нежно прижал (букв. обнял) к груди, поцеловал её волосы’.

Глаголы установления или прерывания контакта имеют обязательную валентность с именами в дательном падеже, обозначающими адресат действия, а также с именами с послелогом *дене* ‘форма творит. падежа’, например: *Муам кӱлеш ойым, кертам гын,* ***полшем тыланет*** (Adr) [14, с. 9] ‘Найду необходимые слова, если смогу, помогу я тебе’; *Кол кучаш? О-о, мый* ***тидлан кӧнем!*** [15, с.10] ‘Рыбу ловить? О-о, я соглашаюсь на это!’; *Кузе, молан мый* ***тылат сырем****?* [16, с. 45] ‘Как, почему я тебе сержусь?’; ***Кинде да мут дене полшенат****, авай* [17, с. 65] ‘Хлебом и словами помогала, мама’; *Олюн* ***ойжо дене келшышым*** [18, с. 39] ‘Согласился с мнением Олю’; *Яналов* ***вуйлатыше дене келша*** [19, с. 65] ‘Яналов соглашается с руководителем’; *Икана Варлам Яковлевич* ***ватыж дене сырен*** [20, с. 312] ‘Однажды Варлам Яковлевич поссорился с женой’.

Глаголы отрицательного эмоционально-оценочного отношения также активно сочетаются с именами в дательном падеже, например: «*Теве тугай жап толеш – тый огыл, нуно* ***тыланет кӧранаш тӱҥалыт***» [20, с. 390] ‘Вот наступит такое время – не ты, они будут завидовать тебе’; *Эн лишыл* ***йолташетлан кыжганет*** [21, с. 4] ‘Самому близкому другу завидуешь’.

При глаголе *ушкалаш* ‘ревновать’ объектную функцию выполняют имена в винительном, дательном падежах и имена с послелогами *дене* ‘с’ или *деке* ‘к’, например: ***Мыйым ушкала****, пуйто агрономлан верчын тудым монденам* [18, с. 66–67] ‘Меня ревнует, будто из-за агронома забыла его’; *…могай намыс:* ***йот пӧръенлан ушкала*** [22, с. 28] ‘… какой позор: ревнует чужому мужчине’; *Иктаж* ***енгавате дене ушкалаш тӧча*** *гын веле?* [23, с. 67] ‘Может, пытается ревновать к любовнице (букв. с любовницей)?’; ***Марийже деке ушкала****, тӱрлӧ семын игылтеш* [24, с. 10] ‘Ревнует к мужу, всячески оскорбляет’.

Глагол *кугешнаш* ‘гордиться’ требует имя с послелогом *дене* ‘творит. падеж’ в объектном значении или со значением образа действия, например: ***Нунын мастарлыкышт дене кугешнен*** [25, с. 90] ‘Гордился их мастерством’; ***Чонжо дене кугешна*** *утен!* [8, с.10] ‘От всей души гордится!’.

В предложениях, где раскрываются межличностные отношения в присутствии третьего лица, используются сочетания с послелогом *ончылно* ‘перед, в присутствии’, например: *калык ончылно каргашаш* ‘ругаться перед народом’, *пелашыже ончылно мокташ* ‘хвалить в присутствии мужа (жены)’.

Глаголы межличностных отношений сочетаются с лексическими единицами со значением образа действия. Способами выражения образа действия являются:

1) имена в сравнительном падеже, например: *Шерге* ***унала жаплышт*** *москвич-влак мемнам* [26, с. 98] ‘Как дорогого гостя, почитали москвичи нас’; *… лывырге мардеж ӱдырын чурийжым* ***авалак ниялта*** [27, с.] ‘… теплый ветер, как мать, погладит лицо девушки’;

2) наречия, например: *Эше тунемым шочмо верым Тора гыч* ***эплын шыматаш*** [28, с. 56] ‘Еще научился родной край Издалека нежно ласкать’; *Очыни, ме кок тӱрлӧ еҥ улына, садлан илышымат* ***кок тӱрлын аклена*** [29, с. 13] ‘Наверное, мы люди разные, поэтому оцениваем жизнь по-разному’; *Эвраш вате огеш чарне,* ***келгынрак веле шылтала*** [30, с. 110] ‘Жена Эвраша не успокаивается, еще сильнее укоряет’;

3) деепричастия, деепричастные обороты, например: *Воктекыже лишемден, вуйжым ниялта, изи йошкар тӱрвыжым* ***йӧратен шупшалеш*** [31, с. 8] ‘Приблизив к себе, погладит ее голову, с любовью поцелует красненькие губки’; ***Ятыр жап посна илен веле*** *икте-весым аклаш тунемат* [32, с. 34] ‘Только прожив некоторое время врозь, научишься ценить друг-друга’; *Озам* ***аклат, киндеркышке ончалын*** [33, с. 112] ‘Хозяина ценят, взглянув на хлебное блюдо’;

4) сочетания с послелогом дене ‘форма творит. падежа, от’, например: ***Уло шӱм-чонышт дене*** *авам пагалаш, чаманаш, йӧраташ ушышт дене товатлат* [34, с. 29] ‘От всей души и умом обещают уважать, жалеть, любить маму’; *Айдемым* ***ваштальт толмыж дене аклаш кӱлеш*** [35, с. 18] ‘Человека надо оценивать с точки зрения того, как он меняется’; *Мыйым* ***«Його Маркай» муро дене мыскылаш*** *ӱдыр-влакым таратен* [36, с. 10] ‘Настроил девушек насмехаться надо мной песней «Лентяй Маркай»’;

5) сочетания с послелогами *гай* ‘как, подобно’, *семын* ‘как, по’, например: *Кавказ* ***ушан еҥ гай Акла*** *мотор йочажым, перега* [37, с. 64] ‘Кавказ, как умный человек, ценит своего дитя-красавца, бережет’; *Ме ваш-ваш* ***тошто семынак йӧраташ, пагалаш тӱҥалына*** [38, с. 21] ‘Мы друг-друга по-прежнему будем любить, уважать’;

6) сочетания с послелогом *почеш* ‘на основании чего-л.’, например: *Могайрак тиде герой?* ***Йылмыж почеш*** *аклаш гын, шала койышан рвезе* [39, с. 8] ‘Каков этот герой? Если оценить его по речи, легкомысленный юноша’.

Изучаемые глаголы являются каузативными. Причина или условие действия могут выражаться:

1) распространенным именем в дательном падеже, например: *Тыгак вес еҥын шӱм-чонжым келгын палаш,* ***сай пашажлан, поро кумылжылан***

тудым ***пагалаш да йӧраташ тунемат*** [40, с. 17] ‘Также будешь хорошо знать (букв. сердце-душу) другого человека, научишься уважать и любить его за добросовестный труд, добрую душу’; … *тудым кредалме годым* ***тале улмыжлан жаплат*** [41, с. 60] ‘… его уважают за храбрость в бою’;

2) деепричастным оборотом, например: ***Пашажым ончен*** *кугешна* [42, с. 56] ‘Глядя на его работу, испытывает чувство гордости’; *Рвезе жапын могай чевер улмым* ***чал лиймеке гына*** *чын* ***аклет*** [43, с. 198] ‘Красоту молодости правильно оценишь, лишь поседев’;

3) условным придаточным предложением, например: ***Тырмаже сай гын****, кидым мокташ кӱлеш* (Пословица) ‘Если борона хороша, надо хвалить руки’;

4) частью сложного предложения, например: *Макариным мокташ лиеш:* ***тудо кресаньык семын чылажымат палаш тыршен да тугай уш дене ойыртемалтын****...* [44, с. 30] ‘Макарина можно похвалить: он, как крестьянин, старался все познавать и отличался таким умом…’; ***Тыгай пилоткым упшал лек*** *– чыла йоча кӧранаш тӱҥалеш* [45, с. 225] ‘Такую пилотку одень и выйди – все дети будут завидовать’;

5) соседней синтаксической конструкцией: *Молан мокташ огыл?* ***Сай айдеме кеч-кӧланат келша*** [46, с. 57] ‘Почему не похвалить? Хороший человек всем понравится’.

В сочетаниях изучаемых глаголов временные отношения реализуются при помощи наречий: *йӧратем шукертсек* ‘люблю с давних пор…’, *южгунамже кӧрана* ‘иногда завидует’; сочетания числительного и имени в дательном падеже: *(кеч) ик минутлан кугешна* ‘(хоть) на минуту возгордится’; послеложных сочетаний: *урок годым (еда) шылтала* ‘упрекает во время (каждого) урока’. Пространственные отношения устанавливаются между компонентами с зависимым именем в местном падеже (*мӧҥгыштӧ лыпландараш* ‘успокаивать дома’) или наречием (*кеч-куштат аралаш* ‘всюду защищать, оберегать’). Количественные отношения проявляются в сочетаниях с послелогом *гана* ‘раз(а)’, например: *ик ганат вурсен огыл* ‘ни разу не ругал’.

Глаголы межличностных отношений обозначают не только отношения, через которые люди воспринимают и оценивают друг друга или третьего лица, но и показывают свои отношения к тем или иным предметам. Марийцы испокон веков уважают и почитают баню, березу, хлеб ставят превыше всего, например: *Мемнан кугезына-влак* ***мончам пагаленыт да жапленыт*** [47, с. 6] ‘Наши предки уважали и почитали баню’; ***Куэм*** *... марий калык ожсекак моткоч* ***пагален****, нимо деч коч* ***жаплен*** [48, с. 10] ‘Березу … марийский народ испокон веков очень уважал и почитал’; *Тиде вет* ***кинде, тудым аклаш, пагалаш кӱлеш*** [49, с. 96] ‘Это ведь хлеб, его надо ценить, уважать’.

При глаголах межличностных отношений часто выступает прямая речь: *– Ит койышлане, Валерий! – шылталаш тӱҥалеш Павыл* [50, с. 272] ‘– Не притворяйся, Валерий! – начинает упрекать Павел’; *– Йывуш, эргым, молан*

тыге тӱҥынат? Молан школыш от кай? – шымата аваже [51, с. 42] ‘– Ванюша, сынок, почему так заупрямился? Почему в школу не идёшь? – утешает мама’.

В произведениях художественной литературы нередко можно встретить употребление в одном и том же предложении нескольких глаголов межличностных отношений, как положительных, так и отрицательных. Такие высказывания отличаются эмоциональной окрашенностью, они выполняют в речи функцию уточнения и усиления мысли автора, например: *Вӱчкышыжӧ* ***вӱчка****, ӧндалшыже* ***ӧндалаш тырша****, шупшалшыже* ***шупшалеш*** [45, с. 199] ‘Похлопывающий похлопывает по спине, обнимающийся старается обнимать, целующийся целует’; *Шкенжым* ***шымата, вурса*** [52, с. 48] ‘Себя успокаивает, ругает’; *Мый вет тыйым* ***йӧратем да шылталем*** [53, с. 76] ‘Я ведь тебя люблю, поэтому упрекаю’; ***Вурса, шылтала*** *да садак* ***чамана****,* ***ӱшаным*** *тылат* ***ок йомдаре*** … [54, с. 59] ‘Ругает, укоряет, но все равно жалеет, не теряет веру в тебя’.

Таким образом, в марийском языке глаголы межличностных отношений сочетаются с лексемами, обозначающими субъект, объект, адресат, образ действия, причину, условие, количество, пространство, время. Зависимые компоненты глагольных словосочетаний выражаются именами в именительном, винительном, дательном, сравнительном, местном падежах. В изучаемых сочетаниях грамматические значения реализуются также с помощью послелогов *гай* ‘как, подобно’, *гана* ‘раз(а)’, *годым* ‘при, во время’, *гыч* ‘по’, *дек(-е)* ‘к’, *дене* ‘форма творит. падежа; с, от’, *еда* ‘еже-’, *ончылно* ‘перед, в присутствии’, *пелен* ‘к’, *почеш* ‘на основании чего-л.’, *семын* ‘как, по’. Глаголы межличностных отношений синтагматически могут быть связаны с именами существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, субстантивированными причастиями, наречиями, деепричастиями или деепричастными оборотами.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Краткий психологический словарь / Сост. Л.А. Карпенко; Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М, 1985.
2. *Каткова З.* Кушто улат, пиалем?: роман. – Йошкар-Ола, 1965.
3. *Арбан Н.* Пьесе-влак. – Йошкар-Ола, 1977.
4. *Айзенворт А.* Илыш мура: ойырен налме произведений-влак. – Йошкар-Ола, 1950.
5. *Евсеева М.* Аваж ден ӱдыржӧ: повесть // Ончыко. – Йошкар-Ола, 1968. № 1.
6. *Дмитриев В.* Илыш корно: повесть. – Йошкар-Ола, 1973.
7. *Большаков М.* Шочмо кундем: почеламут-влак. – Йошкар-Ола, 1963.
8. *Иванова А.* Кечан эрдене: почеламут-влак. – Йошкар-Ола, 1976.
9. *Сави В.* Эрык муро. – Йошкар-Ола, 1978.
10. *Корнилов П.* Савырыме кумыл: повесть ден ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола, 1977.
11. *Лекайн Н.* Кугезе мланде: роман. – Йошкар-Ола, 1955.
12. *Евсеева М.* Йолташ ӱдыр-влакем: ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола, 1970.
13. *Мухин Н.* Эрык саска: почеламут-влак. – Йошкар-Ола, 1962.
14. *Бояринова В.* Кӱдыронгыр кугыжаныш: йомак-влак. – Йошкар-Ола, 1974.

15. *Айзенворт А.* Вич полмезе: повесть. – Йошкар-Ола, 1954.
16. *Иванов В.* Ломберсолаште: повесть. – Йошкар-Ола, 1960.
17. *Емельянов М.* Салют: почеламут ден поэме-влак. – Йошкар-Ола, 1971.
18. *Ялмарий Й.* Садеран ялем: повесть. – Йошкар-Ола, 1973.
19. *Мурзашев А.* Пӧтыр вене: повесть. – Йошкар-Ола, 1984.
20. *Чавайн С.* Собрание сочинений в трех томах: пьесы, роман «Элнет». Т.3. – Йошкар-Ола, 1981.
21. Марий коммуна. – Йошкар-Ола, 1988, 13 июль.
22. *Косоротов В.* Илыш ӱшан: ойлымаш-влак, повесть. – Йошкар-Ола, 1980.
23. *Степанов В.* Коремсолан ӱдыржӧ // Ончыко. – Йошкар-Ола, 1974. № 5.
24. *Николаев С.* У саска: ойырен налме пьесе-влак. – Йошкар-Ола, 1965.
25. Ончыко. – Йошкар-Ола, 1957, № 2.
26. Литератур илыш гыч. Чиемым ончен вашлийыт //Ончыко.–Йошкар-Ола, 1971. №1.
27. *Пайдуш П.* Ӱдырамаш паша // Марий коммуна. – Йошкар-Ола, 1981, 24 май.
28. *Тимиркаев А.* Ӱмыр шырка: почеламут-влак. – Йошкар-Ола, 1981.
29. *Каткова З.* Тошто язык // Ончыко. – Йошкар-Ола, 1969, №6.
30. *Элексейн Я.* Тоймак тукым: повесть. – Йошкар-Ола, 1963.
31. *Эрыкан А.* Чолпан Иван: роман. – Йошкар-Ола, 1966.
32. *Артамонов Ю.* Шӱдыр ер: ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола, 1972.
33. *Абукаев В.* Мландым тора гыч онча // Кинде-шинчал. – Йошкар-Ола, 1982.
34. *Сапаев В.* Немда вӱдшат – моторжат: ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола, 1971.
35. Ончыко. – Йошкар-Ола, 1976, №4.
36. *Сапаев В.* Мом каласет, Миля?: повесть. – Йошкар-Ола, 1968.
37. *Казаков М.* Шӱм тенгыз: почеламут-влак. – Йошкар-Ола, 1968.
38. *Березин А.* Немда воктене // Ончыко. – Йошкар-Ола, 1961, №2.
39. *Юксерн В.* Кӱсле: роман. – Йошкар-Ола, 1978.
40. *Косоротов В.* Уржа кинде: ойлымаш-влак да повесть. – Йошкар-Ола, 1962.
41. *Васин К.* Муро апшат: повесть-влак. – Йошкар-Ола, 1974.
42. *Вишневский С.* Шӱм гыч шӱмыш: почеламут, муро, поэме. – Йошкар-Ола, 1957.
43. *Бик А.* Шӱм саска: почеламут, муро, поэме. – Йошкар-Ола, 1974.
44. *Брежнев Л.* Сӧреман мланде. – Йошкар-Ола, 1979.
45. *Юзыкайн А.* Эльян: роман. – Йошкар-Ола, 1979.
46. *Васин К.* Мурызын шомакше: ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола, 1966.
47. Кугарня. 2005, 26 январь.
48. *Васин К.* Ший мундыра. – Йошкар-Ола, 1969.
49. *Иванов М.* Тайыл ваштареш: повесть-влак. – Йошкар-Ола, 1960.
50. *Шкетан М.* Ойлымаш ден очерк-влак. Т.2. – Йошкар-Ола, 1962.
51. *Шабдар О.* Кориш: повесть. – Йошкар-Ола, 1931.
52. *Юксерн В.* Волгалтшаш лишан: ойлымаш-влак. – Йошкар-Ола, 1961.
53. *Эсеней П.* Арва шенгек йога: комедий // Ончыко. – Йошкар-Ола, 1963. №1.
54. *Вишневский С.* Митяй ден Витяй: легенде ден поэме. – Йошкар-Ола, 1968.

Lyudmila Grigoryeva

VALENCE STRUCTURE OF VERBS OF INTER-ETHNIC RELATIONS IN THE MARI LANGUAGE

In the lexical semantic group of the Mari verbs of inter-ethnic relations there are more than 40 lexemes. They are combined nouns, adjectives, numerals, pronouns, substantivizied participles, gerunds or verbal participle phrases. They act in nominative, accusative, dative, comparative, local cases, and their grammatical meanings implemented using such postpositions as: gai 'as, like', gana 'time', godym 'wherein, during', gych 'by', geke 'to', dene 'form of instum. cases; from', yeda 'an-', onchylno 'before, in the presence of', pelen 'to', pochesh 'on the basis of anything', semyn 'as, by'. Semantic valence of studied verbs are subject, object, destination, mode of action, case, condition, quantity, space, time.

Keywords: *verb valence, verbs of inter-ethnic relations, the Mari language.*

«Финно-угроведение», 2016, № 1

Валерий Максимов
Йошкар-Ола

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ФОНЕТИКОЙ ШУРАБАШСКОГО ПОДГОВОРА МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: *Статья посвящена фонетическим особенностям шурабашского подговора восточного наречия марийского языка, а именно системе гласных фонем. В подговоре представлено 12 гласных фонем: а, ӓ, о, ӧ, у, ӱ, и, э, ы ӹ, ӎ, ӎ̣. Многие из них встречаются в разных фонетических положениях, как в начале, так и в середине и конце слова. По составу гласных фонем шурабашский подговор следует отнести к восточному наречию марийского языка.*

Ключевые слова: *фонетические особенности, шурабашский подговор, гласные фонемы, восточное наречие, марийский язык.*

Начало исследования наречий марийского языка было положено еще в XVIII веке. Иностранные ученые, изучающие фонетический, грамматический и лексический строй марийского языка, уже тогда обратили внимание на заимствования, в частности из татарского языка. Так, в 1730 году Ф.И. Страленберг (1676–1747), один из пионеров и основателей урало-алтайского языкознания, указал на множество татарских заимствований в марийском языке [1, с. 346; 2, с. 5]. Другой известный исследователь – член Петербургской Академии наук историк и археограф Г.Ф. Миллер (1705–1783) также писал о том, что «черемисский язык имеет некоторое сходство с финским языком, а по жительству их близ татар и русских, есть в нем много татарских и небольшое число русских слов» [3, с. 27; 2, с. 5]. Высказывания первых исследователей, несмотря на их слишком общий и декларативный характер, верно отражают исторические связи марийского языка с другими [см. 2, с. 5]. Семантическое многообразие тюркских (в том числе татарских) заимствований отмечали многие исследователи тюркско-марийских языковых и культурных связей. Об этом в свое время писали такие видные ученые, как историк и этнограф И.Н. Смирнов, немецкий филолог Э. Леви, финский тюрколог М.Рясянен, марийские ученые Ф.Е. Егоров, Н.Т. Пенгитов, Д.Е.Казанцев, Г.С. Патрушев, чувашский языковед М.Р. Федотов и др.

Собирание и изучение и диалектных материалов началось среди мари в 20-е гг. XX в. Но эта работа тогда носила нерегулярный характер, материалы собирали лишь отдельные ученые (В.М. Васильев, С.Г. Эпин, Ф.Е. Егоров, Г.Г. Кармазин). В связи с открытием МарНИИ сбор диалектологических материалов усиливается и на данный момент проведено более 300 экспедиций в места проживания марийцев. Сюда можно отнести и экспедиции студентов Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской (до 2008 года) и Марийского государственного университета.

Настоящая статья посвящена фонетическим особенностям шурабашского подговора восточного наречия марийского языка, а именно системе гласных фонем. Она написана на основе диалектных материалов, собранных студентами (Михайловой А.А.) в деревне Шурабаш, а также записанных у студентов Марийского государственного университета.

В деревне Шурабаш (Шорамучаш) Арского района Республики Татарстан совместно с татарами проживают и марийцы. Раньше эта деревня была чисто марийской, сейчас марийцы составляют только половину жителей деревни. Между собой марийцы разговаривают на родном языке, а с татарами – на татарском. В подговоре шурабашских мари есть много общего с другими говорами восточного наречия и литературной нормой марийского языка, однако наблюдается и немало отличий.

В исследованиях по марийской диалектологии мало где упоминается о марийцах деревни Шурабаш, о языке, на котором они говорят. Имеется высказывание А.С. Ефремова в статье, посвященной фонетическим особенностям шоруньжинского «говора», о том, что в речи марийцев деревни Шорабаш, где «влияние татарского языка носит интенсивный характер», гласный *ӓ* приобрел «фонематическую самостоятельность» [4, с. 61]. (Надо заметить, автор при этом не пишет, что он был и собирал материалы в самой деревне Шорабаш. Вероятнее всего, он записал слова у респондента родом из этой деревни, которого встретил в деревне Шоруньжа).

В подговоре деревни Шурабаш имеется 12 гласных фонем: *а, ӓ, о, ӧ, у, ӱ, и, ы,* э, а также редуцированные гласные *ӆ, ӆ̈, ыӈ*; последние, на наш взгляд, здесь используются факультативно. Этот подговор можно сравнивать с такими говорами, как сардаяльско-арборский, в котором 9 гласных фонем: *а, о, ӧ, у, ӱ, и, ы, э, ӆ* (встречаются также *ӓ* и *ыӈ*, но их проф. Л.П. Грузов в «полноценные фонемы» не включил [5]), и как малмыжский говор восточного наречия марийского языка, в котором проф. З.В. Учаев показал следующие гласные фонемы: *а, ӓ, о, ӧ, у, ӱ, и, э* и редуцированные *ӆ, ӆ̈, ы, ыӈ* [6]. Нужно заметить, он также отметил самостоятельность фонем *ӆ, ӆ̈* в сардаяльско-арборском говоре [6].

Известно, в настоящее время в вокализме марийских диалектов большое место занимают редуцированные гласные. Рассмотрим вначале основные артикуляционные характеристики и употребление редуцированных гласных фонем изучаемого подговора. Среди них наиболее распространена фонема [*ы*].

Фонема [*ы*] – среднего ряда, среднего подъема, неогубленная; в данном подговоре произносится нечетко. Встречается в следующих положениях:

– в начале слова, например: *ынжэ* ‘не’, *ындэ* ‘теперь’, *ышташ* ‘делать’;

– в середине слова, например: *кыскач* ‘щипцы для углей’, *чылдар* ‘кружева’, *чыпайык* ‘чайные чашки без ручек’, *читык* ‘национальная обувь’;

– в конце слова, например: *пычкы* ’ручная пила’, *обиды* ’суп’, *тапочкы* ‘легкая обувь’, *карды* ‘загон для скота’, *чыдамлы* ‘выносливый’.

Фонема [*ӹ*] – переднего ряда, среднего подъема, неогубленная. Имеет место в середине и конце слова, например: *мӹнӓдигӓн* ‘великолепно, прекрасно, замечательно’, *бӹрдӓ* ‘никак, нисколько’, *айдимӹн актыкшы* ‘последний человек’, *сихӹрчӹ* ‘колдунья’, *хӓйӹрчӹ* ‘нищий, неработающий, бедный’.

Фонема [*ʌ*] – заднего ряда, среднего подъема, огубленная. Встречается в волжском, йошкар-олинском говорах, а также в северо-западном наречии марийского языка. В диалектах современного марийского языка может быть во всех фонетических положениях:

– в начале слова, например: волж., й.-ол., сев.-зап. *ʌжалаш* – лит. *ужалаш* ‘продавать’; волж., й.-ол., сев.-зап. *ʌжга* – лит. *ужга* ‘шуба’;

– в середине слова, например: волж., й.-ол., сев.-зап. *мʌнʌ* – лит. *муно* ‘яйцо’; волж. *пʌчаш*, й.-ол. *пʌцаш*, сев.-зап. *пʌцаш*, сард. *пʌчаш* – лит. *пучаш* ‘обмелеть’ [7];

– в конце слова, например: волж., й.-ол., сев.-зап. *мʌнʌ* – лит. муно ‘яйцо’.

В изучаемом подговоре эта фонема употребляется факультативно, выступает в начале и середине слова, например: *ʌтиклаш* ‘гладить утюгом’, *ʌтынин* ‘с мольбою, умоляя’, *ж'ʌнсеӡ* ‘неспособный, бестолковый, глупый’, *пʌчмак* ‘угол’, *тʌман (мардеж)* ‘ураган, буря’.

Фонема [*ʌ̈*] – переднего ряда, среднего подъема, огубленная. Встречается также в волжском, йошкар-олинском, сардаяльско-арборском говорах лугового наречия и в северо-западном наречии. В шурабашском подговоре, как и предыдущая фонема, употребляется в начале и середине слова, например: *ʌ̈кырӓш* ‘реветь, вопить, выть’, *ʌ̈лӓт* ‘слабак’, *чʌ̈прӓк* ‘тряпка’, *кʌ̈зыкмӓк* ‘пироги картофельные, жаренные в масле’, *кʌ̈зӓн* хомяк' .

Полные гласные фонемы шурабашского подговора.

Фонема [*и*] – верхнего подъема, переднего ряда, неогубленная. В наречиях марийского языка встречается во всех фонетических положениях. Но в некоторых говорах имеет большее распространение, например, в кильмезском, малмыжском, уржумском. В рассматриваемом подговоре [*и*] также выступает во всех положениях:

– в начале слова, например: *икӓн* ‘вот как’, *игӓʌ̈* ‘напильник’, *имгӓк* ‘обуза, беда’, *игырӹк* ‘пьяный, пьяница’;

– в середине слова, например: *кирмӹшӓк* ‘пришелец’, *кирӹ* ‘упрямый’, *миҥ* ‘родинка’, *пизнӓш* ‘охладиться к кому-л.; разочароваться’;

– в конце слова, например: *тʌ̈ги* ‘вот’, *кӧрти* ‘жилет’, *кӹчтӹки* ‘очень сильно’.

Фонема [э] – среднего подъема, переднего ряда, неогубленная. Употребляется в разных положениях:

– в начале слова, например: *эмэн* ‘спокойный, мирный’, *эплэ* ‘смирный, удобный’, *эрка* ‘неженка’, *эсмаса* ‘даже’;

– в середине слова, например: *кэрэк* ‘хоть’, *ж’айсэз* ‘неудобный’, *рятсэз* ‘бестолковый’;

– в конце слова, например: *айэ* ‘пожалуй’, *тярэ* ‘для выражения недовольства’, *кимэ* ‘резиновые сапоги’.

Фонема [ӧ] – среднего подъема, переднего ряда, огубленная. Выступает во всех фонетических положениях:

– в начале слова, например: *ӧмя* ‘коллективная помощь’, *ӧстяш* ‘прибавлять’, *ӧстяряш* ‘добавить, добавлять’;

– в середине слова, например: *ӧмӧтсыз* ‘безнадежный’, *шӧкӧр* ‘хвала’, *дӧрӧс* ‘правильно, правильный’;

– в конце слова, например: *кӧнгӧлӧ* ‘ревнивец’, *дӧгӧ* ‘рис’.

Фонема [ӱ] – верхнего подъема, переднего ряда, огубленная. Употребляется в начале и середине слова, например: *ӱз’ӱк* ‘отрезок’, *ӱйӈгэ* ‘ива’, *ӱмя* ‘коллективная помощь, подмога в сельских работах’, *ӱчӱктяряш* ‘злить’, *ӱшкӱряш* ‘заговорить’, *ӱлгӱряш* ‘успеть’.

Фонема [у] – верхнего подъема, заднего ряда, огубленная. Встречается:

– в начале слова, например: *укра* ‘чеснок’, *уак-тияк* ‘всякая ненужная вещь’;

– в середине слова, например: *пудалом* ‘гвоздедер’, *пасушто* ‘в поле’;

– в конце слова, например: *кызу* ‘быстрый, шустрый’, *чармау* ‘занавеска, полог’, *шау* ‘очень много’.

Фонема [о] – среднего подъема, заднего ряда, огубленная. Выступает во всех фонетических положениях:

– в начале слова, например: *обидьы* ‘суп’, *олан* ‘медленно’, *ораза* ‘мусульманский пост’, *отар* ‘загон для скота вдали от деревни’;

– в середине слова, например: *мортайаш* ‘ветшать, обветшать (об одежде)’, *коптараш* ‘обдирать’, *котыр* ‘болячка’;

– в конце слова, например: *отро* ‘остров’, *ото* ‘костер’, *пулдырчо* ‘перепёлка’.

Фонема [а] – нижнего подъема, заднего ряда, неогубленная. Встречается во всех фонетических положениях:

– в начале слова, например: *агу* ‘яд, отрава’, *айат* ‘до сих пор, всё ещё’, *айы* ‘пока’;

– в середине слова, например: *алай* ‘так, эдак’, *алгашаш* ‘увлечься (очень сильно)’, *алмаш-тимяш* ‘вперемежку, попеременно, поочередно’;

– в конце слова, например: *алла* ‘боже, господи’, *аӈгыра* ‘глупый’, *арава* ‘веснушки’.

Фонема [ӓ] – нижнего подъема, переднего ряда, неогубленная. Выступает:

– в начале слова, например: *äкäмä* ‘шишка’, *äшäкä* ‘плохой, скверный, подлый’;

– в середине слова, например: *сäйэр* ‘смешной, забавный; чудной, странный’, *кäтӆык* ‘коротышка’, *ж’ämсыз* ‘некрасивый, безобразный’, *хокӆмät* ‘государство’;

– в конце слова, например: *хäйӹрчä* ‘нищий’, *ömä* ‘коллективная помощь’, *нäстä* ‘вещь’, *мӹнä* ‘вот’, *мä* ‘на, возьми’.

Исходя из вышеизложенного можно констатировать, что в шурабашском подговоре представлено 12 гласных фонем: *а, ä, о, ö, у, ӱ, и, э, ы ӹ, ӆ, ӆ̣*. Многие из них встречаются в разных фонетических положениях, как в начале, так и в середине и конце слова. По составу гласных фонем шурабашский подговор, без сомнений, можно отнести к восточному наречию марийского языка.

СОКРАЩЕНИЯ

волж. – волжский говор лугового наречия марийского языка
й.-ол. – йошкар-олинский говор лугового наречия марийского языка
лит. – марийский литературный язык
сард. – сардаяльско-арборский говор лугового наречия марийского языка
сев.-зап. – северо-западное наречие марийского языка

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Strahlenberg Ph.J.* Das Nord und Östliche Theil von Europa und Asia. – Stokholm, 1730.

2. *Исанбаев Н.И.* История изучения татарских заимствований в марийском языке // Вопросы марийского языка: Вопросы истории и диалектологии. – Йошкар-Ола, 1979.

3. *Miller G.F.* Sammlung russischer Geschichte. Bd. III. – St.Petersburg. 1758.

4. *Ефремов А.С.* Некоторые наблюдения над фонетикой шоруньжинского говора // Вопросы марийского языка: Вопросы марийской диалектологии. – Йошкар-Ола, 1981.

5. *Грузов Л.П.* О составе фонем сардаяльско-арборского говора марийского языка // Труды МарНИИ. Вып.13. – Йошкар-Ола, 1960.

6. *Учаев З.В.* Гласные фонемы малмыжского диалекта марийского языка // Труды МарНИИ. Вып.18. – Йошкар-Ола, 1964.

7. *Грузов Л.П.* Фонетика диалектов марийского языка в историческом освещении. – Йошкар-Ола, 1965.

Valeriy Maksimov

SOME OBSERVATIONS ON THE PHONETICS OF THE SHURABASH SPEECH OF THE MARI LANGUAGE

The article devoted to the phonetic features of Shurabash speech of Eastern dialect of the Mari language, namely to the system of vowels. In speech there are 12 vowels. Most of them can used in different phonetic positions, both in beginning and middle, and the end of word. On the composition of the vowels Shurabash speech should be refered to Eastern dialect of the Mari language.

Keywords: *phonetic featuries, Shurabash speech, vowels, Eastern dialect, the Mari language.*

«Финно-угроведение», 2016, № 1

Наталья Мушкина
Йошкар-Ола

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ МЕЛОДИКИ МАРИЙСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН

Аннотация: *Мелодика марийских народных песен отличается богатством и своеобразием. Первоначальная функция песен – сопровождение ритуалов и обрядов, где она выполняла магическую функцию заклинания. В мелодиях, исполняемых на музыкальных инструментах шӱвыр и кӱсле, а также свадебных песнях, сохранились гемитонные полутоновые структуры, аналогичные другим финно-угорским мелодиям. Пентатоника без полутонов и развитые линии – это влияние соседней музыки тюркских народов. Общие черты всех марийских мелодий – одномотивность, нисходящий контур развития, простота и строгость.*

Ключевые слова: *мелодика песен, пентатоника, одномотивность, ритуалы, обряды.*

Марийская народная песня отличается разнообразием и богатством средств музыкальной выразительности. «Мелодия представляет основное начало музыки, это самая существенная сторона музыки» [1, ст. 511]. «Мелодия традиционных напевов несет в себе огромную информацию о жизнедеятельности этноса» [2, с.310]. Еще в 18 в. немецкий ученый Иоганн Готфрид Гердер утверждал, что «национальные мелодии каждого народа раскрывают его характер» [3, ст. 967].

В марийской культуре сохранились образцы архаичных слоев фольклора, памятники древнейшей истории марийцев.

При исследовании мелодических особенностей марийских песен важно учитывать, в первую очередь, региональную принадлежность того или иного напева. В музыкальной культуре марийцев, соответственно трем этнографическим группам, выделяются три музыкально-этнографические группы: луговых, горных и восточных мари. Кроме того, внутри этих диалектных групп наблюдается еще более мелкое деление на субдиалекты. Локальный характер марийского музыкального фольклора исследователи объясняют наличием родовых и племенных различий в марийском этносе.

Мелодика марийских песен имеет различные истоки. Один из них связан с речью, повествованием. Особенности, характерные для разговорной речи, переносятся и на песенную мелодику. Речитативный стиль типичен для песенности сернурской группы луговых мари. Традиционные напевы северо-восточной группы луговых мари являются, по словам В.А. Мухина, «отражением более глубоких старин и допустимы для песен более древних музыкальных культур, чем песням родового строя» [4, с.4]. Для наиболее старинных мелодий этого региона характерны: мелодическая лаконичность, краткость, формульность, неширокий диапазон, минимум распевов, наличие «нейтральных» интервалов, нечеткость интонирования. Звуковой строй сернурских мелодий основывается на «натуральном звукоряде», существующем в природе. Его 6 – 10 обертоны, по исследованиям Вс. Коргузалова, это «рабочая» комбинация голосового аппарата, его «рабочая» тесситура» [5, с. 242].

Первоначальной функцией песен было сопровождение ритуалов и обрядов, где она выполняла магическую функцию заклинания, моления. На северо-востоке РМЭ, по словам О.К. Егоровой, расположено «ядро марийского музыкального стиля. Напевы этого региона отличаются суровой точностью в отборе всех элементов пентатонной структуры и заставляют вспомнить выражение Асафьева: «пентатоника – это строгий стиль в мелодии». Минимум звуковысотного материала как бы стимулирует максимум творческих изобретений» [6, с. 9].

Музыкальный материал имеет четкую квадратную организацию: интонации, мотивы, фразы и предложения объединяются друг с другом попарно, образуя строгую симметричную форму, взаимосоответствие частей. «Тенденция к квадратности», как отмечал Холопов, является одной из закономерностей мелодики «гармонической» эпохи [1, ст. 523].

Строй песенных мелодий сернурских мари лег в основу и основного бытового музыкального инструмента марийцев – волынки *шӱвыр*. Исходя из того положения, что музыкальные инструменты как предметы материальной музыкальной культуры закрепляют в своих звукорядах ладовые системы, возникающие в вокальной музыке, на примере строя волынки можно узнать, какие звукоряды использовались в прошлом в марийских мелодиях. Во многих записях волыночной музыки (например, Коукаль, Губайдуллина) находим диатонические и хроматические звукоряды, включающие в себя полутон. Это говорит о том, что в прошлом в марийской музыке гемитонные структуры были достаточно распространены.

«Сернурский звукоряд» имеет как бы двухъярусный состав: его верхняя часть – это звуки, исполняемые на мелодической трубке волынки, а нижние – на басовой. Чуваши, ближайшие соседи марийцев, имеют 2-хголосный инструмент волынку *шабр* (*шапар*), а мелодии некоторых песен имеют похожий гемитонный звукоряд. Исследователь чувашской музыки М.Г. Кондратьев пишет, что «подобные явления известны в пентатоновых музыкальных

культурах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии» [7, с. 52]. Об этом писал и Мухин: «В наиболее древних песнях полутоны равнозначны восточным (арабским, персидским) звуковым вибрациям и проходят через весь марийский музыкальный фольклор» [8, с. 184].

Некоторые записи на другом распространенном инструменте *кӱсле* (гусли) также не содержат ангемитонных звукорядов. Гусли относятся к одному из старинных инструментов, существующих у всех финно-угров, славян. В марийском музыкальном фольклоре, в записях Тихона Ефремова, сохранились образцы эпических диатонических (минорных и мажорных) гусельных наигрышей, исполняемых во время моления в священных рощах. Они построены в звукоряде, родственном строю карело-финского кантеле, на котором исполнялись руны «Калевалы».

Гемитонные звукоряды, по подсчетам Бруно Неттла, встречаются в 42% всего песенного материала марийцев [9, с. 7], что достаточно много. Если ангемитонная музыка ассоциируется с чем-то возвышенным, неземным, лишенным страстей, то диатоника, гемитоника и хроматика характеризуют «человеческую» музыку, связанную с эмоциями, выражающую земные страсти и драматизм.

Венгерский музыковед Бенце Сабольчи в статье «Элементы от периода Великого переселения народов в венгерской народной музыке» отмечал, что в игровых, детских народных песнях финно-угров и в староевропейских музыкальных традициях распространен непентатонический свободный стиль, отличный от более строгого пентатонического, являющегося наследием тюрков [9, с. 79]. В марийской традиционной песенной культуре сохранились образцы древнего синкретического искусства, совмещающего в себе элементы действия (игры), слова и музыки. Представлены они в свадебном обряде, одном из древних в культуре марийцев.

В свадьбе преобладает игровой момент, большую роль играют действие и движение, поэтому свадебные песни часто имеют плясовой, активный характер. Во многих свадебных песнях используются диатонические звукоряды. Уже в первом сборнике марийских песен – «Мари муро» В.М. Васильева находим свадебные диатонические мелодии, в основном из северных районов республики. Например:

[10, № 74. Новотор.р., д. Кандашбеляк. Исп. Илян Танила].

Варианты этой мелодии находим у малмыжских, елабужских, уральских, удмуртских мари и у самих удмуртов. Так, у елабужских мари эта мелодия звучит так:

[11, с. 71. Татарстан, д. Старая Кня (Кна). 1971. Исп. Исаева Е.И. (1908 г.р.].

Обращает на себя внимание совмещение в одном напеве фраз мажорного и минорного наклонения. На такую музыкальную особенность указывал еще в 19 веке Стефан Соммье в своем этнографическо-антропологическом очерке «О черемисах». В деревне Старая Красноуфимского уезда Пермской губернии он слышал звучание гуслей, которые имели 19 струн. «Аккомпанемент в них ведется в минорном, а напев в мажорном тоне, поэтому общий эффект был далеко не приятный» [12, с. 193]. То же самое мы наблюдаем и у северо-восточных и восточных мари.

У уральских мари данный напев существует в ином ритмическом оформлении – с преобладанием квантитативных ямбических формул. Вот пример из д. Марий-Усть-Маш Красноуфимского района Свердловской области:

[13, с. 160. Свердловская обл., Красноуфимский р., д. Марий Очмаш. Исп. Евдокимова Анна Евдокимовна (1918].

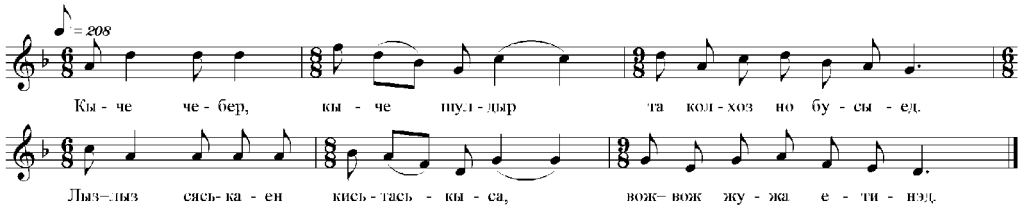
Ямбические ритмоформулы существуют также в музыке удмуртов, чувашей. Эстонский этномузыковед Херберт Тампере считает, что это древняя ритмоформула плача [14, с. 131].

Далее, среди удмуртских мари – в дд. Ныргынде и Пыргынде Каракулинского района Удмуртии данный напев построен в мажорном диатоническом звукоряде:

[15, с. 36].

А у самих удмуртов этот напев имеет следующий вид:

[16, С. 40. Запись Я.А. Эшпая. 1937. Исп. В.К. Виноградова (1910 г.р.].

По данным историков, формирование луговых и северо-восточных групп мари происходило в конце I тыс. н.э. в результате этнических контактов древнемарийских племен с древними удмуртами и смешения волжско-финских и прикамских традиций [17, с. 86]. Возможно, возникновение этой мелодии относится к периоду, когда марийские и удмуртские племена находились в тесном единстве друг с другом. «В свадебных песнях, – пишет О.М. Герасимов, – сохранились общие для многих финно-угорских народов стилевые признаки» [11, с. 37].

Т.о., в мелодике восточных и северо-восточных луговых мари мы наблюдаем выход за пределы ангемитоники, обогащение пентатоники полутонами, что говорит о развитии не только музыки, но и сознания вообще.

Сабольчи усматривает различия в стилях марийской музыки по причине влияния других культур: «Чем далее на восток расположены марийцы, тем больше пентатонных шкал в их музыке. Чем дальше к западу и северу, тем более простым становится стиль и особенно тональный материал. Такие результаты указывают, что марийская музыка подверглась большому влиянию других народов за многие годы» [9, с. 79].

Напевы марийских песен имеют одномотивный характер. Первый мелодический оборот, ячейка лежит в основе всего последующего движения. Основным принципом мелодического развертывания является вариантность во всех ее проявлениях: имитация, обращение, ракоход, увеличение, уменьшение и др.

Для песен медведевских, моркинских и горных мари весьма типичен прием квинтовой транспонировки, где 2-е предложение повторяет 1-е на ч.5 или ч.4 вверх или вниз. По наблюдениям Б. Сабольчи данный прием «обнаруживается на всем пространстве от Дуная до Желтого моря и соответствует пути передвижения тюрков начиная со времени Великого переселения народов (4 в.). Для песен венгров, марийцев, чувашей, ханты и манси, калмыков и монголов, – пишет Сабольчи, – характерна одинаковая ритмическая структура, иногда одинаковое количество слогов в тексте» [18, ст. 715].

Общей чертой для всех марийских мелодий является нисходящий контур мелодий. «Нисходящая линия мелодического движения – это древнейшая модель мелодии», – пишет Ю.Холопов [1, ст. 517].

Итак, мелодика марийских народных песен отличается большим разнообразием и характерностью. В ней сохранились черты различных эпох и стилей. Поэтому народная песня может являться своеобразным историческим документом, выраженным в музыкальных образах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Холопов Ю.Н.* Мелодия // Музыкальная энциклопедия. Т.3. – М., 1976.

2. *Семакова И.Б.* Региональная специфика напевов рун карелов // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России. Материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов. – Петрозаводск, 2014.

3. *Маркус С.А.* Гердер И.Г. // Музыкальная энциклопедия. Т.1. – М., 1973.

4. *Мухин В.А.* Наш музыкальный фольклор, его гармонизаторы и певцы-исполнители // МАО. – Йошкар-Ола, 1935. № 3–4.

5. *Коргузалов В.В.* Генетические предпосылки жанровой классификации музыкального фольклора // Русский фольклор. Вып. XV. – Л., 1975.

6. *Егорова О.К.* Культурологические аспекты изучения пентатоники // Пентатоника в контексте мировой музыкальной культуры. – Казань, 1995.

7. *Кондратьев М.Г.* Чувашская музыка. От мифологических времен до становления современного профессионализма. – М., 2007.

8. *Мухин В.А.* Музыка марийского народа // 15 лет МАО. – Йошкар-Ола, 1936.

9. *Nettl Bruno.* Cheremis Musical Styles. Indiana University Press. – Bloomington, 1960.

10. Мари муро. Песни народа мари, собранные В.М. Васильевым. – Казань, 1919.

11. *Герасимов О.М.* Элнет кундемын поянлыкше. Музыкальный фольклор елабужских мари. – Йошкар-Ола, 1997.

12. *Соммье С.* О черемисах. Этнографическо-антропологический очерк // Марийский археографический вестник. – Йошкар-Ола, 1999. № 9.

13. *Кульшетов Д.М.* Ныжыл кумыл. Марий калык муро-влак. – Йошкар-Ола, 1991.

14. *Тампере Х.* Эстонская народная песня. – Л., 1983.

15. Марла календарь 1909 ийлан. – Казань, 1908.

16. *Гиппиус Е.В., Эвальд З.В.* Удмуртские народные песни. – Ижевск, 1989.

17. Энциклопедия Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 2009.

18. *Сабольчи Б., Бройер Я.* Венгерская музыка // Музыкальная энциклопедия. Т.1. – М., 1973.

Natalya Mushkina

ABOUT SOME FEATURIES OF THE MELODY OF MARI FOLK SONGS

Mari melody of folk songs is rich and unique. The original function of songs is accompaying rituals and rites, where it was magic spells function. In melodies, played on a such musical instrument as bagpipes and harp as well as wedding songs, preserved hemitonic, halftone patterns similar to other finno-ugric melodies. Pentatonic without halftones and lines of development is the impact of music of neighboring Turkic peoples. The common features of all Mari melodies are same motivic, downward, path of development, simplicity and austerity.

Keywords: *melody of songs, pentatonic, same motivic, rites and rituals.*

«Финно-угроведение», 2016, № 1

Александр Акшиков
Йошкар-Ола

ЗЕМСКИЕ МЕДИЦИНСКИЕ СЛУЖАЩИЕ ЦАРЕВОКОКШАЙСКОГО УЕЗДА КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация: *Статья посвящена земским медицинским служащим Царевококшайского уезда Казанской губернии. Рассмотрены данные о численности земских медицинских служащих, их образовательном уровне, стаже службы, социальной и возрастной структуре, оплате труда, об участии их в мероприятиях по распространению гигиенических знаний среди населения.*

Ключевые слова: *земская медициина, земские врачи, медицинский персонал, гигиенический знания.*

Земская медицина в начале XX в. являлась одним из важных направлений земской деятельности, в достижения которой значительный вклад внесли земские врачи. В деле развития здравоохранения определенную роль сыграл также младший земский медицинский персонал. Далее будут рассмотрены данные о численности земских медицинских служащих Царевококшайского уезда Казанской губернии в начале XX в. (1901–1913 гг.), их образовательном уровне, стаже службы, социальной и половозрастной структуре, оплате труда; а также сведения об их участии в мероприятиях по распространению гигиенических знаний среди населения и характеристика интенсивности труда медперсонала.

В 1901 г. Царевококшайский уезд был разделен на 5 врачебных участков, в каждом из которых была больница. Врачей состояло на службе 6: по одному на каждый участок и 1 заведующий Царевококшайской земской городской больницей. Из младшего медперсонала на земской службе состояли 13 фельдшеров и 5 фельдшериц-акушерок. Из них 7 заведовали самостоятельными фельдшерскими пунктами, остальные состояли при врачах [1, л. 85]. В 1913 г. в уезде также было 5 врачебных участков. На службе состояло 6 врачей, 15 фельдшеров, 1 фельдшерица-акушерка и 1 акушерка [4, л. 36].

Об образовательном уровне земского медицинского персонала можно судить по данным на 1901 г. В это время в уезде служили 6 врачей –

выпускников Казанского университета. Из 13 фельдшеров 7 окончили курс учения в Казанской земской фельдшерской школе, 1 – Тамбовскую земскую фельдшерскую школу, 1 – Московскую военно-медицинскую фельдшерскую школу, 1 был с неоконченным высшим образованием, 1 выдержал испытания во врачебном отделении Казанского губернского правления, 1 – во врачебном отделении Вятского губернского правления и 1 – в Казанском окружном военно-медицинском управлении. Из 3 фельдшериц-акушерок 2 окончили Казанскую земскую фельдшерскую школу, 1 – Вятскую фельдшерскую школу. Повивальная бабка обучалась в повивальной школе при Вятской губернской больнице [1, л. 7 об. – 13]. Таким образом, из 17 (70,6%) представителей младшего медицинского персонала 12 человек оказались выпускниками средних профессиональных учебных заведений.

По социальному происхождению по данным на 1901–1902 гг. в среде земского медперсонала довольно значительной была доля выходцев из мещан (39,1%). Из крестьян был лишь один человек. В среде земских врачей преобладали представители привилегированных сословий и мещан. Младший медицинский персонал состоял в основном из выходцев из податных сословий. По возрасту преобладали лица, переступившие 25-летие. Большинство медицинских специалистов имели стаж работы в уезде не более 5 лет, т.е. можно предположить, что они недавно закончили специальные учебные заведения, были малоопытными в своей профессии, и работа в Царевококшайском уезде была первой их служебной практикой [1, л. 7 об., 13; 5; 6, л. 13; 7, с. 43, 74; 8, с. 333].

В 1901 г. врачи получали в год от 1000 до 1500 руб. в год, а в 1913 г. – от 1500 до 1800 руб. в зависимости от выслуги лет. Фельдшера, фельдшерицы-акушерки в 1901 г. имели оклад от 324 до 384 руб., а в 1913 г. – от 420 до 600 руб. с учетом стажа земской службы в уезде [1, л. 85; 2, л. 5].

Земские врачи активно занимались распространением гигиенических знаний. Что делалось в этом отношении, можно наглядно представить из содержания протоколов заседания Царевококшайского уездного врачебного совета, прошедшего в январе 1913 г. Земский врач М.Ф. Яковлев подготовил доклад о способах выработанных земской практикой в области распространения гигиенических знаний, и что в этом направлении следует делать в Царево-кокшайском уезде. В частности он говорил: «Борьба с невежеством и распространение гигиенических знаний в народе занимает в некоторых из земств одно из первых мест их деятельности. 50-летний земский опыт по борьбе с болезнями убедил земства, что нельзя лечить людей, которые не знают причин болезней и слепо верят в исцеляющие действия микстуры, порошков, мазей, не устраняя при этом вредных причин, вызывающих заболеваемость. Распространение гигиенических знаний в народе является могучим подспорьем при лечении болезней, иногда даже заслоняя собой лечение. В земствах на этой почве развились санитарные организации, в ведении которых и находится борьба с невежеством.

Как и во всякой другой организации, необходимо выработать план деятельности, чтобы организация была жизненна, без этого будут отдельные попытки, результат которых почти всегда незначителен. Так, в Царевококшайском уезде были когда то подобного рода начинания, например, при амбулаториях раздавались народонаселению листки вроде «о дурной болезни», как уберечь себя от холеры и т.п., но ни в одном врачебном отчете за старые годы я не нашел, как проводилась подобного рода раздача, в каких размерах и с каким результатом. Видимо распространение было случайно и не входило в программу деятельности земства и врачей и потому, не дав более или менее значительных результатов, погибло.

Деятельность других земств по распространению гигиенических знаний в народе выражается в следующих мероприятиях: 1) народные чтения по вопросам медицины и гигиены с синематографом или волшебным фонарем; 2) народные библиотеки-читальни с гигиеническим отделом; 3) самостоятельное издание книг и брошюр; 4) бесплатная раздача медицинских листков; 5) больничные библиотеки; 6) курсы для учащихся с непременным преподаванием гигиены и основ анатомии и физиологии; 7) музей и выставки; 8) продажа медицинских книг и книжные склады при амбулаториях» [3, л. 23 об., 24].

Далее он предлагал комплекс мероприятий по распространению гигиенических знаний в Царевококшайском уезде, который заключался в следующем: «1) в чтении ряда систематических популярных лекций по медицине; 2) в чтении отдельных лекций по какому-нибудь вопросу из медицины; 3) в беседах на медицинские темы на сельских съездах и при амбулаториях; 4) в широком распространении в народе популярной медицинской литературы; 5) популяризация медицинских и гигиенических знаний чрез народных учителей и земские школы» [3, л. 24 об.]. Предполагалось широко использовать волшебный фонарь. Совет постановил принять предложения М.Ф. Яковлева для популяризации гигиены в уезде.

Об интенсивности труда медицинских специалистов можно судить по цифрам, приведенным в таблице 1.

При анализе таблицы возникает вопрос: много это или мало? Чтобы ответить на этот вопрос нам следует заглянуть в 1914 г., когда в земские управы стали поступать опросные бланки высочайше учрежденной Междуведомственной комиссии по пересмотру врачебно-санитарного законодательства, которая была создан для выработки законопроекта об устройстве общедоступной врачебной помощи населению. «В виду чрезвычайной сложности разрабатываемого вопроса, – писал председатель комиссии Г. Рейн в сопроводительном письме, – представляется крайне важным для окончательной выработки Проекта, получить возможно точные сведения о том, в какие конкретные формы и размеры могла бы вылиться на местах общедоступная врачебная помощь населению, при устройстве ея согласно вышеупомянутым положениям Комиссии, и прежде всего выяснить для сельских местностей, сколько в каждом уезде потребуется

Таблица 1

Площадь и численность населения врачебных участков Царевококшайского уезда Казанской губернии в 1913 году*

	Площадь, кв. версты	Численность населения	Кол-во врачей	Количество фельдшеров, фельдшериц-акушерок, акушерок
1 участок (центр в г. Царевококшайске):	2300	28260	2	5
2 участок (центр в д. Ронге):	850	19690	1	4
3 участок (центр в с. Морки):	1500	29461	1	4
4 участок (центр в д. Куллекими):	650	37548	1	4
5 участок (центр в с. Сотнур)	1800	17311	1	4

*Составлено нами по следующим источникам: ГАРМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 952. Л. 22 об.–24.

врачебных участков и каких именно, а также сколько должно быть образовано межуездных участков» [4, л. 246]. В письме особо подчеркивалось, что на журнале Совета министров об учреждении комиссии император Николай II собственноручно наложил резолюцию: «Дело это вести ускоренным ходом» [4, л. 246 об.].

Согласно предлагаемым «предположениям об устройстве общедоступной врачебной помощи», разработанные комиссией на основании новейших достижений медицины, нормальный врачебный участок должен был иметь площадь 314 кв. верст с населением от 9000 до 11000 человек. Медицинский персонал 11-тысячного участка должен был состоять из 1 врача и 3 лиц младшего медицинского персонала [4, л. 249, 249 об.]. Если сравнить эти цифры с данными таблицы 1, то можно убедиться, что в Царевококшайском уезде ни один участок не удовлетворял им.

Царевококшайская уездная земская управа рассчитала, что для полного осуществления проектируемого устройства общедоступной врачебной помощи к 5 имеющимся врачебным участкам следует добавить еще 4 с центрами в Суртах, Кумужъяле, Шиньшах и Большом Шигакове, а также 2 фельдшерских пункта в Нурме и Кшклове. Кроме того, необходим был один межуездный участок на границе Казанского и Уржумского уездов. К имеющимся врачам следовало прибавить еще 4, а к младшему медперсоналу – 9 человек. Акушерок требовалось 15. Таким образом, врачей в уезде должно было быть 10 человек, а младшего медицинского персонала – 41. Можно

убедиться, что медперсонал, имевшийся в Царевококшайском уезде в 1913 г., был недостаточен, а интенсивность его труда была чрезвычайно высокой. Интересно, что отвечая на опросный бланк комиссии, Царевококшайская уездная земская управа отметила необходимость правительственной организации медицинской помощи. Для этого требовалось организовать Министерства народного здравия. В земских кругах пришли к осознанию того, что для правильного развития медицины требуется центральное государственное учреждение, которое занималось бы только вопросами здравоохранения; МВД, курирующее вопросы здравоохранения в начале XX в., очевидно, не справлялось с этой важной функцией [4, л. 247 – 248].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что численность медиков в начале XX в. почти не изменилась. Среди врачей не было женщин, доля же фельдшериц-акушерок и акушерок среди младшего медицинского персонала была незначительной. Все врачи имели высшее образование. Подавляющее большинство фельдшеров, фельдшериц-акушерок имели среднее профессиональное образование. В социальной структуре медиков не наблюдается подавляющего преобладания какого-либо сословия. По возрасту в среде медицинских работников преобладали люди зрелые, переступившие порог 25-летия. Большинство медицинских служащих работали по месту службы не более 5 лет. Это свидетельствует о значительной текучести кадров. Оплата труда заметно возросла. Земские врачи активно распространяли гигиенические знания. Данные о величине врачебных участков и численности населения в них красноречиво свидетельствуют о тяжести и интенсивности труда медицинских специалистов. Инициатива по выработке мероприятий для организации общедоступной врачебной помощи, исходящая из высших органов власти, красноречиво свидетельствует о том, что государственная политика Российской империи наконец-то вплотную озаботилось такой важным сегментом социальной инфраструктуры как здравоохранение.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ). Ф. 18. Оп. 1. Д. 619.

2. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 930.

3. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 944.

4. ГА РМЭ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 952.

5. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 977. Оп. Личные дела (далее – Л. д.). Д. 31719.

6. НА РТ. Ф. 977. Оп. Л. д. Д. 32650.

7. *Акшиков А.Г.* Земские врачи Марийского края. – Йошкар-Ола, 2006.

8. Казанский университет (1804–2004): Биобиблиографический словарь. Т. 1: 1804–1904. – Казань, 2002.

Aleksander Akshikov

ZEMSTVO MEDICAL EMPLOYEES OF TSAREVOKOKSHAISK COUNTY OF KAZAN PROVINCE IN THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article is devoted to zemstvo medical employees of Tsarevokokshaisk county of Kazan province. The data on number of zemstvo medical employees, their educational level, length of service, gender and age structure, remuneration, and their participation in activities for dissemination of hygiene knowledge among population are considered.

Keywords: *zemstvo medicine, country doctors, medical personnel, hygiene knowledge.*

«Финно-угроведение», 2016, № 1

С О О Б Щ Е Н И Я

Ранус Садиков
Уфа

ИЗ ИСТОРИИ ПРОСВЕЩЕНИЯ ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ (ОТКРЫТИЕ ПЕРВЫХ ШКОЛ)

Аннотация: *На основе архивных источников рассмотрены начальные этапы становления школьного образования среди закамских удмуртов, проживавших в Уфимской и Пермской губерниях. Показано, что в удмуртских деревнях функционировали миссионерские и министерские училища, земские и церковно-приходские школы. Прослежена история подготовки педагогических кадров для удмуртских школ.*

Ключевые слова: *закамские удмурты, миссионерские, министерские училища, земские, церковно-приходские школы.*

Развитие просвещения среди закамских удмуртов – один из совершенно неисследованных вопросов истории удмуртского народа. Как известно, первоначально в удмуртских деревнях были открыты миссионерские школы, основной целью которых было привлечение учащихся в православную веру или же утверждение в ней уже принявших крещение. В конце 1853 г. в Оренбургской епархии была учреждена Миссия «для обращения идолопоклонников в христианскую веру», которая занималась миссионерской деятельностью среди язычников края – черемис и вотяков [1, л. 2]. В 1864 г. миссионеры планировали открыть школы в марийских деревнях Мишкиной и Кильтеевой и удмуртской деревне Верхние Татышлы [1, л. 236, 261]. Но в итоге миссионерские школы были открыты в начале 1865 г. только в марийских деревнях Чураевой и Киебаковой Бирского уезда Уфимской губернии [1, л. 272, 282]. Предполагалось, что там будут учиться также дети удмуртов-язычников. Но так как эти школы имели миссионерскую направленность и учеников склоняли к принятию православия, то у населения сложилось к ним негативное отношение и они прекратили свою деятельность в 1869 г. [2, № 48]. Кроме того, обучение в них шло на непонятном для учеников русском языке.

Первая школа среди закамских удмуртов была открыта в конце 1872 г. в д. Большой Гондырь Осинского уезда Пермской губернии стараниями Пермского епархиального комитета Православного миссионерского общества [3, с. 208]. По словам очевидца, эта «школа сумела привлечь в свои стены немало вотяков, распространяя среди них не только начальное образование, но и свет христианской веры, и успела удержать вотяков от перехода в магометанство» [4, с. 3]. В некоторые годы численность учеников в ней доходила до 60 человек [3, с. 208], преподавание шло на «родном для вотяков языке» [5, с. 5].

В 1870-е гг. стали открываться так называемые русско-инородческие школы. В Уфимской губернии они были трех типов: христианские (чувашские, мордовские, крещено-татарские, крещено-черемисские), магометанские (русско-башкирские и русско-татарские, а также русские классы при медресе) и языческие (черемисские и вотские). С целью не допустить влияния ислама запрещалось совместное обучение детей крещеных и языческих инородцев с мусульманскими детьми и всячески поощрялось смешанное обучение с русскими. Учебный процесс основывался на системе Н.И. Ильминского: преподавание велось на родном языке с привлечением учителей из народностей учащихся [6, с. 161, 176]. Русско-инородческие школы подчинялись Министерству народного просвещения (МНП) и управлялись инспекторами народных училищ уездов. Министерские народные училища были одно- и двухклассными, в первых курс обучения составлял 3–4 года, во вторых – 6 лет. В учебную программу входили русский язык (чтение, письмо, речь), арифметика, Закон Божий, пение, практические занятия по сельскому хозяйству. В двухклассных училищах изучали также историю, географию с естествознанием, черчение и геометрию.

Первые министерские училища среди закамских удмуртов были открыты в конце 1877 г. в деревнях Большой Качак и Старый Варяж Бирского уезда [7, л. 70]. «Преподавателями в эти училища были назначены природные язычники, воспитанные в Уфимской Черемисской школе, где они усвоили нравственныя правила и правильныя религиозныя понятия» [7, л. 71], – вотяки Ишназаров и Минликаев. В 1878 г. в Старо-Варяжском училище обучалось 28 учеников, успехи которых были признаны довольно хорошими [8, л. 24].

В отчете инспектора народных училищ Уфимской губернии А.Н. Баранова за 1881/1882 учебный год отмечены только два вышеупомянутых вотских училища. В Больше-Качакском училище учились 29 учащихся: 28 мальчиков и 1 девочка, обучал их Зайнакай Минликаев. Училище располагалось в наемном (за казенный счет) удобном доме; классная мебель состояла из шести пятиместных парт, доски, стола и шкафа. В библиотеке имелось 597 томов книг 69 названий. Учебный год продолжался 9 месяцев. В Старо-Варяжском училище было 36 учеников, все мальчики, учителем являлся Зайдулла Ишназаров. Школа располагалась в наемном малоудобном доме; из классной мебели числились четыре пятиместные парты, доска, стол и шкаф. В библиотеке насчитывалось

397 томов книг 60 названий. Обучались 9 месяцев в году [9, л. 24–25, 42–43]. В 1885 г. в Уфимской губернии, как и ранее, имелось два вотских одноклассных языческих училища, в которых обучалось 70 мальчиков и 2 девочки [10, л. 29, 31]. В Пермской губернии на средства министерства школа была открыта в 1886 г. в д. Кирга Осинского уезда [11, с. 31].

В 1896 г. в Бирском уезде насчитывалось уже шесть удмуртских школ: в Новой Кирге, Каймашабаше, Вотском Менеузе, Князь-Елге, Старом Варяже и Большом Качаке [12,с. 147–204]. Все они относились к ведомству МНП, кроме Князь-Елгинской, открытой в 1889 г. как миссионерская школа и позднее числившейся как церковно-приходская [13, с. 309]. В 1898 г. в Бирском уезде были открыты четыре новых вотских языческих училища в Байшадах, Киссияре, Можге и Верхних Татышлах [14, л. 100, 103]. В Пермской губернии новые удмуртские школы появились в 1895 г. в Кипчаке и Гожане, в 1900 – 1901 гг. – в Верхнем Гондыре и Барабане [11, с. 32].

В 1906 г. в Уфимской губернии школы числились в 16 удмуртских населенных пунктах. Они были четырех типов: министерские и миссионерские училища, земские и церковно-приходские школы [15, с. 95–188]. Каймашабашевская школа считалась двухклассным министерским училищем. В 1903 г. в д. Каймашабаш было построено двухэтажное школьное здание. На первом этаже располагался интернат, на втором – проходили учебные занятия [16, л. 132]. По данным на 1915 г., в удмуртских селениях Уфимской губернии имелось уже 15 министерских одноклассных, 1 министерское двухклассное, 15 земских одноклассных и 3 церковно-приходских начальных училища [17, с. 1–58].

В конце XIX – начале XX вв. в некоторых удмуртских деревнях функционировали мусульманские школы мектеб и медресе; их посещали дети исламизированных удмуртов. Первая такая школа среди удмуртов была открыта в 1860-х гг. в д. Гаребашево Бирского уезда, где часть жителей к тому времени перешла в ислам. По их приглашению в деревне поселился удмурт-мусульманин Фейзулла Иманов, который неофициально проводил богослужения и обучал «магомеданской грамоте детей магомеданских родителей» [18, л. 4]. В 1880 г. он выдержал экзамен на знание правил мусульманской религии, «по которому оказался быть способным имам хатыпом и мугаллимом» [19, л. 2]. В 1891 г. был испытан его сын Муртаза Файзуллин, который «оказался быть способным муазином и мугаллимом сабияном» [20, л. 2]. Таким образом, в д. Гаребашево действовало медресе, где мугаллимом (учителем) был Ф. Иманов, а мугаллим-сабияном (учителем младших классов) – его сын М. Файзуллин. Сохранились также другие дела о назначении мусульманского духовенства с учительскими званиями. Например, в д. Нижние Татышлы в 1885 г. мугаллимом являлся Габдулихсан Губайдуллин, а мугаллим-сабияном – Зидиган Ярмухаметов, происходивший от удмуртов-язычников [21, л. 2, 3]. В 1880-е гг. мусульманская школа была открыта в Верхнем Гондыре, ее содержал местный житель Абдулла

Фаткуллин. После открытия в 1898 г. мечети в Большом Гондыре он же основал там школу, где мугаллим-сабияном работал Хатмулла Сахаутдинов [4, с. 5]. В этих школах, существовавших при мечетях, обучали детей основам ислама, арабской грамоте, арифметике, чтению Корана; учебный процесс велся на татарском языке.

Первоначальные кадры для удмуртских школ, как уже было отмечено, готовились в Уфимской черемисской школе, открытой в 1870 г. Основную часть обучающихся (в разные годы от 15 до 39 человек) составляли марийцы, небольшую – удмурты («две трети из них были черемисы, остальная треть – вотяки»). Пятилетний курс обучения включал: знакомство с элементарными правилами русского языка, двумя частями арифметики, отечественной историей и окружающей природой, географией всех частей света; изучение священной истории Ветхого и Нового Завета, катехизиса, православной литургии с церковным пением [2, № 49, 50]. В 1882 г. была открыта Бирская инородческая учительская школа. Здесь готовили учителей для марийских, удмуртских и чувашских школ. Со времени открытия до 1900 г. в учебном заведении получили образование 75 марийцев, 28 русских, 15 чувашей, 10 удмуртов, 3 зырянина, 2 мордвина и по 1 пермяку и кряшену [22, с. 3–7]. Среди удмуртов, закончивших эту школу, числились учителя Метелев Яков (православный, работал в одной из церковно-приходских школ), Гайнитдинов Нурислам, Исиметов Миншат (учитель Старо-Варяжского инородческого училища, после крещения – Груздев Михаил), Шамраев Сайран, Михайлов Александр (учитель Ново-Кыргинского училища), Кусниряров Кистий [23, с. 109–119].

После революции в 1918 г. Бирская инородческая учительская школа была преобразована в Марийскую учительскую семинарию, осенью 1919 г. – в Марийские педагогические курсы. В ноябре 1920 г. учебное заведение было переведено в с. Николо-Березовку, где в 1921 г. преобразовано в педтехникум. Марийский педтехникум (по другому – Педтехникум Вичэ Мари) располагался в помещениях бывшего монастыря. При нем функционировали библиотека-читальня (книг до 15 тыс. томов), естественно-исторический кабинет, художественная студия, столярная мастерская; на двух десятинах земли был разбит огород. В августе 1924 г. педтехникум был вновь возвращен в Бирск и объединен с татаро-башкирским педтехникумом (марийское отделение Бирского педтехникума). Располагался Бирский педтехникум в здании бывшего реального училища. В 1925 г. на марийском отделении обучалось 127 чел. – 114 марийцев и 13 удмуртов [24, л. 275]. В 1931 г. Марийский педтехникум снова стал самостоятельным, а в 1934 г. был вновь переведен в Николо-Березовку. В 1938 г. переименован в Краснокамское педагогическое училище, которое в 1956 г. было переведено в Благовещенск и объединено с местным педучилищем [25, с. 140]. С этого времени многие будущие учителя удмуртских школ стали получать образование в Можгинском педучилище в Удмуртии. Здесь уместно отметить, что с 1996 по 2014 гг. при Нефтекамском педколледже действовало

удмуртское отделение, готовившее учителей начальных классов со знанием удмуртского языка. Руководила отделением Т.Р. Глимзянова.

Заметим, что со школами закамских удмуртов тесно связана биография удмуртского просветителя и политического деятеля Максима Прокопьева. Юношеские годы первого председателя Вотского отдела Наркомнаца при советском правительстве прошли среди закамских удмуртов: в 1902–1908 гг. он работал учителем в двухклассном училище в Каймашабаше, в 1909 г. – в д. Канлы, в 1910–1911 гг. – в д. Кызылъяр, в 1912 г. – в д. Алтаево Бирского уезда, в 1913 г. – в д. Верхний Гондырь и в 1914 г. – в с. Большой Гондырь Осинского уезда [26, с. 28–45]. В Большом Гондыре до настоящего времени сохранилось старинное кирпичное здание школы, построенное в 1914 г., когда здесь работал М. Прокопьев. Первые ростки удмуртского национального движения также зародились среди учителей в школах закамских удмуртов: в 1901 г. в Большегондырской и в 1905 г. в Каймашабашевской школах действовали первые удмуртские политические кружки [27, № 55; 28, с. 45]. Таким образом, первые школы закамских удмуртов оставили неизгладимый след в истории, внесли большой вклад в просвещение и поднятие национального самосознания удмуртского народа.

В качестве приложения приводим архивный документ, ярко иллюстрирующий состояние первых школ закамских удмуртов.

Из «Отчета по осмотру начальных училищ Бирскаго инспекторскаго района за 1894/5 учебный год»:

«15) Старо-Варяжское инородческое вотское училище (министерское)

Осмотрено мною училище 29 ноября 1894 г. и 25 мая сего 1895 г., в последнюю мою ревизию были произведены мною и экзаменационныя испытания.

Помещается училище в той же наемной крестьянской избе, в которой оно было и в предыдущие годы, но по моему требованию она перестроена, более приспо- // -соблена к школьным занятиям: подняты потолки на два венца, прибавлено света на одно окно (прорублено с южной стороны одно венецианское окно).

Классная мебель, учебная библиотека и прочая училищная обстановка удовлетворительны и содержатся в исправности.

Книг в учительской библиотеке 280 т. на сумму 97 руб. 84 к., в ученической – 884 т. на сумму 262 р. 8 к., учебных пособий и принадлежностей на 114 руб. 19 коп.

Классные журналы, библиотечные инвентари и каталоги содержатся в порядке и исправности.

Учащихся в отчетном году было:

в старш. отд. – 5 м.

– среднем – 11 м.

– младшем – 34 м.

Итого – 50 мальчиков.

Из них 9 человек русских из соседних поселков, а остальные вотяки – дети местных обывателей. В отчетном году окончило курс с правом на // льготу 4 разряда по отбыв.воин. повин. 4 ученика.

Учителем училища состоял тот же, что и в предыдущий год, Михаил Груздев из окончивших курс Бирской учительской школы. Учитель он опытный и очень трудолюбивый. Успехи его учеников можно назвать удовлетворительными, за исключением однакож учеников младшаго отделения по русскому языку, ученики котораго в конце года на произведенных мною испытаниях совершенно не понимали по русски, не понимали даже слов: «встань, сядь». Зависит это от того, что учитель говорит с ними исключительно на вотском языке и это большая его ошибка. В среднем отделении ученики читали вяло. По арифметике успехи учеников в общем удовлетворительны. Письменные работы тоже можно назвать удовлетворительными, хотя каллиграфия и плоха. Ученическия тетради исправляются учителем довольно внимательно. //

Кроме того поставлено на вид учителю, что много им пропущено учебных дней, благодаря соблюдению им языческих вотских праздников. В отчетном году и без того много было праздничных дней, а он еще добавляет ученикам праздновать по целым неделям местные вотские праздники, каковы «куричкон» от 18 по 25 ноября – при том и праздник то незначительный (начало варки пива). С русскими учениками он впрочем в это время занимается.

По Закону Божью программа пройдена им вся. Ученики младшаго отделения со слов учителя выучили некоторыя молитвы: «во Имя Отца», «пресвятая Троице», «Отче наш» и др. Но так как ученики не знают русской речи, то и читали они совершенно механично, без понимания смысла и с искажением слов. Потребовано от учителя, чтобы он в следующем учебном году обязательно занимался обучением учеников младшаго отделения разговор- // -ной русской речи при помощи русских учеников, или по рекомендованной ему мною системе Шельцеля.

За всеми указанными недостатками школу, тем не менее, можно признать удовлетворительною.

16) Ново-Кыргинское инородческое вотское училище (министерское)

Осмотрено мною училище 30 ноября 1894 года и 26 мая 1895 года; в последнюю ревизию мною произведены были и экзаменационныя испытания.

Помещается училище в том же наемном доме, в котором оно было и в прошедшем году. Помещение для училища хотя и обширное (2-х этажный дом), но стоит // на краю деревни, что неудобно, с неудобствами приходится, однакож, мириться, так как лучших домов в деревне больше нет. В нынешнем году учитель по моему приказанию хотел было перенести его в центр деревни, наняв квартиру у одного из вотяков местных обывателей, но благодаря тому, что в семействе этого вотяка появилась скарлатина, унесшая в могилу 3 его детей, и благодаря тому, что дом этот по требованию местной полицейской власти должен был дезинфекцирован, училище в силу необходимости, должно было переместиться на старую квартиру.

Классная мебель и библиотека содержатся в исправности.

Книг, учебных пособий и принадлежностей в достаточном количестве.

Книг в учительской библиотеке 364 т. на сумму 125 р. 41 к., в ученической – 782 т. на сумму 246 руб. 5 к., учебных пособий и принадлежностей на 145 р. 73 к. //

Классные журналы, инвентари школьного имущества и каталоги содержатся опрятно.

Учащихся в отчетном году было:

в старшем отд. 11 м. 1 дев.

– среднем – 2 м. 5 дев.

– младшем – 19 м.

Итого 21 м. 6 дев.

Из них окончила курс 1 девоч.

Из общаго числа учащихся 5 русских девочек, 1 черемиска, 2 черемиса из соседней деревни Арляновой, остальные вотяки – дети местных обывателей.

Учителем училища состоял с начала отчетнаго года окончивший курс Бирской инородческой школы в 1894 г. Александр Михайлов (из вотяков). Михайлов один из лучших воспитанников школы, получил хорошую педагогическую подготовку в школе и самостоятельно трудится над дальнейшим самообразованием, изучает разные методики по предметам: Закона Божия, русского языка и арифметики и читает педагогические журналы. //

Михайлов сразу сумел войти в роль учителя. Занятия ведет основательно, толково и спокойно. Сам говорит по русски совершенно правильно и вообще обещает быть хорошим учителем в будущем.

На недостатки его в преподавании своевременно было обращено внимание: Михайлов неравномерно распределяет время на занятиях между отделениями: в старшем и среднем отделениях он охотнее занимается, нежели с младшим; от этого зависит, что ученики младшаго отд. очень плохо понимают самые обыденные слова русской речи. Рекомендовано Михайлову обратить в следующем году особенное внимание на изучение разговорного языка вновь поступающими учениками, указано ему и средство: пособничество русских учеников и занятия по американской методе обучения инородцев Шельцеля.

Занятия по Закону Божию в среднем и старшем отделениях найдены правильными, а в младшем хотя и изучены начальныя молитвы, но читаются // с большими искажениями слов.

По арифметике успехи учеников удовлетворительны. Чтение заученных стихотворений монотонно и без должной выразительности, на что обращено внимание. Письменные работы исправляются довольно внимательно. Пение поставлено порядочно. Ученики поют довольно стройно общеупотребительныя молитвы как по-русски, так и по-вотски. Народного гимна «Боже, Царя храни» он еще не успел разучить. //

17) Каймашабашевское инородческое вотское училище (министерское)

Осмотрено мною училище 30 ноября 1894 г. и 26 мая сего 1895 года, в последнее время мною произведены были и экзаменационныя испытания.

Открыто училище лишь в прошедшем учебном году. На содержание его отпускается из сумм Министерства Народного Просвещения 370 руб. в год. Деревня Каймашабашева, где помещается школа населена язычниками вотяками. С этою деревнею слилась русская деревня Каймаша, где существует часовня с освященным в ней престолом. В часовне изредка совершается литургия священником соседняго села Петровки, к приходу которого и принадлежит Каймаша. Ученики православные русские и вотяки довольно стройно поют на клиросе, в отсутствие же священника учитель с учениками совершает часы. Священ-// -ник села Петровки о. Высоцкий иногда посещает Каймашабашевское училище и принимает участие в преподавании Закона Божия, так как в Каймашабашевском училище около 1/3 учащихся русских и тем более, что ученики из вотяков относятся к посещению священника с совершенно безо всякой предвзятой мысли.

Книгами, учебниками, учебными пособиями и классными принадлежностями школа снабжена пока в достаточном количестве. Библиотека, каталоги и инвентари школьного имущества и классные журналы ведутся в исправности.

Помещается училище в том же доме вотяка Исеметева, в котором оно помещалось и в прошлом году. Но в наступающем году по моему требованию классное помещение расширено, а именно: убрана русская печь, поставленная в средине классного помещения, благодаря этому, прибавилось света и простора в классах; // из зимняго холодного корридора сделана теплая комната, которая служит раздевальней и вместе с тем библиотекой. По моему же требованию отремонтирована заново и квартира в том же доме для учителя. Вообще школьное помещение в настоящее время обширно (8 Х 6 саж.), светло, приноровлено к школьным занятиям и прилично. Находится оно на конце вотской деревни, но почти на рубеже слияния ея с вышеупомянутой русской Каймашой и с этой стороны представляет центральное место как вотскому, так и русскому населению слившейся деревни Каймашабашевой.

Учителем училища с начала учебного года состоял природный вотяк Николай Лукоянов, окончивший курс Казанской учительской семинарии в 1894 году. Учитель Лукоянов толков от природы, получил, как видно, основательную подготовку и сразу вошел в роль учителя. Во время первой моей // ревизии вел занятия во всех трех отделениях ровно, спокойно и с тактом, как будто он уже несколько лет пробыл учителем. Ученики преданы учителю, любят его и внимательно слушают. Классная дисциплина хороша. Ученики младшаго отделения из вотяков достаточно обучены им русской разговорной речи и куда выше учеников Ново-Кыргинскаго и Старо-Варяжскаго училищ! Выпуска в настоящем году еще не было: Лукоянов не торопится и ведет дело основательно. Вообще школа, хотя в малоопытных, но надежных руках и поставлена на

первых же порах прочно и основательно. Успехи учеников как в младшем, так и среднем отделениях удовлетворительны по всем предметам. По Закону Божию ученики младшаго отделения из вотяков совершенно правильно, без искажения слов и толково отвечали молитвы: «во Имя Отца», «Пресвя- // -тая Троице», Трисвятое «Царю небесный» и «Богородице», а во время второй ревизии с пониманием слов читали утреннюю молитву: «К Тебе, Владыко, человеколюбче», молитву за царя и др. положенныя по программам молитвы.

Чтение как по-русски, так и церковно-славянски тоже вполне удовлетворительно. По арифметике успехи учеников средняго отделения тоже удовлетворительны. Учитель Лукоянов молодой, служащий первый год, заслуживает поощрения, последнее необходимо в виду того, что он недоволен местом службы и хочет переместиться в казанский округ, перемещение его было бы большим лишением для движения образования между тупым и малоразвитым вотским населением Бирскаго уезда, тем бо- // -лее, что я имею ввиду, Лукоянова переместить для поднятия уровня образования в Старо-Варяжском училище.

Учащихся в отчетном году было:

– в среднем отд. 23 м. 2 д.

– младшем – 22 м. 3 д.

итого: 45 м. 5 дев.

Из них русских 25 чел. из деревни русской Каймаши, а остальные вотяки из деревни Каймашабашевой. // (…)

19) Больше-Качакское инородческое училище (министерское)

Осмотрено мною училище в 2 декабря 1894 г. Помещается училище в той же крестьянской избе, в которой оно помещалось в прошлом году. Помещение поместительное относительно количества обучающихся в нем, но холодно и печи дымят. Предложено учителю озаботиться подысканием // более удобнаго помещения для классных занятий.

Книгами, учебниками и учебными пособиями и принадлежностями училище снабжено в достаточном количестве. Книг в учительской библиотеке 130 т. на сумму 60 руб. 25 коп., в ученич. – 1403 т. – на сумму 373 руб. 38 к., учебных пособий на 105 руб. 65 коп.

Библиотечные инвентари и каталоги и классные журналы ведутся опрятно и в исправности.

Учащихся в отчетном году было:

в старшем отд. – 8 м. – д.

– среднем – 12 – 2 –

– младшем – 28 – “–

итого 48 м. 2 дев.

Из них русских 4 мальч. и 2 дев., остальные же вотяки – дети местных обывателей.

По произведенным экзаменационным испытаниям членом Училищнаго Совета Шишковским окончило курс с правом на льготу 4 разряда по отбывании воинской повинности 6 учеников. //

Учителем училища состоял в отчетном году тот же, что и в прошлом году, Афанасий Иванов, из окончивших курс в Казанской учительской семинарии в 1892 году.

Учитель Афанасий Иванов в нынешнем году вел учебное дело уже не с таким усердием, как в прошлом году, за каковое он получил совершенно по заслугам благодарность Его Превосходительства Г. Попечителя Оренбургскаго Учебнаго округа по представлению Г. Окружнаго Инспектора П.А. Адрианова, ревизовавшаго это училище в 1893 году. Причиной этого послужили: отчасти собственное его небрежное отношение к делу, но главным образом его семейная жизнь, сложившаяся в начале весьма неудачно. Женившись и прожив с женою всего лишь 2 месяца, он разошолся было с нею. Семейныя невзгоды отразились, очевидно, как на нем самом, так // и на учебном деле. Не заметно уже той энергии и любви к учебному делу, с которыми он занимался прежде, да и сам он стал раздражителен и неровен по отношению к ученикам и преподаванию. Сообразно с этим и успехи его в отчетном году слабее успехов прошлаго года. В младшем отд. ученики из вотяков совершенно ничего не знали по-русски: «встань», «сядь», «как тебя зовут?» – таких вопросов по-русски они совершенно не понимали. В среднем отделении по русскому языку успехи тоже не достаточны. Спрошенный мною один ученик с трудом еще разбирал слова статьи «Наш класс», но передать ее своими словами совершенно не мог. Успехи учеников в старшем отделении, впрочем, более или менее удовлетворительны и они более развиты, но это, полагаю, - результаты энергии и заботливости Иванова еще в прошлом году. Таковы же успехи и по церковно-славянскому // чтению. По Закону Божию и по арифметике успехи получше: ученики из вотяков старшаго отделения довольно сносно передавали в очередной урок притчу о мытаре и фарисее; 10 заповедей; в младшем отд., хотя и читали начальныя молитвы, но без понимания смысла и с искажением слов.

Письменныя работы исправлялись учителем Ивановым тоже не совсем аккуратно. Пение поставлено по-прежнему удовлетворительно: ученики стройно поют утренния молитвы и народный гимн: «Боже, Царя храни!». Впрочем, за всеми указанными недостатками школу можно считать удовлетворительною и относительная малоуспешность в школе, не должна быть поставлена в строгую вину учителю Иванову, так как она допущена, благодаря лишь семейным обстоятельствам. Учитель Афанасий Иванов во // всяком случае ценный учитель: разумный и совершенно трезвый. Кроме того местные жители и школьники относятся к нему с полным доверием и уважением. И можно надеяться, что в следующем году он отнесется к делу с большей энергией, тем более, что и семейная жизнь его, благодаря моему посредству, приняла более благоприятный поворот: в настоящее время он сошелся с женой

и живет вместе совершенно согласно. Необходимо лишь перевести его в другое какое либо училище подальше от родственников жены, много повлиявших на семейную неурядицу, о чем просил и сам г. Иванов. // (…)

36) Вотско-Менаузское инородческое вотское училище (министерское)

Осмотрено мною училище 18 декабря 1894 г. Помещается оно в наемной крестьянской избе. Помещение хотя и ветхое, но светлое, теплое и достаточное для количества обучающихся в нем. Классная мебель и обстановка училища удовлетворительны. На содержание отпускается от казны 300 руб.

Библиотека, инвентари и классные журналы содержатся опрятно и в исправности. Книг в учительской библиотеке – 175 т. на сумму 76 руб. 85 коп., в ученической – 967 т. на сумму 227 руб. 23 коп.

Учащихся в отчетном году было:

– в старшем отд. – “–м. –“– д.

–среднем – 3 – 2

– младшем – 9 – 2

итого 12 м. 4 д.

все учащиеся вотяки-христиа- // -не, за исключением 1 мухамеданина из татар.

Незначительное число учащихся в этом училище объясняется тем, что д. Вотский Менауз весьма невелика и окружена деревнями татар мухаммедан. В Менаузе жителей 184 ч. (96 муж.пола и 88 жен.). Открытие училища в этой деревне имеет целию укрепление жителей в православии, что отчасти и достигается, поэтому, не смотря на малочисленность учащихся в училище, оно здесь совершенно необходимо, тем более, что соседнее Ташкичинское вотское училище закрыто.

Учителем этого училища состоит окончивший курс в Казанской двухклассной крещенотатарской школе Иван Нугаев (из крещеных татар). Учитель Нугаев, не получивши специальной подготовки, старается приобрести педагогические приемы в обучении // усердно относится к своим занятиям и можно надеяться, что из него выработается хороший учитель. Успехи учеников его, как оказалось во время моей ревизии (19 дек.), во всех отделениях удовлетворительны. Ученики давали осмысленные ответы по русски и без особенно грубых ошибок. По Закону Божию занимается он же Нугаев, под наблюдением священника соседняго села Князеилги Алексея Сизова.

Читали ученики, как по-русски, так и по церковно-славянски, тоже удовлетворительно. По арифметике и по письму желательно лучшие успехи. Пение поставлено порядочно. Учитель Нугаев в воскресные и праздничные дни совершал в училищном здании часы, а ученики под его руководством пели употребительнейшия песнопения и молитвы на церковно-славянском и вотском языках. (…)

Инспектор народных училищ Бирскаго района А. Альбанов» [ЦИА РБ. Ф.И-223. Оп. 1. Д. 2. Л. 34 – 46, 85 – 86. – Рукопись. Подлинник].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный исторический архив Республики Башкортостан (ЦИА РБ). Ф. И-11. Оп.1. Д. 560.

2. *Темперов И.А.* Черемисская школа в Уфе // Уфимские губернские ведомости. 1876. № 47–51.

3. О-в П.Г. Освящение храма в Большом Гондыре – вотяцкой деревне Осинского уезда // Пермские епархиальные ведомости. 1897. № 6.

4. *Рыбаков С.* Русское просвещение и магометанская пропаганда в селе Б. Гондыре Осинского уезда Пермской губернии. – СПб.,1901.

5. *Тезяков Н.* Вотяки Больше-Гондырской волости. Медико-статистический и антропологический очерк. – Чернигов, 1892.

6. *Сулейманова Л.Ш.* История становления и развития национальных школ народов Башкортостана в ХХв. – Уфа. 2011.

7. ЦИА РБ. Ф. И-113. Оп.1. Д. 327.

8. ЦИА РБ. Ф. И-113. Оп.1. Д. 328.

9. ЦИА РБ. Ф. И-113. Оп.1. Д. 391.

10. ЦИА РБ. Ф. И-113. Оп.1. Д. 427.

11. *Черных А.В., Меншарапов Ш.М.* От «вотцкого училища» до современной национальной школы // Жизнь национальностей. 2001. № 4.

12. Полный список населенных мест Уфимской губернии. Т. II. Бирский уезд. – Уфа, 1896.

13. Уфимские епархиальные ведомости. 1891. № 23.

14. ЦИА РБ. Ф. И-113. Оп.1. Д. 519.

15. Полный алфавитный список всех населенных мест Уфимской губернии. – Уфа, 1906.

16. ЦИА РБ. Ф. И-113. Оп.1. Д. 567.

17. Список учебных заведений Уфимской губернии к 1 января 1915 г. – Уфа, 1915.

18. ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 3. Д. 8188.

19. ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 12262.

20. ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 17816.

21. ЦИА РБ. Ф. И-295. Оп. 4. Д. 20167.

22. Учреждение Бирской инородческой учительской школы // Циркуляр по Оренбургскому учебному округу. 1902. № 9–10.

23. Отчет о состоянии Бирской инородческой учительской школы и начального при ней училища за 1895 (гражданский) год. – Казань, 1896.

24. Центральный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦАОО РБ). Ф. 122. Оп. 4. Д. 151А.

25. *Исиметов С.И.* Свет знаний // Сторона моя калтасинская. Историко-краеведческие очерки. – Уфа, 1993.

26. *Павлов Н.П.* Максим Прокопьев. Документальный очерк. – Ижевск. 1993.

27. *Бурбуров П.* Революци азьын удмурт дышетйсьёслэн ужъёссы // Гудыри. 1924 ар, 13 апрель. № 55.

28. *Клабуков А.* Максим Прокопьев сярысь гожтэтъёсысь // Молот. 1978. № 12.

Ranus Sadikov

FROM THE HISTORY OF EDUCATION OF KAMA UDMURTS (OPENING OF FIRST SCHOOLS)

On the basis of archival sources initial stages of schooling among Kama Udmurts living in Ufa and Perm provinces are considered. It is noted that in Udmurt villages missionary and ministerial schools, parish schools functioned. It traces the history of teacher training for Udmurt schools

Keywords: *Kama Udmurts, missionary and ministerial schools, semstvo and parish schools.*

«Финно-угроведение», 2016, № 1

Наталья Горинова
Сыктывкар

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПЬЕСАХ А. ПОПОВА*

Аннотация: *Статья посвящена изучению пьес современного коми драматурга А. Попова. Исследователь, анализируя поэтику художественного пространства произведений А. Попова, раскрывает семантическое значение сценического пространства в его пьесах, а также выявляет изменения, произошедшие в творческом сознании автора на рубеже веков. Анализ пьес А. Попова позволяет обнаружить не только своеобразие драматургического почерка автора, но и осмыслить некоторые аспекты развития коми драматургии на рубеже веков.*

Ключевые слова: *драматургия, пьеса, семантика, анализ, сценическое пространство.*

Алексей Вячеславович Попов (год рождения: 1950) обращается к драматургическим жанрам в 1990-е гг., будучи уже известным прозаиком. Его перу принадлежат многочисленные рассказы и несколько повестей, которые были опубликованы в 1970-е гг. Литературоведы коми, анализируя прозу А. Попова, обращают внимание на оригинальность его произведений, на стремление автора к новаторству [1, с. 38; 2, с. 26, 31]. Подобные черты просматриваются и в его драматургическом творчестве. Пьесы «Мыйла и волісны» («Зачем и приезжали», 1993), «Мыйсяма йӧз» («Что за люди», 1994), «Вой, коді некор эз вӧв» («Ночь, которой никогда не было», 1994), «Туналӧм ордым» («Заколдованная тропа», 1997), «Йиркап» (2001) отражают склонность драматурга к экспериментированию. А. Попов начинает в русле традиционного для драматургии реалистического направления. Для первых его пьес «Мыйла и волісны», «Мыйсяма йӧз» свойственно стремление к жизнеподобию изображаемого. Больший интерес вызывают последующие драмы: «Вой, коді некор эз вӧв», «Туналӧм ордым», «Йиркап». В них автор отображает жизнь, прибегая к условным формам, что позволяет ему перейти на новый уровень художественного обобщения.

*Публикация подготовлена в рамках Комплексной программы УрО РАН № 15-13-6-4 «Коми литература: опыт художественного развития в связях с классическим наследием».

В трагикомедии «Вой, коді некор эз вöв» значительной степенью условности обладает сценическое пространство. Место действия в пьесе – морг. Это не только и не столько место действия трагикомедии, но и метафора, характеризующая кризисное общество постперестроечного времени. В центре внимания автора – современная молодежь, драматург подвергает художественному осмыслению нравственные ценности, жизненные позиции, нормы поведения поколения 1990-х гг. Изображенные в трагикомедии сцены удручают: персонажи Павел и Олег устраиваются работать ночными сторожами в морг, страх перед мертвыми заставляет их прибегнуть к спиртному. Водка делает их «храбрыми» и «самоуверенными», что позволяет Павлу и Олегу обманным путем привести в морг девушек Валентину и Ольгу. Начинается вечеринка – музыка, танцы, спиртные напитки. Несколько раз за ночь приезжает заведующий моргом Максим Васильевич (ему сообщают по телефону о громкой музыке в морге), но он никак не может остановить творящуюся в покойницкой бесовщину, пока не увольняет нерадивых сторожей. Игнорирование нравственных законов, несоблюдение социальных норм поведения, отсутствие разумности, полезности, порядка, стремление к беспечному образу жизни – именно такие характеристики дает автор персонажам трагикомедии, что свидетельствует о крайне негативном отношении драматурга к современной молодежи. Выбор места действия пьесы, таким образом, определен стремлением автора выразить свое понимание современной действительности, раскрыть ее ужасающие стороны. Образ морга проецируется на современное общество, отвергающее моральные законы, всецело подчиненное материальным и плотским потребностям. Герои трагикомедии распивают спиртные напитки на работе, вступают в связь с замужними женщинами или изменяют мужьям, лгут, доводят людей до сумасшествия. По мнению драматурга, его современники – глубоко деморализованные люди, поэтому автор отождествляет их с мертвецами. Морг выступает моделью современного общества, полного людей, пренебрегающих своим духовным развитием, являющихся духовными мертвецами.

Наиболее полно художественное своеобразие места действия в трагикомедии «Вой, коді некор эз вöв» выявляется при рассмотрении данного произведения в контексте драматургии коми. В коми литературе сложилась определенная традиция в изображении сценического пространства: в драмах избирались топосы вполне устоявшиеся – деревенская околица или сельская изба. Казалось бы, основная функция категории «художественное пространство» в пьесах коми драматургов – служить изображению фона событий, характеризовать место происшествия, которым чаще всего выступал, как отмечено выше, деревенский дом, т.к. в пьесах решались главным образом производственные проблемы села. Однако эти пространственные ориентиры запечатлевают в себе глубокие экзистенциальные смыслы. Дом в культурологическом аспекте выступает в роли уменьшенной модели Вселенной, символизируя также освоенное, покоренное, одомашненное пространство, где человек находится в

безопасности. В пьесах коми образ дома, вбирая в себя перечисленные значения, становится также символом устоявшегося и крепкого уклада общественной жизни. Являясь емким образом цельного гармоничного миропорядка, дом в пьесах коми концентрировал в себе традиционные ценности крестьянской жизни, служил защитой и оплотом крестьянского бытия. По сути своей, деревенская изба в драме коми, несмотря на свою невзрачность и неказистость, является обобщающей моделью Родины, России.

В первой пьесе А. Попова «Мыйла и волісны» традиции изображения такого дома еще продолжают развиваться: действие пьесы происходит в городской квартире, но наличие добротного деревенского дома все же предполагается – именно оттуда в гости к дочери приезжают главные герои. Конфликт в названной драме основан на оппозиции город – деревня, и предпочтения автора явно на стороне представителей деревни: в них он запечатлевает нравственную красоту, внутреннее достоинство, силу духа, желание и умение трудиться. Пьеса, таким образом, в обрисовке характера коми крестьянина, чистоты его души, его умения трудиться, продолжает развивать традиции драматургии и литературы коми, заложенные еще в XIX В.И. Куратовым. Предполагаемый деревенский дом в произведении становится метафорой крестьянского миропорядка того времени, нравственно здорового и нерушимого. Первая пьеса А. Попова проникнута пафосом сохранения этого крестьянского мира, его моральных и этических ценностей. Но уже во второй драме – «Мыйсяма йӧз» – изображение жизни деревни предстает в резко негативных тонах: в пьесе персонажи беспрестанно пьянствуют, сквернословят, не выполняют свои обязанности по работе, неуважительно относятся друг к другу… Драматург, отображая удручающие картины деревенской жизни, выявляет отрицательные последствия реформ времен перестройки, а также раскрывает необратимые изменения, произошедшие в самой крестьянской душе, – крестьянин превратился в поденщика, пьяницу, труд ему опостылел. Сценическое пространство названной драмы сконцентрировано вокруг постройки нового детского сада на месте старого разобранного дома. Выстроенное здание детского сада в конце пьесы отдают под административное учреждение. Как можем убедиться, дом в пьесе претерпевает трансформацию – разрушенная изба должна была перевоплотиться в детский сад, но затем становится конторой. Разрушение старой крестьянской избы становится аллегорией распада прежнего традиционного крестьянского уклада, вековых устоев, идеальных прочных нравственных опор. Строительство нового детского сада на месте старой полуразрушенной избы вселяет надежду на возрождение деревни, духовное восстановление сельской общины; детский сад в силу своей «детскости» выступает как первоначальный этап, как новый еще неиспорченный лист биографии деревни. Однако эта надежда угасает с перепланировкой построенного здания. Жилой дом в пьесе заменяется конторой. По своему символическому наполнению контора противостоит жилому дому, как освоенному, покоренному, «одомашненному»

пространству, где человек находится в безопасности. В произведении А. Попова контора становится знаком современной деревни, т.к. прежние живые семейные отношения, основанные на доверии, доброте, дружеской поддержке, соучастии, глубокой нравственности (составляющих семантику жилого дома), заменяются деловыми и бездушными, современная деревня теряет свою «семейность», родственные связи разрываются, необходимость дома как сосредоточия Семьи, Рода, Деревни упраздняется. Поэтому образ избы уходит из пьесы коми. В драме «Мыйсяма йöз», таким образом, художественно осмысливается глобальная по своему характеру проблема деревни, постепенно вымирающей, теряющей свои духовные основы, нравственные связи с прошлым.

В следующем драматургическом произведении А. Попова – трагикомедии «Вой, коді некор эз вöв» – место действия еще в большей степени подвержено трансформации. Автор, отображая современную социальную действительность, останавливает свой выбор места действия на морге, который выступает емкой метафорой современного состояния мира. Морг, по терминологии Ю. Лотмана, – одна из разновидностей так называемых «лжедомов» или «антидомов». Морг в пьесе А. Попова представляет собой «чужое, дьявольское пространство, место временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир» [3, с. 313]. Возможно, отождествление современного морга с «загробным миром» (например, как у Данте или Гомера) не лишено патетики, однако художественная концепция трагикомедии вполне оправдывает такие аналогии. Так, тема загробного мира получила широкое распространение в эпосе и волшебной сказке. Она генетически связана с обрядами инициации – ритуалами временного пребывания в ином мире, предшествующего повышению социального статуса или женитьбе героя. Очевидно, с той же символикой связаны и сюжеты эпопей – Одиссею необходимо посетить загробный мир, чтобы вернуться на родину, Энею – прежде чем обосноваться в Италии. Данте в аду и чистилище «Божественной комедии» испытывает ужас и сострадание, которые постепенно приводят его к очищению-катарсису [там же]. Персонажи А. Попова, помещенные в «мир мертвых», также проходят своеобразный обряд инициации. Подобно героям сказок и эпопей, герои трагикомедии в морге преисполнены страха, который должен привести их к «взрослению» (по сказке) или нравственному «очищению» (по эпосу).

Еще одну аналогию можно провести – между драматическим произведением А. Попова и романом Ф. Достоевского «Преступление и наказание». Как известно, основу романа составляет евангельский сюжет о Лазаре, который после своей смерти три дня пребывал в гробу и на четвертый день был воскрешен Христом. Проецируя метания Раскольникова на болезнь и временную смерть Лазаря, Ф. Достоевский дает новое прочтение Евангелия: Раскольников – «житель подполья, комнаты-гроба, которые сами по себе – пространства смерти, – должен, «смертию смерть поправ», пройти через мертвый дом, чтобы воскреснуть и возродиться» [3, с. 314]. Персонажи трагикомедии А. Попова,

подобно герою классика, побывав в мертвом доме, имели возможность нравственно воскреснуть, стать духовно богаче, пересмотреть свои жизненные позиции. Зритель видит некоторые изменения, происходящие в персонажах. Павел, узнав о том, что Валентина замужем и готова изменить мужу, сердится и выгоняет ее и Ольгу из морга. Павел и Олег, сжалившись над Клавди пöч, чей внук умер и на данный момент находится в морге, готовы помочь в организации его похорон. Валентина, не любящая своего мужа и изменяющая ему, узнав, что и муж умер и в данный момент находится в морге, сразу возвращается туда. Смерть мужа отрезвила ее, дала возможность осознать происходящее. Проведя ночь в морге, каждый из персонажей, можно сказать, должен как бы умереть и выйти из морга другим, духовно обновленным и понимающим чувства других людей. Морг, по замыслу автора, должен оказаться своего рода «чистилищем», чтобы изменить персонажей драмы. Однако этого не происходит. Валентина в конце пьесы вновь забывает о своем муже, Олег и Павел отказывают в помощи Клавди пöч. Видно, все они в дальнейшем будут вести прежний образ жизни. Автор на протяжении всей пьесы не меняет места действия, поэтому образ морга воспринимается как модель всего мира, – люди в нем остаются духовно мертвыми, хотя и проходят уроки судьбы, которые должны были бы изменить их.

Пассивность персонажей А. Попова определяет жанр пьесы «Вой, коді некор эз вöв» – это трагикомедия, межжанровое драматургическое образование, сочетающее художественные признаки комедии и трагедии. Тема смерти и последующего воскресения изначально заложена в самом жанре трагедии: возникновение трагедии связано с древними ритуальными жертвоприношениями в честь Диониса, бога полей и виноградников, который в процессе кровавого обряда погибал и переживал благоговейное чудо второго рождения – воскрешал, что ассоциировалось у греков со смертью и воскрешением всего мира. Нарастающие общественные противоречия усложняли и социализировали природную основу этих ритуалов: сферой осмысления трагедии становятся «всемирно-исторические противоречия, фундаментальное несовершенство бытия, сказывающееся на судьбе личности» [4, с. 478]. А. Попов в своем произведении, прибегая к обрисовке частного случая в морге, отражает духовное состояние всего общества конца XX в., обветшание всех социальных и нравственных понятий, разрушение всего абсолютного и незыблемого, словом, воссоздает трагический излом эпохи. Восстановить «связь времен» или «вывих века» (слова Шекспира) способен лишь трагический герой, современный Гамлет, который обладает достаточной силой духа противостоять жизненным обстоятельствам, отстоять свои принципы и идеалы, бороться, не страшась смерти. Как утверждает Т.В. Журчева, «Трагический герой, осознавая безысходность ситуации, продолжает по собственной воле действовать, чтобы ее изменить. Он знает, что результатом станет его собственная гибель, но идет до конца. Благодаря этому и возникает великое потрясение, именуемое катарсисом, которое

должно способствовать тому, чтобы мир стремился к идеалу, открытому для художника и для его героя, но еще не достигнутому остальными людьми…» [5, с. 79]. Персонажи трагикомедии А. Попова перечисленными чертами не обладают. Сталкиваясь с реальностью, они не желают бороться, поэтому терпят поражение, тем самым разоблачают себя, свою никчемность и моральную пустоту. Они вполне соотносимы с героями трагикомедии, в которой «прямое воздействие человека с ситуацией нарушено, само наличие идеала… подвергается сомнению. Тем более, недостижимым представляется достижение идеала. Человек пассивен по отношению к ситуации, в которую он попадает…» [5, с. 79]. В этом угадывается вторая составляющая жанра трагикомедии в пьесе «Вой, коді некор эз вӧв» – комедия. Несостоятельность персонажей пьесы – суть комического в трагикомедии: через их характеры автор высмеивает и разоблачает деградирующее общество во имя утверждения идеалов прекрасного.

Комическое в пьесе А. Попова развивается в иных пространственных плоскостях. Если трагическое связано с символическим посещением персонажей «загробного мира», то возникновение комического обусловлено созданием персонажами мира театрального. Персонажи довольно часто прибегают к разыгрыванию различных представлений. Так, Гудырев попадает в морг совершенно случайно: он приезжает в город из деревни по делам, но опаздывает на обратный автобус. Поэтому, нуждаясь в бесплатном ночлеге, Гудырев отправляется на поиски вытрезвителя (хотя является абсолютно трезвым) и встречает Павла, который приводит незадачливого приезжего якобы в вытрезвитель, а на самом деле в морг. С приходом Гудырева в морг начинается театральная игра; в нее вовлекаются не только подвыпившие студенты, которые выдают себя за представителей власти, но и окружающая обстановка. Часть морга, отведенная для сторожей, получает название приемной вытрезвителя, другая комната морга – места для выпивших. Лежащие на нарах трупы становятся живыми, но изрядно выпившими людьми. Гудырев начинает играть роль беспробудного пьяницы, когда мнимые милиционеры грозят ему побоями. Испугавшись наказания, Гудырев соглашается с ними – ведь он не сам пришел в вытрезвитель, а его привели, прежде вытащив из ямы, куда он, напившись, попал. Далее Павел и Олег разыгрывают спектакль перед Ольгой и Валентиной, будто бы их пригласили не в морг, а в снятую студентами квартиру. Затем Олег и Павел играют перед заведующим моргом роль трезвых людей. Театральная игра персонажей не лишена комического эффекта: сценические «перевоплощения» морга и его служащих, плохая игра персонажей рождают массу нелепых случайностей, вызывающих смех у зрителя… Разыгрываемые персонажами трагикомедии «представления» являются составной частью не только данной пьесы, они – суть жизни молодых людей современности. Как отмечает заведующий моргом, молодежь везде устраивает увеселительные мероприятия, стремление проводить время непременно за выпивкой зачастую

заставляет молодых людей импровизировать, лгать, надевать соответствующие для ситуации маски. Автор, развивая комические составляющие действия пьесы в «театральном пространстве», типизирует склонность персонажей к обману, сценическим перевоплощениям, показывает эти черты как свойственные не только раскрываемым характерам, но и всему современному обществу. Неискренность, фальшь, лицемерие, по мнению драматурга, пронизывают современную действительность, заставляя почти каждого носить маску благочестивого человека, скрывающую духовную опустошенность своего «хозяина». «Маскарадное действо», проистекающее в социальной реальности, по мысли А. Попова, чревато трагическими последствиями: ложь, неискренность чувств становятся причиной гибели Николая, мужа Валентины, который не выдерживает постоянных измен жены и кончает жизнь самоубийством. Измены Валентины в пьесе «Вой, коді некор эз вöв» – это больше чем банальная неверность супруги, для Николая они означали разрушение всего мира, крах веры в людей, в добро и любовь. Причина гибели Николая – его чуждость лживому обществу с его искусственными, условными, атнтичеловеческими законами, обществу, в котором нет места цельным глубоким личностям. Отображая драму Николая, А. Попов раскрывает трагическое состояние современного общества, отталкивающего духовно сильных людей, обрекающего их на одиночество и отчуждение.

Соединяя трагическое и комическое в пьесе «Вой, коді некор эз вöв», драматург передает ощущение кризисного времени, периода оскудевания, истощения нравственного начала в обществе. Персонажи А. Попова – комедийные персонажи, которые становятся жертвами своих ошибок. В конце концов, эти ошибки неумолимо ведут их к нравственной гибели и в итоге начинают восприниматься как трагическая ситуация. Автор, стремясь найти выход из сложившихся трагических обстоятельств, подвергает персонажей «смертельным» испытаниям – испытаниям «моргом», желая тем самым «воскресить» их дух. Однако ожидаемые изменения не происходят, сюжет пьесы возвращается к своему началу. Драматург находится в поисках путей духовного обновления общественного сознания, но ему приходится констатировать лишь трагическую неготовность общества к формированию новой системы ценностей или к возрождению и восстановлению традиционных норм морали. Пьеса А. Попова, следовательно, подтверждает свое жанровое своеобразие: комические герои попадают в трагическую ситуацию и не выдерживают ее.

Пространственные характеристики в пьесе «Вой, коді некор эз вöв», таким образом, обусловлены жанровым своеобразием произведения А. Попова: развиваясь в двух – трагическом и комическом направлениях, произведение функционирует в двух пространственных плоскостях – в морге / загробном мире и на импровизированной театральной сцене. Возникшее в пьесе двоемирие, а также скитания персонажей между двумя мирами создают впечатление размытости границ между жизнью и смертью (живыми людьми и покойниками),

реальной жизнью и театральной игрой, истиной и ложью, здравомыслием и сумасшествием, комедией и трагедией… Двуплановость пьесы А. Попова усиливает идею пограничного состояния современного общества, порождает ощущение зыбкости и относительности всех критериев жизни, еще больше подчеркивая «рубежность», «пороговость» состояния мира в конце XX в.

Еще больший интерес в исследовании сценического пространства вызывает пьеса А. Попова «Туналöм ордым». Здесь наблюдается усложнение драматургического пространства, что обуславливает соответствующие изменения в устройстве сцены, которая по мере развития действия должна вращаться: «*Сценасö юкöма кык вылö жö. Воддза юкöнас Тималöн керкаыс. Сцена бергöдчöм бöрын мыччысьö Наде-Матилöн оланiныс. Бергалан сценаыс быттьö миян муным, кöнi ставыс юксьöма кык пельö. Олöмын век ыджыдалöны сьöд да еджыд вынъяс, кыдзи Тима да Наде-Мати*» ‘Сцена также поделена на две части. В первой части дом Тимы. После того, как сцена поворачивается, появляется жилище Наде-Мати. Вращающаяся сцена как будто наша земля, где все поделено на две части. В жизни всегда властвуют темные и светлые силы, как Тима и Наде-Мати’ [6, с. 39]. Как мы можем убедиться, в пьесе нет привычной для драматургии коми крестьянской избы как средоточия всего крестьянского мира: представленные в драме дома являются жилищами колдунов, т.е. своеобразными сакральными центрами, излучающими либо положительную энергетику – дом Тимы (Тима – шурыд тун досл. ‘добродушный, добросердечный колдун’), либо отрицательную – дом Наде-Мати (Наде-Мати – чорыд тун ‘жесткий (суровый, черствый) колдун’, в данном случае колдунья). Автор во вступительной ремарке к пьесе не столько описывает декорацию сцены, сколько объясняет причину разделения сценического пространства: декорация предопределена стремлением драматурга художественно осмыслить извечное противоборство добра и зла, которые в пьесе персонифицируются в образах тунов-колдунов Тимы и Наде-Мати. Непростое устройство сцены в пьесе, таким образом, свидетельствует об усложнении характера изложения автором своего миропонимания, о переходе от предметно-аналитического метода изображения к условно-метафорическому, что, несомненно, выявляет стремление драматурга раскрыть иные темы и проблемы. Однако это не значит, что А. Попов отстраняется от темы народа коми, наоборот, он пытается осмыслить ее с позиций вечного и бесконечного; он, применяя философско-этические категории и аллегории, художественно исследует характер коми человека, его историю, его настоящее сквозь призму прошлого.

Несмотря на то что сцена в пьесе поделена на две части (по количеству представленных в драме домов), пространство в драме можно рассматривать также как нечто цельное, неразделенное, т.к. указанные в ремарке дома колдунов находятся в одном локусе – в лесу. Издревле лес считается кормильцем народа коми: охота, рыболовство, собирательство обеспечивали безбедное существование зырянина. Однако в фольклорных произведениях

коми, особенно в волшебных сказках, лес становится местом неведомых опасностей, а нахождение в лесу ассоциируется с прохождением испытаний, с инициацией. Последнее является существенным при исследовании драмы «Туналöм ордым». Так, персонаж пьесы Пиля со своей женой Парась приходит в лес на охоту. Охота не удается, к вечеру персонажи чувствуют усталость и голод. Они находят силки с попавшими туда рябчиками, но, по законам коми охотников, Пиля и Парась не имеют права брать эту дичь. Персонажи стоят перед выбором: или лечь спать голодными, достойно выдержав испытания, или приготовить чужую дичь, не выдержав искушения. Напомним, испытания в сказках ведут к взрослению персонажа, приобретению им мудрости, опыта, к его переходу на следующий этап развития [7, с. 350]. Пиля и Парась в драме А.Попова должны совершить достойный сказочным персонажам поступок – не красть чужого. Однако появившаяся колдунья Наде-Мати убеждает их взять чужие рябчики. Так, семейная пара совершает преступление. Как следствие, Пиля и Парась наказаны: тун Тима отправляет их за осиновой пулей, пущенной им в глубь леса, и персонажи послушно идут за пулей. В дальнейшем пуля не раз приводит нерадивых охотников к дому шурыд туна, каждый раз они просят у него прощения за украденную дичь, но Тима остается глух к их мольбам. Поэтому движение за осиновой пулей продолжается, как и сами испытания. Примечательно, что в дальнейшем по этому же направлению будут двигаться потомки Пили и Парась, также прося прощения у Тимы, а затем у его преемника Клегона, т.е. весь род Пили, который можно рассматривать как целый народ, продолжит двигаться вслед за осиновой пулей. А. Попов, отображая судьбу своих персонажей, а также их потомков, аллегорически воспроизводит свое понимание прошлого и настоящего народа коми: истоки проблем современных зырян исходят из их прошлого, сегодня они «движутся за осиновой пулей», терпят трудности из-за непрощенного греха своих предков.

Осиновая пуля периодически приводит семейную пару то к дому Тимы, то к дому Наде-Мати, из чего следует, что Пиля и Парась двигаются по кругу. Так, художественное пространство в драме А. Попова уменьшается: лес сужается до тропы, которая по сути своей является периметром круга. Символика круга чаще всего сконцентрирована на значениях вечности и бесконечности, т.к. линия круга – единственная линия, которая не имеет ни начала, ни конца. Таким образом, пространственные характеристики в пьесе начинают также отображать время: движение героев по кругу означает постоянство этого действия, неизменность существования Пили и Парась, а в дальнейшем и их потомков в общем потоке бытия.

Существенным является тот факт, что проанализированные топосы пьесы – лес, тропа, круг, – как и сам сюжет драмы, заимствованы А. Поповым из коми народного предания о вишерском колдуне Тювö. Согласно преданию, Тювö умел «красть дорогу». Однажды по дороге на промысел артель Тювö обгоняет другая артель, что, по неписаному охотничьему закону, нельзя

было делать. Тювö со своими артельщиками останавливается в ближайшей охотничьей избушке, и все время промысла они проводят, играя в шахматы. Вторая артель, возвращаясь домой с богатой добычей, ночует в избушке Тювö и дважды трогается в путь, но возвращается обратно. На третий раз вожак этой артели просит Тювö отпустить их. Тот отпускает артель, но без добычи и вожака. Затем он заряжает ружье осиновой пулей, стреляет в лес и приказывает провинившемуся артельщику найти ее. Тот уходит вслед за пулей и не возвращается [8, с. 365]. Сюжет драмы А. Попова не повторяет в точности все событийные перипетии предания. Для драматурга самым важным оказывается мотив наказания провинившихся перед колдуном людей. Общим моментом для предания и драмы становится то, что Пиля и Парась, как и артель охотников, несколько раз выходят к дому туна, просят у него прощения, но так же, как и предводитель артели, не получают его.

В связи с Тювö необходимо вспомнить и его вражду с другим вишерским колдуном Наста Мати: по преданию, их вражда была неугасимой и продолжалась даже после их смерти [8, с. 365]. Драматурга привлекают сильные характеры героев предания, их нежелание сдаваться в борьбе друг с другом. Автор берет за основу сюжета пьесы вражду персонажей коми мифов, но наделяет их различными энергетическими потенциалами: Наста Мати получает отрицательную энергию (в драме наводит на людей порчу), Тювö – положительную (очищает людей от порчи). Более того, А. Попов «изменяет» пол Мати, в предании Наста Мати – мужчина, то есть Матвей, сын Насты. В драме же противником Тимы является женщина Наде. Далее драматург видоизменяет имена колдунов коми преданий: Тювö на Тиму, Наста Мати на Наде-Мати. Привлекает внимание созвучность имен Тима и Мати, состоящих из одних и тех же слогов, но в разном порядке. Трансформируя персонажей коми предания, А. Попов подчеркивает полярность их колдовских качеств, вместе с тем усиливает конфликтность описываемой в драме ситуации.

Коми народное предание в пьесе тесно переплетается с библейским сюжетом, повествующим о грехопадении Адама и Евы, которым в драме уподоблены персонажи Пиля и Парась. На Пилю и Парась наложен запрет – не брать чужого, так же как на Адама и Еву – не есть плодов с древа познания добра и зла. Для последних так устанавливает Бог, для Пили и Парась – Тима, который наделен чертами, свойственными Богу. Но появляется дьявол, только не в виде змея, а в образе Наде-Мати, и «соблазняет» Парась взять рябчиков из чужих силков. Как и в Писании, «запретный плод» срывает женщина: Парась не желает ложиться спать голодной, поэтому поддается уговорам Наде-Мати и берет чужое. Грех влечет за собой наказание. Адама и Еву Бог изгоняет из рая, и они стали смертными. По приказу Тимы Парась и Пиля должны двигаться вслед за осиновой пулей до тех пор, пока грех не будет искуплен. Они также являются своего рода изгнанниками, потому что не могут вернуться к себе домой. Соединяя библейский сюжет с сюжетом коми предания, драматург создает

«священную историю» своего народа, представляет момент грехопадения в истории зырян, иллюстрирует период изгнания коми людей из «рая».

Сплетение коми предания и Священного Писания придает новые смысловые оттенки решению пространственного устройства пьесы «Туналöм ордым». Так, село, в котором ранее проживали Пиля и Парась, приобретает значение рая, соответственно, оно начинает символизировать изначальное совершенство и Золотой Век коми народа, космический центр, его исходную невинность, блаженство, его совершенную гармонию в отношениях с остальными живыми существами. Блуждание персонажей А. Попова в лесу становится следствием «утраты рая», которое символизирует удаление коми от совершенства, его падение и рассеяние в мире. Движение Пили и Парась в лесу по заколдованной тропе вслед за осиновой пулей обусловлено стремлением вернуться в родное село, т.е. в рай, что означает символическое возвращение зырян к духовному центру, восстановление изначальной невинности.

Вместе с тем то, что сценическое пространство в драме А. Попова вполне соотносимо с библейскими пространствами, ... по сути, должно отражать миропонимание коми человека. Примечательно, что для персонажей пьесы А. Попова местом изгнания служит лес, тогда как лес для зырян не был враждебным местом. По мнению исследователей, «у коми отношение к лесу было скорее положительным, чем негативным. Считалось, что еще в мифологическое время Ен разделил богатства лесов между людьми и лесными животными. В коми пословицах и поговорках подчеркивалось: «Вöрыд миян – вердан-вердысьыс» ‘Лес – наш кормилец’, «Вöр-ваад быд бурыс эм» ‘В лесу, в воде всякого богатства много’. Если у славян лес, безусловно, противопоставлен и антагонистичен пространству живому и хозяйственно освоенному (луга, пашни, подсеки и т.д.), то у коми он как бы находится вне данной оппозиции или же занимает промежуточное, рубежное положение» [9, с. 117]. Щедрость леса зырянин воспринимал как некое проявление божественного начала, поэтому он стремился к гармоничным отношениям с природным миром, что выражалось в особом его почитании и преклонении перед ним, в соблюдении особых правил и традиционных обрядов в лесу. Эти отношения повлияли на миропонимание коми человека, на его культурный мир, национальные традиции, уклад жизни, религиозные воззрения. Возвращаясь к драме «Туналöм ордым», необходимо отметить, что автор, изображая различные сюжетные ситуации, происходящие в пространстве леса, стремится раскрыть, какое место в жизни коми человека в прошлом занимал лес. Драматургом показаны обряд поклонения туна Тимы перед природой, принесение туном жертв природе, процесс охоты Пили и Парась… Почему же в пьесе А. Попова лес становится местом наказания коми народа? Сомнение в драме вызывает и символика круга – тропы, по которой движутся персонажи в наказание за украденную дичь. Круг, как было уже сказано выше, связан с категорией времени и имеет значение вечности, т.е. неизменности «непрощенного» существования Пили и

Парась, народа коми. Однако следует учитывать, что отсчет зырянами времени был подчинен природному времени: повседневная жизнь народа коми, его сельскохозяйственная деятельность, промысловая охота зависели от природы. Ритм природы же характеризуется повторяемостью, чередованием одних и тех же событий – прилет птиц из жарких стран весной, увядание листвы осенью, созревание плодов летом… Повторяемость сменяющих друг друга явлений в развитии природы позволяет говорить о цикличности переживаемого ею времени, о совершаемых ею маленьких (суточных) и больших (годовых) кругах времени. Жизнедеятельность коми народа, подчиненная ритму природы (например, посев, содержание скота, ловля рыбы, постройка жилищ, охота и т.д.), также развивалась по циклическому времени. Найденный археологами древний промысловый календарь коми, имеющий форму круга («бронзовое плоское кольцо с девятью фигурками различных животных, расположенных по кругу») [10, с. 97], также может послужить доказательством понимания древними коми кругового вращения времени. Почему же в драме А. Попова нахождение в лесу и подчинение природному ритму стало наказанием для народа коми? Почему то, что издревле для коми было вполне приемлемым и закономерным, стало враждебным и подавляющим?

Ответы на эти вопросы сосредоточены уже во вступительной ремарке к пьесе А. Попова: «Петкӧдчӧмыс вӧчсьӧ кольӧм нэм заводитчигӧн кымын, кор Коми муӧ паськыдакодь нин вӧлі пырӧма Кристос вера…» ‘Действие разворачивается где-то в начале прошлого века, когда по всему Коми краю уже широко была распространена христианская вера’ [6, с. 39]. Постепенный переход народа коми от язычества к христианству обуславливает изменения в миропонимании зырянина, также касающиеся отношения коми человека к природе и осознания им времени. Так, иудейская традиция, во многом послужившая основой христианской религии, предполагает временное отстранение верующего человека от общества. В Израиле, в силу географических особенностей страны, местом отстранения чаще всего служила пустыня, где библейские герои, например, Моисей, Иоанн-креститель, Иисус, апостол Павел, проводили время в посте и молитве в целях духовного самосовершенствования и утверждения в истине. В России, не располагающей пространствами пустыни, местом уединения для аскетического сосредоточения, своеобразной «пустынью» для верующих людей становится лес. Именно лес является благодатной средой для процесса самосовершенствования. Для персонажей драмы А. Попова «Туналӧм ордым» лес перестает быть просто местом обитания или поклонения языческим божествам, но приобретает значение места духовного очищения: предполагается, что прохождение определенного пути в тайге, своеобразная аскеза, воздержание от нормального образа жизни сделают Пилю, Парась и их потомков духовно богаче, тем самым приблизят их к Господу. В связи с этим иное символическое наполнение приобретает и круг, по которому движутся персонажи драмы; круг становится не столько знаком времени, вечности,

сколько пространством очищения, освобождения от грехов. Священное Писание также содержит сюжет, повествующий о многолетнем хождении иудейского племени по кругу: после выхода из Египта израильский народ во главе с Моисеем был вынужден ходить по пустыне сорок лет. По истечении этого времени погибло целое поколение евреев, причиной тому стало неверие освободившихся от египетского рабства евреев, их недоверие Богу, сомнение в силу Его Слова. Родившиеся в пустыне за этот период потомки бывших египетских рабов отличались от своих отцов не только стойкостью духа, но и своим глубоким упованием на Господа, что и помогло им в войне за землю Ханаан. Движение персонажей А. Попова по кругу, таким образом, становится тождественным очищению от греха, освобождению от неверия Богу христиан.

Усиление звучания библейских мотивов в драме «Туналӧм ордым», однако, не становится свидетельством полного отказа Пили и Парась от языческого прошлого. Вера в Христа в сознании персонажей драмы также имеет неоднозначный характер: герои используют имя Христа как магическую формулу, как заклинание против нечистой силы (в этом даже отличился тун Тима). Как справедливо утверждает Р. Куклина, в пьесе «Туналӧм ордым» Христос для коми – тот же языческий бог: «Язычество и христианство живут своеобразной жизнью в мирах героев А. Попова. Тима в языческих обрядах использует нательный крест. Он осеняет себя крестным знамением и обращается к Христу, призывая его в помощники, тем самым низводя его до уровня языческих богов» [11, с. 399]. Существенным становится тот факт, что Пиля и Парась, а также их потомки проникнуты ожиданием того, кто бы мог простить их грех, что остановило бы их движение по заколдованному кругу: «Прӧститны эськӧ колӧ йӧзсӧ кодлыкӧ тайӧ грексьыс да…» ‘Простить бы надо людей кому-то за этот грех…’ [6, с. 63]. Но, согласно Священному Писанию, прощение грехов уже произошло: для этого Бог послал на землю Сына Своего, Который страданиями и смертью на кресте искупил грехи всего человечества. Однако персонажи А. Попова, вроде бы ставшие христианами, просят прощения за свой грех не у Него, а у колдуна Тима, уличившего их в краже. Персонажи А. Попова занимают пограничное положение между двумя верованиями: они еще не оставили языческих богов, но и в Христа полностью не уверовали. Причастность к языческим верованиям вернула бы персонажам восприятие леса, природы как родной стихии, родного дома. Настоящая вера в Христа позволила бы им ощутить прощение и выйти из заколдованного круга, вернуться в свой родной дом. Но «околоприверженность» двум религиям делает персонажей драмы, отождествляемых автором с коми народом, бездомными, обездоленными скитальцами в этом мире.

Соединение в пьесе «Туналӧм ордым» сюжета коми предания с сюжетом Священного Писания придает сценическому пространству драмы различные смысловые коннотации. Такой способ организации места действия позволяет автору передать противоречивость, двойственность характера коми человека,

который находится в пограничном состоянии не только между добром и злом («блуждает» между домами тунов Тимы и Наде-Мати), но и между язычеством и христианством, между прошлым и настоящим, между менталитетами русского и коми народов. Противоречивость, свойственная характеру коми человека, по пьесе А. Попова, становится причиной нравственного оскудевания зырян. Так, прежний миропорядок коми человека, система ценностей его предков, их уклад жизни, традиции, идущие из глубины времен, народом коми под влиянием соседствующего народа постепенно забываются, а освоение новой культуры, новых духовных ценностей идет крайне медленными темпами. Поэтому основные ориентиры коми человека, художественно показанные автором в виде осиновой пули, имеют неоднозначный характер: зыряне вынуждены следовать им в силу своих опрометчивых поступков, в наказание за сделанное ими преступление, за то, что они забыли наставления предков.

Исследование сценического пространства в драме «Туналöм ордым» выявляет осмысление автором места и роли художника в жизни своего народа. Творческими способностями в пьесе А. Попова наделены тун Тима и его преемник Клегон – в отличие от колдуньи Наде-Мати и ее преемницы Кионь, эти герои ощущают потребность в пении. Пространство Тимы и Клегона – лес, что символически отображает отдаленность творческой личности от мирской суеты, а также от «нормальных людей», их забот, трудностей. Автор приходит к мысли, что одаренные люди все же не в силах изменить судьбу своего народа, оставаясь лишь сторонними наблюдателями и певцами, рассказывающими о своих печальных наблюдениях.

Анализ пространственных характеристик в пьесе «Туналöм ордым» показывает повышение роли художественной условности в драматургии А. Попова, что свидетельствует о творческом сдвиге, произошедшем в сознании автора в конце XX в. Возрастание художественной роли условного плана в пьесе определено стремлением драматурга к историческому и философскому охвату действительности, к метафорическому объяснению судьбы народа коми. Место действия в драме «Туналöм ордым», концентрируя в себе различные символические значения, раскрывает современное духовное состояние зырян: «бездомность» персонажей А. Попова становится выражением современного состояния коми народа, его оторванности от корней и «блуждания» в дисгармоничном и противоречивом мире.

Пьесы А. Попова не отвечают традиционным законам построения драматургического произведения: конфликт недостаточно напряжен, речи героев не индивидуализированы, сюжет чаще всего разветвлен. Идею произведений автору помогают раскрыть не классические законы драматургии, а условный, ассоциативный план пьес [12, с. 77]. Каждый образ, мотив, сюжетный ход, особенно в более поздних произведениях драматурга, приобретают определенную долю условности; благодаря условным компонентам пьес, символике художественных образов А. Попову удается дать более полную характеристику происходящим в современном мире явлениям.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Кузнецова Т.Л.* Мӧвпалӧ, уджалӧ, гижӧ… (А.Поповлӧн гижӧдъяс йылысь) // Кузнецова Т.Л. Литература сӧвман туйяс: гижысь да кад. – Сыктывкар, 2003.

2. *Лисовская Г.К.* Коми рассказ 90-х гг. XX века // Современная коми литература: проблематика, герой, стиль. – Сыктывкар, 2004. (Тр. Ин-та языка, литературы и истории КНЦ УрО РАН; Вып. 64.)

3. *Лотман Ю.М.* Символические пространства // Лотман Ю.М. Семиосфера. – СПб., 2001.

4. *Борев Ю.Б.* Эстетика. Теория литературы: Энциклопедический словарь терминов. – М., 2003.

5. *Журчева Т.В.* Трагикомическое мироощущение как отражение маргинального сознания XX в. (к постановке проблемы) // Культура и текст. 1997. № 1.

6. *Попов А.* Туналӧм ордым // Войвыв кодзув. 1997. № 8.

7. *Уляшев О.И.* Человек в хроматизме фольклорного бытия // Уляшев О.И. Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обскоугорских народов. – Екатеринбург, 2011.

8. *Конаков Н.* Тювӧ // Мифология Коми / Науч. ред. В. В. Напольских. – М., 1999.

9. *Конаков Н.* Вӧр // Мифология Коми / Науч. ред. В.В. Напольских. – М., 1999.

10. *Конаков Н.* Важ календар // Мифология Коми / Науч. ред. В.В. Напольских. – М., 1999.

11. *Куклина Р. И.* Языческая стихия в драматургии Алексея Попова // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы (сборник статей). – Сыктывкар, 2000.

12. *Горинова Н.* Коми драма в 1990-е годы: некоторые аспекты изучения вопроса // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Серия Гуманитарные исследования. 2015. № 8.

Natalya Gorinova

ART SPACE IN PLAYS OF A.POPOV

The article is devoted to studying the plays of contemprary komi playwright A.Popov. Researcher, analizing the poetry of art space of A.Popov's works, reveals the semantic meaning of the stage in his plays, and defects changes in creative mind of the author at the turn of century. Analysis plays of A.Popov allow to defect not only originality of dramatic author's handwriting, but also to understand some aspects of the development of Komi drama at the turn of century.

Keywords: *drama, play, semantics, analysis of art space.*

«Финно-угроведение», 2016, № 1

Елена Ельцова
Сыктывкар

ПОЭМА А.М. ЛУЖИКОВА «БӦРДАНАӦЙ, ПЕРАӦЙ, ЮГЫД ШОНДІӦЙ» (2001)*

Аннотация: *В статье проведен сравнительно-сопоставительный анализ лирико-философской поэмы современного коми писателя А.М. Лужикова (1964–2006/07). Выявлены и рассмотрены связи произведения с устным народным творчеством коми: его построение по типу обрядового похоронного причитания с использованием устойчивого круга поэтических средств, свойственных этому фольклорному жанру, включение автором в текст канонических образов-символов и персонажей коми преданий и сказок, а также их мотивов. Особое внимание в работе уделено характеристике образа лирического героя поэмы.*

Ключевые слова: *поэма, фольклорный жанр, коми предания, сказки, лирический герой.*

Александр Михайлович Лужиков (1964–2006) – один из немногих новейших коми поэтов, обратившийся в своем творчестве 1990-х – начала 2000-х гг. к жанру поэмы. Он автор трех поэм: «Коми поэма» (1994), «Ӧти висьтасьӧм» («Одно откровение», 1994), «Бӧрданаӧй, Пераӧй, югыд шондіӧй» («Пера мой оплакиваемый, ясное солнце мое», 2001). При этом А. Лужиков – один из самых значимых поэтов современной коми литературы, тяготеющий к гражданской и философской лирике, переводчик, автор прозаических и драматургических произведений, чье недолгое творчество явилось примером гражданственности, искренности переживаний за судьбу родной земли и коми народа. Раздумья об их прошлом, настоящем и будущем звучат рефреном в его стихах и поэмах [1, с. 138–142].

Поэма «Бӧрданаӧй, Пераӧй, югыд шондіӧй» среди трех поэм автора наименее известна коми читателю: она не вошла ни в один из его стихотворных сборников и публиковалась только один раз – в 2001 г. на страницах литературно-

*Работа выполнена при поддержке программы Уральского отделения РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект № 15-13-6-1 «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX вв.».

художественного журнала «Войвыв кодзув» («Северная звезда»). На данный момент она является и наименее изученным произведением А. Лужикова.

Поэма «Бӧрданаӧй, Пераӧй, югыд шондіӧй» – это многочастное лирико-философское произведение с глубокой национальной проблематикой, посвященное охотнику-богатырю Пере, герою фольклорных преданий коми-пермяков и коми-зырян [2, с. 298–303]. Многими нитями она связана с устным народным творчеством: наиболее ощутимое воздействие на произведение оказали предания, сказки народа коми, образы и мотивы которых использованы поэтом; текст поэмы написан в стиле обрядового похоронного причитания – «бӧрдӧдчанкыв» («плачевое слово»). Основываясь на обрядовом причитании, А. Лужиков создал художественное произведение в необычном для коми литературы жанре – поэму-плач, в которой оплакивается смерть фольклорного героя Перы. Кроме того, в произведении нашли отражение переживания поэта о судьбе коми народа и родной земли, о себе, своем жизненном пути и художественном творчестве.

Выбор А. Лужиковым жанра причитания для поэмы неслучаен: именно в этой «разновидности коми обрядовой семейно-бытовой лирики наиболее ярко отразились культ предков, вера в возможность воздействовать художественным словом на окружающую природу» [4, с. 42]. Используя эту особенность фольклорного жанра, поэт создал произведение, в котором возвеличил героических предков коми народа и их жизнь в прошлом. Для лирического героя поэмы, человека наших дней, ощущающего себя прямым потомком древнего богатыря, Пера – защитник, предводитель и наставник коми народа, «подув из» («камень в основании») – основа его жизни в прошлом, олицетворение ума, силы и мощи коми народа:

Бӧрданаӧй, Пераӧй,	Пера мой оплакиваемый,
югыд шондіӧй.	ясное солнце мое.
Сьӧлӧмшӧрӧй, авъяӧй,	Сердце мое, славный мой,
олӧм югыдӧй.	Свет жизни моей.
Тэ ӧд, вына Пераӧй,	Ты ведь, богатырь мой Пера,
абу вунӧмыд,	не забыт,
сизим саридз сайӧ кӧть	хоть за семь морей
ачыд мунӧмыд.	сам ушел.
Коми йӧзсӧ дорйысьӧн	Защитником коми людей
коркӧ вӧлӧмыд.	когда-то был ты.
Подув изйӧн лоӧма	Камнем в основании легло
тэнад сьӧлӧмыд.	твое сердце.
Югыд, асъя шондіӧн	Ярким утренним солнцем
татчӧ волӧмыд.	сюда ты приходил.
Коми мойдӧн лоӧма	Коми сказкой стала
тэнад олӧмыд [4, с. 3].	твоя жизнь.

(*Перевод здесь и далее подстрочный мой – Е. Е.*).

Оплакивая Перу-богатыря, лирический герой поэмы обращается к нему с мольбой ожить, воскреснуть, вернуться и помочь родному народу: «*Ловзьы, вына Пераӧй, петкӧдлы вай вынтӧ. / Петкӧдлы вай вынтӧ да, – вӧрӧгъясысь мынтӧд <…> Отсышт олӧм лӧсьӧдны, сетышт йӧзлы вынтӧ*» [4, с. 6] ‘Стань живым, могучий Пера, покажи свою силу. / Покажи свою силу – освободи нас от врагов <…> Помоги наладить нам жизнь, поделись с людьми своей силой’. При этом поэт явно следует правилам построения поминальных обрядовых причитаний: им используется устойчивый круг поэтических средств, формульных образов, свойственных народному плачу. К примеру, очень часто в произведении встречаются обращения к оплакиваемому, построенные по типу народных причитаний о покойнике с его возвеличиванием, воспеванием, задабриванием. Нередки и целые цепочки постоянных, повторяющихся эпитетов, благодаря которым создается идеализированный образ богатыря-защитника. Сравнения в поэме богатыря Перы с ясным солнцем, с вечерней зарей традиционны и для похоронно-поминальных причитаний коми: «*бӧрданаӧй, Пераӧй, югыд шондіӧй*» ‘Пера мой оплакиваемый, ясное солнце мое’, «*сьӧлӧмшӧрӧй, авъяӧй, олӧм югыдӧй*» ‘сердечный мой, хороший мой, свет жизни моей’, «*вына Пераӧй*» ‘богатырь мой Пера’, «*удал Пераӧй*» ‘удалой мой Пера’, «*вунлытӧмӧй, авъяӧй, олӧм югыдӧй*» ‘незабвенный мой, хороший мой, свет жизни моей’, «*авъяӧй дай удал Пераӧй*» ‘хороший и удалой Пера мой’, «*пуксьӧм шондіӧй*» ‘закатившееся солнце мое’, «*зарни тусьӧй*» ‘золотое зернышко мое’.

Нагнетание экспрессивной интонации, эмоциональный накал чувств, кульминация трагедийности в поэме А. Лужикова, как и в народном причитании, достигаются за счет различных повторов: фонетических, морфологических, лексических (особенно анафорических), синтаксических, интонационных, а также за счет ритмико-синтаксического параллелизма, построения сходных синтаксических конструкций. Среди них особенно выделяются вопросительные предложения, что свойственно и текстам народных причитаний. Традиционные для причетов вопросы в поэме А. Лужикова задаются в более широком смысле и относятся ко всему коми народу: «*Коді öні, Пераӧй, доръяс комисӧ?*» ‘Кто теперь, Пера мой, защитит коми народ?’; «*Кыдзи меным, Пераӧй, мортӧн лонысӧ?*» ‘Как мне, Пера мой, человеком стать?’; «*Висьтав, кытчӧ олӧмыс нуӧ-кылӧдӧ?*» ‘Скажи, куда жизнь несет меня?’

Особого внимания в произведении А. Лужикова заслуживает система образов и персонажей, также основанная на устном народном творчестве коми. Все они в основном являются каноническими образами-символами, заимствованными поэтом из сказок, преданий народа коми. Кроме Перы-богатыря это образы Зарань, Мизи, Йиркапа, Ёмы, Мӧмӧта, Гундыра. Включенные в поэму А. Лужикова, с помощью приема символизации они приобретают дополнительные смыслы, которые придает им сам поэт. Так, герой фольклорных преданий охотник-богатырь Пера, в образе которого

«опоэтизированы душевная стойкость, сила, непримиримость к врагу, беспредельная преданность родному народу и высокие гражданские черты» [5, с. 5], в поэме становится не только олицетворением силы, справедливости, удачливости в охоте, но и обобщенным образом всего коми народа в прошлом – символом его величия, не только физической, но и духовной силы. Его образ помогает поэту раскрыть суть национального характера коми народа, размышлять о его истоках. Таким образом, произведение А. Лужикова приобретает черты поэмы-метафоры, поэмы-иносказания: оплакивая Перу, лирический герой оплакивает и весь свой народ, его безвозвратно уходящее прошлое: «*Коркӧ важӧн олӧмыс / вӧлӧм зумыд, ӧтула. / Шуда коркӧ вӧлӧм да, – / ӧні сӧмын вӧталан*» [4, с. 7] ‘Когда-то давно жизнь / была основательна, едина. / Счастливой когда-то была, – сейчас же только снится’; «*Тӧда, тэнад, Пераӧй, / кадыс кольӧма… / Тэныд гора горза да, – / кылӧ омӧля*…» [4, с. 3] ‘Знаю, твое, Пера, время, / прошло… / Громко тебя окликаю, но / слышно плохо…’.

С образом Перы в поэме тесно связан образ лирического героя – центрального героя в произведении. Будучи связанным тесной вневременной духовной связью с предками народа коми в лице Перы, он является его своеобразным наследником, потомком и хранителем памяти о прошлом родного народа, и даже его двойником [6, с. 51–52]:

Тэкӧд ӧти сикӧтшын	С тобой в одной связке
Менам олӧм, Пераӧй.	Моя жизнь, Пера.
Тэкӧд, Пера, йитчӧма	С тобой, Пера, связаны
Бӧрдӧмӧй и серамӧй.	Плач мой и смех мой.
Ӧткодь ловным-сьӧлӧмным,	Похожи наши души и сердца,
Вирным миян сӧнъясын.	Кровь в наших венах.
Тэкӧд йита, Пераӧй,	С тобой связываю я, Пера,
Кольӧмсӧ да ӧнъясӧ [4, с. 12].	Прошлое и настоящее.

Именно поэтому его монолог наполнен цитатами и реминисценциями из произведений коми фольклора, именами их героев, сюжетами, мотивами. При этом личность лирического героя – это и личность, переживающая тяжелый внутренний кризис: многие части поэмы представляют собой его горестные размышления о судьбах родного народа, тревогу о его завтрашнем дне, а также тяжелые рефлексии о своей жизни и художественном творчестве. Лирический герой обостренно переживает все диссонансы жизни, испытывает разочарование, порой отчаивается, чувствуя растерянность и одиночество. По сути, поэма А. Лужикова – это долгая исповедь исстрадавшегося сердца, трагедия одинокой творческой личности:

Коді ӧні, Пераӧй,	Кто теперь, Пера,
доръяс комисӧ?	защитит коми народ?
Кыдзи меным, Пераӧй,	Как мне, Пера,
мортӧн лонысӧ?	человеком стать?

Висьтав, кытчӧ олӧмыс	Скажи, куда жизнь
нуӧ-кылӧдӧ?	уносит?
Чаг моз менӧ кылӧдӧ	Как щепку, меня несет
олӧм ньылыдыс…	по течению жизни…
Лёкыс бурсӧ венӧма,	Все плохое победило хорошее,
увлань синӧма…	к низу тянет…
Вӧлі коркӧ мортӧн да, –	Когда-то был я человеком, –
лои нинӧмӧн.	а теперь стал никем.
Веськыда кӧ шуны нин,	Если прямо сказать,
менам олӧмӧй	моя жизнь,
аслым кындзи кодлыкӧ	кроме меня,
ёна колӧ мӧй…[4, с. 4].	разве кому-то нужна…

Опору под ногами лирический герой видит лишь в прошлой жизни родного народа, в его идеалах и ценностях. А спасительную для себя надежду он находит в мысли о поэтическом творчестве, о возрождении коми народа силой родного слова. В нем живет древняя вера поэта в силу слова, которое может воздействовать на природу и даже на смерть – может оживить умершего героя, воскресить его, а с ним и былую славу народа, да и сам народ спасти от исчезновения, сохранить его, возродить. Поэтому, обращаясь со словами плача к богатырю Пере, лирический герой заклинает его ожить, воскреснуть для новой жизни: «*Тэнӧ, Пера, ловзьӧда / вордан кывъясӧн*» [4, с. 5] ‘Тебя, Пера, воскрешу / заговоренными словами’; «*Садьмы, Пера, югыд шондіӧй, / аттӧ дыр нин узян*» [4, с. 4] ‘Просыпайся, Пера, ясное солнце мое, / слишком долго длится твой сон’; «*Авъяӧй дай удал Пераӧй, / синтӧ восьты, чеччы*» [4, с. 4] ‘Хороший мой и удалой Пера, / открой глаза, вставай’. Тем самым призывает возродиться, подняться, вернуться к своим истокам и родной народ. Плач-призыв лирического героя – это своеобразный акт творческого воображения: лирический герой поэмы, поэт, словно чувствует в себе силы оживить словом заговора богатыря Перу, а своим творчеством – возродить и сохранить свой народ.

Важную роль в поэме А. Лужикова играют эсхатологические мотивы и мотивы смерти, связанные с переживаниями лирического героя о потере коми народом своих лучших качеств, былой славы, со страхом перед окончательным исчезновением родного народа: «*Висьтав, вына Пераӧй, / мыйла быри вынным? / Мыйла шогыс сирасис, – / огӧ вермӧй мынны? / Мыйла кушӧдз кушмӧма / миян олӧм кудным? / Потшӧс костӧ сибдӧма, / Виньгыртӧма шудным?*» [4, с. 6–7] ‘Скажи, богатырь Пера, / почему наша сила ушла? / Почему привязалось к нам горе, – / и не можем от него избавиться? / Почему опустел / короб нашей жизни? / Застряло, переходя через изгородь, / наше счастье?’ Размышляя о современном состоянии народа, поэт поднимает вопрос и о характере коми, о его истоках. Он упоминает в своем произведении историю еще одного богатыря-охотника – Йиркапа, по вине односельчан утонувшего в озере. По мнению поэта,

расплатой за это преступление, обусловленное многими негативными чертами характера коми человека, стало бедственное положение народа в настоящем: «*Вӧлі коркӧ Йиркап да, – / йи куд улӧ пырис. / Асьным сійӧс вӧйтім да, – асьным лёкӧ вӧйим*» [4, с. 6] ‘Был когда-то Йиркап, / и ушел он под лед. / Сами его утопили, / и сами утонули в горе’. Упоминая в своей поэме предание о Пере и Зарань, автор также пытается найти в нем истоки и причины современного бедственного состояния родного народа, его упадка, которые могут быть вызваны и прошлым неподчинением Богу: «*Гашкӧ, Енмыс водзын мыжмим да, – / вот и сэсся-й ёрис, / медым нимыд, Пера, вуніс да / коми вужйыс орис*» [4, с. 5] ‘Может, перед Богом мы провинились, – вот он нас и проклял, / чтобы имя твое, Пера, забылось и / корень коми народа оборвался’. Кульминационной является шестая часть поэмы, в которой говорится о Гундыре, опустошающем и уничтожающем коми землю: «*мусӧ пузувтӧ*» ‘землю разрывает’, «*топӧдӧма йӧзсӧ да сизим кучик кульӧ*» ‘притесняет людей и сдирает с них семь шкур’, «*дульнас резсьӧ, скӧралӧ, – оз тӧр аслас куӧ: парма-вӧрті шычкыртӧ, йӧзлысь кыйдӧс гуӧ*» ‘брызжет слюной, злится, – лезет вон из своей шкуры: по тайге-лесу шастает, ворует у людей добычу’, «*шӧйтӧ-ветлӧ, омӧльыд, – мусӧ-васӧ лякӧ. Мунӧ, оз коль бӧрсяньыс вотӧсыс ни тшакыс*» ‘ходит-шатается, гадкий, – землю-воду поганит. Идет, не оставляя за собой ни ягод, ни грибов’, «*мусӧ-васӧ ныӧ*» ‘землю-воду давит’. Подобно антигерою сказок, Гундыр – разрушитель – в поэме А. Лужикова противопоставлен лирическому герою, пытающемуся оживить Перу и свой народ. Вероятнее всего, здесь Гундыр – обобщенный символ горя, смерти, разрушения, уничтожения коми земли и коми народа.

Лирическая в начале, в своих завершающих частях поэма А. Лужикова приобретает характер философских размышлений поэта о человеческой жизни, о прошлом, настоящем и будущем времени. Идея взаимосвязи времен становится основным приемом, на котором строится сюжет поэмы. От воспоминаний о далеком прошлом, от констатации настоящего лирический герой произведения устремлен в будущее, в котором он видит и завтрашний день своего народа, и свой завтрашний день: «*Важся мойдыс эштіс да, – / тэкӧд панам выльӧс. / Выль мойд тэкӧд мойдам да, – / мойдсӧ вӧчам збыльӧн*» [4, с. 11] ‘Старая сказка закончилась, / А мы с тобой начнем новую. / Новую сказку расскажем с тобой мы, – / сказку сделаем явью’.

Поэма А. Лужикова «Бӧрданаӧй, Пераӧй, югыд шондіӧй» – это поэма о судьбе героя во времени и пространстве, произведение об истории коми народа, выраженное через душу лирического героя. Автором в ней предпринята попытка связать воедино прошлое, настоящее и будущее родного народа, попытка сделать ушедшее прошлое залогом его счастливого будущего.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Ельцова Е.В.* «Пел молодой поэт…»: образ И. А. Куратова в коми поэзии XX в. // И. А. Куратов: опыт осмысления жизни и творчества: Сб. по итогам симп., работавшего в рамках II Всерос. науч. конф. «Филологические исследования – 2014» (Сыктывкар, 14–17 окт. 2014 г.). – Сыктывкар, 2015.

2. *Конаков Н.Д.* Пера // Мифология Коми / Н. Д. Конаков, А. Н. Власов, И. В. Ильина… – М., 1999.

3. *Микушев А.К., Плесовский Ф.В.* Причитания // История коми литературы. Т. 1. Фольклор. – Сыктывкар, 1979.

4. *Лужиков А.М.* Бӧрданаӧй, Пераӧй, югыд шондіӧй: поэма // Войвыв кодзув. 2001. 5№.

5. *Демин В.Н.* Коми поэма. – Сыктывкар, 1978.

6. *Горинова Н.В.* Мотив двойничества в поэзии А. Лужикова // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 1. – Ижевск, 2015.

7. *Плесовский Ф.В.* Сказки. Предания // История коми литературы. Т.1. Фольклор. – Сыктывкар, 1979.

Elena Yeltsova

POEM OF A.LUZHIKOV «MY PEN'S MOURNED, MY BRIGHT SUN » (2001)

In the article the author conducted a comparative analysis of lyrical and philosophical of modern Komi writer A. M. Luzhikov (1964–2006). Communication of works with Komi folklore are identified and discussed. Its construction according to the type of funeral ritual venevation of using of sustainable mean of a circle of poetry peculiar to this genre of folklore, inclusion in the text by the author of the canonical images and characters of Komi legends and fairy tales, as well as their motives. Special attention is paid to characteristics of lyric hero image of poem.

Keywords: *poem, lyric genre, Komi legends, tales, lyric hero.*

«Финно-угроведение», 2016, № 1

П Е Р С О Н А Л И И

Елена Мокшина,
Юлия Сушкова
Саранск

ЖИЗНЬ В НАУКЕ: К 80-летнему ЮБИЛЕЮ Н.Ф. МОКШИНА

Николай Федорович Мокшин – личность многогранная, широко известная не только в нашей республике, но и за ее пределами. Он – историк и этнограф, педагог и общественный деятель, писатель и журналист, один из наиболее ярких деятелей науки и культуры современной Мордовии. С его именем связано формирование целого ряда новых для Мордовии направлений: этнической истории и историографии, этнической ономастики и картографии, этнического религиоведения и этномифологии, этнической культурологии и краеведения. Заметный вклад Н.Ф. Мокшин внес в вузовскую научно-педагогическую среду, впервые начав в Мордовском государственном университете преподавание таких фундаментальных научных дисциплин, как история первобытного общества и основы этнографии, антропология, оригинальных авторских спецкурсов по этнографии финно-угорских народов, этнографии народов Среднего Поволжья и Приуралья, этнографии мордвы, истории Мордовии. Кроме того, он снискал себе признание и известность как организатор науки, общественный деятель, талантливый журналист и писатель.

Н.Ф. Мокшин родился 22 июня 1936 г. в эрзя-мордовском селе Иванцево Лукояновского района Горьковской (ныне Нижегородской) области в семье учителя. Его отец Мокшин Федор Захарович преподавал ботанику и зоологию в Иванцевской средней школе, одновременно после окончания рабфака учился на заочном отделении естественного факультета Горьковского государственного университета. В начале Великой Отечественной войны он был призван в Красную армию и погиб в 1942 г. под Ленинградом. Мать Николая Елена Артемьевна Мокшина (в девичестве Кузюткина), закончив в Нижнем Новгороде медицинское училище, работала в Иванцеве заведующей сельской

больницей, затем, когда в годы войны больница закрылась, трудилась в колхозе. Она умерла в 1997 г. на 94-м году жизни.

Многие учителя-мужчины ушли на фронт, поэтому Иванцевская средняя школа стала семилетней, окончив которую в 1950 г. Николай Мокшин поступает в Лукояновское педагогическое училище. В 1954 г. он заканчивает его, получив диплом учителя начальной школы. Именно в педучилище он начинает увлекаться творческой деятельностью, как литературной, так и журналистской, сотрудничает в стенной газете. Его стихи печатались в «Литературной газете», которую редактировал в ту пору директор Лукояновского педучилища, известный педагог, заслуженный учитель школы РСФСР А.А. Куманев, оказавший значительное влияние на формирование мировоззрения Н.Ф. Мокшина. Об этом человеке – организаторе народного просвещения, участнике Великой Отечественной войны, лауреате премии им. Н.К. Крупской, создателе оригинальной педагогической системы, не утратившей своей эвристической значимости поныне, которому в августе 2010 г. исполнилось 100 лет со дня рождения, Н.Ф. Мокшин рассказывает в книге «Учитель учителей», опубликованной в Саранске в 2010 г. в серии «Замечательные представители мордовской интеллигенции».

В 1954 г. Н.Ф. Мокшин поступает на исторический факультет Мордовского государственного педагогического института им. А.И. Полежаева, преобразованного в 1957 г. в Мордовский государственный университет. В 1959 г. он с отличием заканчивает его, получив квалификацию учителя истории, русского языка и литературы. В студенческие годы Н.Ф. Мокшин все больше увлекался творческой работой, писал статьи, стихи, печатавшиеся в газетах и журналах, которые выходили в Саранске на русском и мордовских (эрзя и мокша) языках. В период летних каникул он участвовал в работе Мордовской экспедиции Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР под руководством В.Н. Белицер. Экспедиция эта была комплексной, включавшей не только этнографов, но и антропологов, лингвистов, фольклористов, историков, фотографов, художников. Антропологический отряд экспедиции возглавляла видный эстонский антрополог Карин Марк. Студент Николай Мокшин, которого она называла «своим ассистентом», в течение ряда лет помогал ей собирать и обрабатывать антропологические материалы, одновременно вел этнографические наблюдения. В экспедиции принимали участие ученые не только из научно-исследовательских учреждений Москвы, Ленинграда, Таллинна, но и Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР.

Помимо увлечения этнографией и антропологией, Н. Мокшин занимался в историческом кружке (руководитель М.Г. Сафаргалиев) и литературном объединении, которым руководил Л. Г. Васильев. За отличную учебу и активную общественную деятельность он был удостоен Сталинской стипендии. В течение шести лет, будучи студентом, а затем аспирантом, Н.Ф. Мокшин

избирался председателем совета студенческого научного общества (СНО) Мордовского государственного университета, которое ежегодно проводило студенческие научные конференции, выпускало типографским способом сборники студенческих научных работ, в которых публиковались первые научные изыскания будущего ученого, налаживало оживленные связи с аналогичными обществами других вузов, в том числе Казанского, Тартуского, Горьковского, Петрозаводского университетов.

1959–1962 гг. – время обучения Н.Ф. Мокшина в аспирантуре. С 1962 г. по настоящее время он работает в Мордовском государственном университете, в котором вырос от студента до профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории, затем – дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии, а с 2013 г. – истории России. На протяжении ряда лет он в качестве декана руководил историко-географическим факультетом.

В мае 1964 г. Н.Ф. Мокшин защитил в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова кандидатскую диссертацию на тему «Дохристианские верования мордвы». Ему тогда было 27 лет, и он был самым молодым кандидатом исторических наук по специальности «Этнография» во всем Советском Союзе. В 1967 г. он стал доцентом по кафедре всеобщей истории (курс этнографии), а затем в течение 15 лет заведовал этой кафедрой. В 1986 г. в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР Н.Ф. Мокшин защитил докторскую диссертацию на тему «Основные этапы формирования и развития мордовского этноса». 22 июня 1989 г. решением Государственного комитета СССР по народному образованию ему было присвоено ученое звание профессора по кафедре дореволюционной отечественной истории, которая с приходом к руководству ею Н.Ф. Мокшина и по его инициативе получила наименование кафедры дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии. Соответствующее решение было принято ученым советом МГУ им. Н.П. Огарева 29 декабря 1988 г. 13 января 1989 г. оно было утверждено приказом ректора.

Н.Ф. Мокшин – специалист широкого профиля: историк и этнограф, религиовед и ономатолог, музеевед и географ. Он опубликовал более сорока книг и семисот статей по различным проблемам истории и этнографии, религиоведения и ономастики, картографии и музееведения, исторической географии и краеведения, финно-угроведения. Его научные интересы в первую очередь охватывают вопросы истории и этнографии родного ему мордовского народа, хотя, разумеется, не только его. Это хорошо прослеживается по самим названиям его книг: «Религиозные верования мордвы», «Этническая история мордвы», «Мордовский этнос», «Тайны мордовских имен», «Мордва глазами зарубежных и российских путешественников», «От Карелии до Урала», «Материальная культура мордвы», «Мифология мордвы», «Мордва и вера», «Мордва: мокша и эрзя», «Мордва и мир», «Просветители мордовского края», «Мордовский народ в истории и культуре Российского государства» и

другие. В них ученый исследовал многие актуальные проблемы этногенеза и этнической истории мордовского народа, его общественного строя, семейного быта и духовной культуры, в том числе религии, мифологии и фольклористики. Особенно велики и неоспоримы заслуги Н.Ф. Мокшина в разработке проблем мордовской бинарности, макро- и микроконсолидационных процессов у мордвы, этноструктуры мордовского народа как одного из архогенетических народов Восточной Европы на различных этапах его истории, этногенетических, этнокультурных и этноконфессиональных связей мордвы, типологии мордовского этноса, мордовской историографии, в расширении и обогащении источниковой базы историко-этнографических исследований, в сборе этнографических материалов и коллекций для организованного им и открытого 19 декабря 1979 г. в стенах Мордовского государственного университета этнографического музея.

Исследования Н.Ф. Мокшина не остаются незамеченными. За книгу «Религиозные верования мордвы» он был удостоен диплома лауреата республиканского смотра-конкурса работ молодых ученых по общественным наукам (1969); за монографию «Этническая история мордвы» – лауреата Огаревской премии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (1979); за работу «Мордва глазами зарубежных и российских путешественников» – лауреата Государственной премии Республики Мордовия (1995). Книга Н.Ф. Мокшина «От Карелии до Урала», написанная им в соавторстве с доктором исторических наук профессором Н.Л. Жуковской (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН), была занесена по итогам конкурса «Пушкинская библиотека. Лучшие книги для российских библиотек», посвященного 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина (1999), в перечень лучших книг, рекомендованных для российских библиотек. Согласно условиям конкурса тиражи вошедших в этот список книг приобретались на средства Фонда Сороса и бесплатно рассылались по библиотекам, участвовавшим в данном мегапроекте. За книгу «Мордва и вера» Указом Главы Республики Мордовия Н.И. Меркушкина от 21 июня 2006 г. Н.Ф. Мокшину присуждено звание «Лауреат премии Главы Республики Мордовия».

Научные труды Н. Ф. Мокшина пользуются признанием не только в России, но и за ее рубежами, публикуются в ряде стран Европы и Америки. Он является автором оригинальных статей о мордве, других финно-угорских народах, и не только их, в энциклопедиях «Искусство стран и народов мира» (в 5 т. Т. 3. М., 1971), «Народы России» (М., 1994), «Народы и религии мира» (М., 1998), «Рязанская энциклопедия» (в 3 т. Т. 1. Рязань, 1999), «Мордовия» (в 2 т. Саранск, 2003; 2004), «Marit, Mordvalaiset ja Udmurtit» (Helsinki, 2006), «Мордовиясь» (в 2 т. Саранск, 2007), «Расы и народы» (М., 2007), «Ислам в центрально-европейской части России» (М., Н. Новгород, 2009).

В 1994 г. Президиум Российской академии наук по рекомендации ученого совета Института этнологии и антропологии РАН присудил Н.Ф. Мокшину

как выдающемуся ученому Государственную научную стипендию (на срок с 1 января 1994 по 31 декабря 1996 г.), а Российский фонд фундаментальных исследований – грант на проведение научных исследований по этнографии мордовского народа. В 1994 г. он был избран действительным членом (академиком) Академии социальных наук РФ, в 1995 – ассоциированным членом Международного товарищества фольклористов при Академии наук и литературы Финляндии; в 2005 г. XII съезд Русского географического общества избрал Н.Ф. Мокшина почетным членом Русского географического общества, а в 2012 г. он был избран членом его Совета Старейшин. 4 декабря 2008 г. правление Союза писателей России приняло Н.Ф. Мокшина в члены Союза писателей.

Н.Ф. Мокшин имеет правительственные награды: он удостоен почетных званий «Заслуженный работник культуры РСФСР» (1990), «Заслуженный деятель науки Республики Мордовия» (2001), награжден нагрудным серебряным знаком «За отличные успехи в работе» Министерства высшего и среднего специального образования СССР, знаком «Гордость нации» – высшей наградой Министерства по национальной политике Республики Мордовия, удостоен почетных грамот ЦК КПСС, Русского географического общества и его Московского филиала, Государственного Собрания Республики Мордовия, Государственного комитета по национальной политике при Правительстве РМ, Администрации г. Саранска, Министерства культуры РМ, Исполкома съезда мордовского народа, Союза журналистов РМ, ректората Мордовского государственного университета и многими другими.

Н.Ф. Мокшин ведет большую общественную работу. Долгое время он являлся председателем правления общественной организации «Краеведы Республики Мордовия», председателем Мордовского отдела Русского географического общества (ныне Почетный председатель этой организации). На X съезде общества (1995, С.-Петербург) избирался членом ученого совета и президиума РГО. Он является заведующим этнографической редакцией, членом главной редакционной коллегии энциклопедии «Мордовия» и редколлегии многотомной энциклопедии «Мифология уральских народов», создаваемой учеными России, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Швеции, Германии и других стран, ряда журналов: «Этнографическое обозрение», «Социально-политические науки» (Москва), «Finno-Ugrica» (Казань), «Финно-угроведение» (Йошкар-Ола), «Вестник Мордовского университета», «Краеведческие записки», «Гуманитарий» (Саранск), членом Исполкома Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (с 2014), экспертной комиссии по присуждению государственных премий РМ по науке и технике.

Преподавая в Мордовском университете этнографию и историю первобытного общества, руководя кафедрой всеобщей истории, а затем дореволюционной отечественной истории, археологии и этнографии и истории

России, ежегодной полевой этнографической практикой студентов-историков, ведя спецсеминар и читая спецкурсы по этнографии финно-угорских (шире – уральских) народов, руководя курсовыми и дипломными работами, магистерскими диссертациями, аспирантами и докторантами, Н.Ф. Мокшин вносит существенный вклад не только в науку, но и в подготовку научно-педагогических кадров, популяризацию историко-этнографических знаний, имеющих принципиально важное значение в деле воспитания высокой культуры межэтнического общения, что всегда актуально. С 2012 г. он руководит магистерской программой профиля подготовки «Этнография финно-угорских народов» в Мордовском университете. Н.Ф. Мокшин заслуженно снискал высокий авторитет не только как ученый, но и как педагог, журналист и писатель, культуролог, общественный деятель. За большой вклад в развитие науки и образования стал победителем конкурса «Профессор года (1998–1999)» и награжден соответствующим дипломом Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Н. Ф. Мокшин неоднократно выступал с интересными научными докладами на международных конгрессах финно-угроведов, других международных, всероссийских, региональных форумах и конференциях, был инициатором проведения совместной (Эстонского национального музея и Мордовского государственного университета) этнографической экспедиции, работавшей с 1984 по 1989 г. включительно на территории Мордовии. Благодаря этой экспедиции серьезно пополнился и обогатился этнографический фонд по мордве, хранящийся в указанном музее.

Характеристика творчества Н.Ф. Мокшина была бы неполной без анализа еще одной самобытной грани его интеллекта, а именно художественной, поэтической, писательской, органически вытекающей из всего его этнологического образа мышления, мировидения и миропонимания. Стихи Николая Федоровича, написанные на мордовском (эрзя) и русском языках публиковались на страницах ряда печатных органов Мордовии, в том числе в поэтических сборниках «Валске» («Утро») и «Толбандят» («Костры»), выпущенных Мордовским книжным издательством соответственно в 1962 и 1996 годах. Стихам Н.Ф. Мокшина присущи яркая образность, глубокая лиричность, задушевность, национальный колорит, мелодичность. Не случайно они привлекли внимание известных композиторов Мордовии. В 2000 г. в Саранске вышел в свет сборник песен «Моронь пусмо» («Песенный букет»), написанных ими на стихи поэта. В 2008 г. Государственный комитет по национальной политике при Правительстве Республики Мордовия выпустил диск «Тиринь веле» («Родное село») Николая Мокшина с песнями на его стихи популярных композиторов республики Г.И. Сураева-Королева, Г.Г. Вдовина, Н.Н. Митина и других (автор проекта Н.Н. Митин, музыкальный редактор А.Ф. Генералова). Эти песни любимы народом, они широко исполняются как профессиональными, так и самодеятельными коллективами, артистами

не только Мордовии, но и других республик, краев и областей Российской Федерации, особенно тех, где проживает мордва, а также за рубежом.

За заслуги перед государством, многолетнюю и плодотворную деятельность в области культуры и искусства Указом Президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина от 7 июня 1996 г. Н.Ф. Мокшин был награжден орденом Дружбы. Для этнографа такая награда особенно ценна, поскольку она не только констатирует, но и символизирует суть его этнографического мировидения, его созидающее начало, направленное на гармонизацию межнациональных отношений, формирование этнической толерантности. Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина от 14 октября 2002 г. Николай Федорович был награжден медалью «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения», а к 75-летнему юбилею его наградили орденом Славы III степени Республики Мордовия (2011). В 2012 г. Н.Ф. Мокшин был удостоен медали «За заслуги. В ознаменование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства».

Н.Ф. Мокшин полон энергии и творческих замыслов. Желаем ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, новых успехов в осуществлении своих планов на благо отечественной науки и народов России.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ Н.Ф. МОКШИНА:

Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. – 160 с.

Мокшин Н.Ф. Этническая история мордвы. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1977. – 280 с.

Мокшин Н.Ф. Мордовский этнос. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. – 160 с.

Мокшин Н.Ф. Тайны мордовских имен (исторический ономастикон мордовского народа). – Саранск: Мордов. кн. изд-во. – 1991. – 112 с.

Мокшин Н.Ф. Мордовский этнос: проблемы и суждения // Мордовский народ: что нас волнует. – Саранск, 1991. – С. 40–60.

Мокшин Н.Ф. Мордва – этноним или этнофолизм? // Сов. этнография. – 1991. – №4. – С. 84–93.

Мокшин Н.Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. – Саранск: Мордов. кн. изд-во. – 1993. – 240 с.

Мокшин Н.Ф. М.Т. Маркелов и этнографическое изучение финно-угорских народов // Этногр. обозрение. – 1994. – № 6. – С. 130–138.

Мокшин Н.Ф. Мордва // Народы России: энциклопедия. – М., 1994. – С. 232–237.

Мокшин Н.Ф. Мордва (историко-культурные очерки). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. – С. 7–18, 31–80, 298–330, 597–598, 600–603, 614–616.

Mokshin N. The Mordva: Ethnonym or Ethnopholism? // Culture incarnate. Native Anthropology from Russia. – Armonk, New York, London, England, 1995. – P. 31–45.

Мокшин Н.Ф. Этническая ситуация в Мордовии на современном этапе // Финно-угроведение. – 1997. – № 3. – С. 18–25 (соавтор Е.Н. Мокшина).

Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы. Изд. 2-е, доп. и перераб. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1998. – 248 с.

Мокшин Н.Ф. От Карелии до Урала: рассказы о народах России: кн. для чтения по

курсам «История родного края», «Народоведение». – М.: Флинта, Наука, 1998. – 320 с. (соавтор Н.Л. Жуковская).

Мокшин Н.Ф. Мордва // Народы и религии мира: энцикл. – М., 1998. – С. 353–356 (соавтор Т. П. Федянович).

Мокшин Н.Ф. Современная ономастическая ситуация в Мордовии // Этногр. обозрение. – 1999. – № 6. – С. 52–56.

Мокшин Н.Ф. Мордва Рязанского края // Рязанская энциклопедия. – Рязань, 2000. – Т. 2. – С. 38–39.

Мокшин Н.Ф. Быт и нравы мордвы // Мордовия на рубеже веков: фотоальбом. – Саранск, 2000. – С. 49–53.

Мокшин Н.Ф. Мордва // Народы Поволжья. – М.: Наука, 2000. – С. 330–427, 566–571.

Мокшин Н.Ф. Государственность мордовского народа и национальные проблемы современной Мордовии // Этнопанорама. – 2000. – № 3. – С. 36–40.

Мокшин Н.Ф. История Мордовии с древнейших времен до середины XIX века. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2001. – 344 с. (соавторы Н. М. Арсентьев, В. А. Юрченков, А. Б. Кузнецов и др.).

Мокшин Н.Ф. Кириллица у мордвы // Этнопанорама. – 2002. – № 1. – С. 60–63.

Мокшин Н.Ф. Материальная культура мордвы (этнографический справочник). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2002. – 208 с., ил.

Мокшин Н.Ф. Современная материальная культура мордвы // Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. – Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. – С. 5–32.

Мокшин Н.Ф. Макар Евсевьевич Евсевьев (к 140-летию со дня рождения) // М.Е. Евсевьев: Жизнь мордвы в фотографиях: фотоальбом / сост. А.С. Лузгин, Н.Ф. Мокшин, Т.Д. Шигурова. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. – С. 5–28, 171–174.

Мокшин Н.Ф. Мифология мордвы (этнографический справочник). – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. – 320 с., ил.

Мокшин Н.Ф. Переписка А.Ф. Юртова с Н.И. Ильминским // Авксентий Юртов : сб. ст., док. и материалов. К 150-летию со дня рождения / сост. И.А. Зеткина [и др.]. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. – С. 62-67.

Мокшин Н.Ф. Мордовская национальная идея в прошлом, настоящем, будущем // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов: материалы III Междунар. ист. конгр. финно-угроведов. – Йошкар-Ола, 2004. – С. 559–566.

Мокшин Н.Ф. Мордва и вера – Саранск: Мордов. кн. нзд-во, 2005. – 532 с. (соавтор Е.Н. Мокшина).

Мокшин Н.Ф. Мордва и Республика Мордовия в Федеративной России // Региональные проблемы России: тр. XII съезда Рус. геогр. о-ва. – Кронштадт, 2005. – С. 167 –170.

Мокшин Н.Ф. Казань в жизни мордовских просветителей // Саранск–Казань: узы дружбы (1000-летию Казани посвящается): кн.-альбом. – Саранск: Мор¬дов. кн. изд-во, 2005. – С. 94–102.

Мокшин Н.Ф. История формирования мордовского этноса // Все о Мордовии: энцикл. справ. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2005. – С. 120–125.

Мокшин Н.Ф. Патриарх Никон – просветитель мордовского народа // Гуманитарий: науч.-публицист. ежегодник Ист.-социол. ин-¬та МГУ им. Н. П.Огарева. – 2005. – № 5. – С. 46–50.

Мокшин Н.Ф. Боги и сказания мордвы: рассказы о родном крае для маленьких читателей. – Саранск: Издат. центр Ист.-социол. ин-та МГУ им. Н. П. Огарева, 2007. – 48 с.

Мокшин Н.Ф. Мы – мордва: рассказы о родном крае и мордов. народе для маленьких читателей – жителей Мордовии и гостей. – Саранск: Издат. центр Ист.-социол. ин-та МГУ им. Н.П. Огарева, 2007. – 48 с.

Мокшин Н.Ф. История первобытного общества. Археология. Этнография (этнология). Антропология. История Мордовии : учеб.-метод. пособие (соавторы Е.Н. Мокшина, И.М. Петербургский). – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. – 88 с.

Мокшин Н.Ф. Мордва: мокша и эрзя. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2008. – 272 с. (соавтор А.С. Лузгин).

Мокшин Н.Ф. Мордватне: эрзятне ды мокшотне. – Саранск: Мордовской книжной издательствась, 2008. – 248 с. (соавторось А.С. Лузгин).

Мокшин Н.Ф. Мордватне: мокшетне и эрзятне. – Саранск: Мордовскяй книжнай издательствась, 2008. – 216 с. (соавторсь А.С. Лузгин).

Мокшин Н.Ф. Фотолетопись мордовского села (100 лет из жизни села Волгапино): этногр. фотоальбом (Этнографический музей МГУ им. Н.П. Огарева). – Саранск, 2009. – 200 с.

Мокшин Н.Ф. Просветители мордовского края. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2009. – 152 с. (соавтор И.А. Зеткина).

Мокшин Н.Ф. Слово о мордве (мокше и эрзе) и ее эпосе // Масторава: Морд. нар. эпос. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2009. – С. 27–39.

Мокшин Н.Ф. Этническое развитие финно-угорских народов в составе России // Финно-угорский проект (материалы сессий «Проекта по обучению представителей неправительственных организаций финно-угорских народов», 2006–2008 гг.). – Сыктывкар, 2009. – С. 3–19.

Мокшин Н.Ф. Жизнь, прерванная на полпути // Маркелов М.Т. Избранные труды / Поволж. центр культур финно-угор. народов. – Саранск, 2009. – С. 13–16.

Мокшин Н.Ф. Мордва – один из государствообразующих народов России // Любимая Русь и мордва: кн.-альбом. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2009. – С. 45.

Мокшин Н.Ф. Ислам в культуре мордвы // Ислам в центрально-европейской части России: энцикл. слов. (Сер. «Ислам в Российской Федерации»; вып. 4.). – М.; Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. – С. 94–97.

Мокшин Н.Ф. Мифы и герои мордовского народа: рассказы о родном крае для маленьких читателей. – Саранск: Фонд «Открытая Мордовия», 2009. – 48 с.

Мокшин Н.Ф. Финно-угорские народы: рассказы о большой семье урал. народов – финно-угров и самодийцев. – Саранск: АНО «Дом народных ремесел»; Фонд «Открытая Мордовия», 2009. – 48 с. (соавторы Е.Н. Мокшина, Ю.Н. Сушкова).

Мокшин Н.Ф. Учитель учителей. – Саранск, 2010. – 52 с.

Мокшин Н.Ф. Мохши – столица одноименного улуса и Золотой Орды // Социально-политические науки. 2011. – № 1. – С. 12–15.

Мокшин Н.Ф. Мордва и мир: тезарус по традиционной материальной и правовой культуре мордовского народа. – Саранск, 2011. – 230 с. (соавтор Ю.Н. Сушкова).

Мокшин Н.Ф. Паспорт мордвина. (Сувенирный путеводитель по истории и культуре мордовского народа). – Саранск, 2011. – 52 с.

Мокшин Н.Ф. Российская наука о мордве. Зарубежная историография культуры мордовского народа. Истоки мордовского этноса. Мордва в эпоху раннего феодализма (до XIII в.). Этноструктура мордвы и ее консолидация в нацию. Мордовская мифология как система. Языческие верования мордвы и ее христианизация. Ономастика. Метрология // Мордва. Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа. – Саранск:

Мордов. кн. изд-во, 2012. – С. 40–71, 88–107, 319–347, 640–646, 656–658, 701–704, 710, 714–716.

Мокшин Н.Ф. Митрополит родом с Вада. – Саранск: Тип. «Красный Октябрь». – 100 с. (соавтор Е.Н. Мокшина).

Мокшин Н.Ф. Благословенные седые времена – тюштянь пинге (с. 26–28). Нам жить вместе (с. 32–35). Исконная вера мордвы (с. 126–130 в соавторстве с Е.Н. Мокшиной) // Сокровища культуры Мордовии. Серия: Наследие народов Рссийской Федерации. – М.: НИИ Центр. – 2012.

Мокшин Н.Ф. Мордовский народ в истории и культуре Российского государства. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2012. – 256 с. (соавтор А.С. Лузгин).

Мокшин Н.Ф. Мордва в истории России // Русская история. – М. – 2012. – № 2 (21). – С. 38–43.

Мокшин Н.Ф. Мордва. Мокша. Эрзя // Географический атлас Республики Мордовия. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – С. 76–77.

Мокшин Н.Ф. Мифы и легенды мордвы. – Саранск: Центр образовательных технологий, прикладной и профессиональной этики, 2013. – 48 с.

Мокшин Н.Ф. Финно-угорский аспект этноконфессиональной политики России в Урало-Поволжье // От Древней Руси к Российской Федерации: история российской государственности. Материалы междунар. науч. конференции. Москва; МГУ им. М.В. Ломоносова, 28–29 сент. 2012 г. – СПб.: Алетейя, 2013 – С. 709–717 (соавтор Е. Н. Мокшина).

Мокшин Н.Ф. Народный заступник. – Пенза: «Пензенская правда», 2014. – 40 с.

Мокшин Н.Ф. Финно-угры в русской и мировой культуре // Актуальные проблемы исследования финно-угорской культуры. Монография. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – С. 4–11.

Мокшин Н.Ф. Митрополит Антоний Вадковский – реформатор Русской православной церкви // Финно-угорский мир. – 2015. – № 1. – С. 70–75 (соавтор Е.Н. Мокшина).

Мокшин Н.Ф. А.Ф. Юртов и М.Е. Евсевьев – просветители мордовского народа // Гуманитарий. – 2015. – № 4. – С. 8–16.

Мокшин Н.Ф. Во благо народа: к 125-летию З. Ф. Дорофеева. – Саранск: Издатель Константин Шапкарин, 2016. – 48 с.

Мокшин Н.Ф. Основные этапы формирования и развития мордовской этничности и государственности // Гуманитарные науки и образование. – 2016. – № 1. – С. 144–149 (соавторы Е.Н. Мокшина, Ю.Н. Сушкова).

«Финно-угроведение», 2016, № 1

Галина Пунегова,
Римма Попова
Сыктывкар

УВАЖАЕМЫЙ ПЕДАГОГ, ВИДНЫЙ УЧЁНЫЙ

В 2016 г. отмечает свой юбилей талантливый, авторитетный ученый и педагог доктор филологических наук, профессор Валентина Матвеевна Лудыкова. Она внесла значительный вклад в развитие финно-угорской филологии и подготовку квалифицированных кадров по коми филологии для Республики Коми.

Валентина Матвеевна родилась 19 апреля 1956 г. в городе Микунь Усть-Вымского района Коми АССР. Её детство и юность прошли в старинном коми селе Гам Усть-Вымского района, расположенном на берегу реки Вычегда. Поэтому с ранних лет она могла любоваться удивительно красивой мелодичной коми речью своих родных и односельчан. Впоследствии это сыграло большую роль в её творческой и научной деятельности – в преподавании и исследовании родного коми языка.

После окончания Гамской средней школы молодая девушка поступила на историко-филологический факультет Сыктывкарского государственного университета по специальности «Коми язык и литература, русский язык и литература», который успешно закончила в 1978 г. Во время учёбы в университете проявила большой интерес к исследовательской работе, что в дальнейшем отразилось на выборе профессии. В 1978–1979 гг. являлась стажером-исследователем в Ленинградском государственном университете (ныне СПбГУ), в 1979–1982 гг. обучалась в очной аспирантуре при кафедре финно-угорской филологии данного университета. Научным руководителем Валентины Матвеевны была известный в научном мире профессор З.М. Дубровина, которая вдохновила совсем ещё юную выпускницу – начинающего специалиста по коми языку – на исследование серьёзных проблем синтаксиса коми языка. С большой теплотой, искренним уважением и почитанием вспоминает Валентина Матвеевна свою наставницу Зинаиду Михайловну, коллег по кафедре финно-угорской филологии ЛГУ, друзей, с

кем она училась вместе, с кем делилась своими первыми научными успехами в аспирантские годы. В период обучения В.М. Лудыкова с большим энтузиазмом изучала теорию общего и финно-угорского языкознания, полностью погружалась в мир лингвистической науки, имела возможность получать консультации признанных учёных университета. Для неё эти годы были как одно мгновение, однако они многое дали ей как будущему вдумчивому и серьёзному исследователю. После окончания аспирантуры в 1982 г. Валентина Матвеевна вернулась в свою родную республику и начала трудовую деятельность в Сыктывкарском государственном университете.

В 1989 г. в диссертационном совете Тартуского университета (Эстония) В.М. Лудыкова успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Сказуемое в коми языке». В 2006 г. в Удмуртском государственном университете защитила диссертацию на соискание учёной степени доктора филологических наук «Синтаксис имени прилагательного в коми языке», в которой впервые в пермском языкознании обратилась к синтаксису одной из знаменательных частей речи. Диссертационные исследования учёного были высоко оценены специалистами в области финно-угорского языкознания, при этом отмечен её крупный вклад в общую теорию синтаксиса коми и других уральских языков.

В Сыктывкарском государственном университете В.М. Лудыкова прошла все ступени карьерного роста: ассистента, старшего преподавателя, доцента, профессора. С 1995 г. по 2013 г. заведовала кафедрой коми и финно-угорского языкознания. За эти годы внесла большой вклад в развитие и совершенствование коми филологической науки в вузе, в составление учебных планов и программ по специальности «Филология (национальная)». Руководству университета упорно доказывала важность введения курса коми языка как государственного в учебные планы нефилологических специальностей, а также необходимость расширения курсов коми языка. Как руководитель кафедры заботилась о каждом студенте, специализировавшемся на кафедре, приложила большие усилия в подготовке будущих высококвалифицированных специалистов по коми языку. За период её руководства подготовили и успешно защитили кандидатские диссертации аспиранты кафедры (ныне известные коми учёные и преподаватели вузов) М.С. Федина, Р.П. Попова, Т.Б. Лаптандер, К.А. Суббота, Г.В. Пунегова, Т.В. Якубив (Кренделева). В.М. Лудыкова была научным руководителем кандидатской диссертации Т.В. Якубив. Огромное значение для кафедры имело привлечение в учебный процесс ведущих зарубежных учёных и преподавателей, с которыми у Валентины Матвеевны сложились тесные связи. Так, преподаватели кафедры имели возможность общаться с профессорами Р. Бартенс (г. Хельсинки, Финляндия), С. Сааринен (г. Турку, Финляндия), М. Лейнонен (г. Тампере, Финляндия), доцентом П. Кокконен (г. Хельсинки, Финляндия) и вместе со студентами слушать их лекции.

За годы работы в Сыктывкарском университете Валентиной Матвеевной были подготовлены и прочитаны курсы лекций по отдельным разделам

современного коми языка, диалектологии и истории языка, по теории синтаксиса и текста, сравнительной грамматике финно-угорских языков, уралистике, истории лингвистических учений, а также специальные курсы по неисследованным и актуальным проблемам современного финно-угорского языкознания, функционально-семантическому и коммуникативному синтаксису. В 2009–2011 гг. ею был разработан базовый курс «Теория и практика массовой информации» для специальности «Связи с общественностью». После открытия на кафедре магистерских программ «Активный билингвизм и межкультурная коммуникация» и «Финно-угорские языки в поликультурном пространстве» ею подготовлены и читаются курсы лекций по социолингвистике, межкультурной коммуникации, языковой политике. В.М. Лудыкова является руководителем магистерских программ.

Неоценим вклад В.М. Лудыковой в разработку учебно-методической литературы для студентов высших учебных заведений и учителей коми языка общеобразовательных школ. Результаты своих изысканий, в частности по синтаксису и истории коми языка, она изложила в многочисленных учебных пособиях и методических рекомендациях, среди них: «Сказуемое в коми языке» (1986), «Коми кывйын пöстöй сёрникузя» («Простое предложение в коми языке», 1991), «Öнія коми кывлöн синтаксис. I юкöн. Кывтэчас да пöстöй сёрникузя» («Синтаксис современного коми языка. Ч. 1. Словосочетание и простое предложение», 1993), «Коми кывйын сложнöй сёрникузя» («Сложное предложение в коми языке», 1995), «Сёрникузяысь сюрöса членъяс велöдöм» («Изучение главных членов предложения», 1995), «Коми синтаксисысь уджъяс чукöр. Кывтэчас да пöстöй сёрникузя» («Сборник упражнений по синтаксису коми языка. Словосочетание и простое предложение», 1995), «Кык состава сёрникузяясын сказуемöй» («Сказуемое двусоставного предложения», 1996), «Сопоставительная грамматика коми и русского языков. Ч. 1. Морфология» (соавт. М.С. Федина, 2001), «Коми кывбердлöн синтаксис» («Синтаксис прилагательного в коми языке», 2003), «Коми гижöд кыв история» («История коми литературного языка», 2007), «Коми кывйын кывтэчас да пöстöй сёрникузя» («Словосочетание и простое предложение в коми языке», 2009), «Öнія коми кыв. Синтаксис» («Современный коми язык. Синтаксис», 2010) и др. Все издания содержат новые подходы к решению насущных проблем коми языка. Учебные пособия В.М. Лудыковой активно используются в практике преподавания коми языка, при чтении соответствующих курсов лекций в Сыктывкарском государственном университете, а также в Пермском государственном гуманитарно-педагогическом университете и Удмуртском государственном университете. Её учебно-методические работы представляют большую ценность и для учителей коми языка в средних общеобразовательных школах, поскольку позволяют им опираться на них как на методологическую основу при изучении грамматики коми языка. В.М. Лудыкова является автором программ для средних общеобразовательных учебных заведений, соавтором

образовательных стандартов по коми языку для общеобразовательных учреждений Республики Коми, научным консультантом авторов учебников родного языка для средних общеобразовательных школ, лицеев и гимназий.

В.М. Лудыкова – известный и авторитетный исследователь коми языка, ведущий специалист по синтаксису коми и других пермских языков. Её перу принадлежат многочисленные научно-исследовательские публикации, в том числе монографии: «Коми кывбердлӧн грамматика да вежӧртас» («Грамматика и семантика коми прилагательного», 1999), «Местоимение и прилагательное в грамматической системе коми и русского языков» (соавт. Г.В. Федюнева, 2003), «Предикативное прилагательное в коми языке» (2005), «Определение в агглютинативных языках (на материале коми языка)» (2008), «Имя прилагательное в синтаксисе агглютинативных языков: функционально-коммуникативный аспект» (2010), «Глагол в предложении коми языка» (2012), «Литературный коми язык: история и современное состояние (социолингвистический аспект)» (2014). Обращаясь к функционально-семантическому и коммуникативному направлению в изучении синтаксиса, В.М. Лудыкова открывает новые перспективы не только для коми лингвистики, но и финно-угроведения в целом. Она является одним из ведущих специалистов в области исследования истории коми литературного языка, теории текста. Занимается разработкой вопросов языка произведений коми художественной литературы и языка средств массовой информации, истории становления коми периодической печати. Учёный не останавливается на достигнутом, её всегда интересует новое и неизученное, она стремится к изучению явлений на основе достижений той области знаний, в которой она работает. В.М. Лудыкова является одним из основных исполнителей таких фундаментальных коллективных работ, как «Коми язык. Энциклопедия» (1998), научная грамматика «Ӧнія коми кыв. Морфология» (2000). По её инициативе и под её редакцией издается ежегодный межвузовский сборник научных статей «Вопросы финно-угорской филологии», авторами работ являются преподаватели Сыктывкарского, Санкт-Петербургского, Удмуртского государственных университетов и научные сотрудники ИЯЛИ КомиНЦ УрО РАН, КомиРИРОиПК.

Имя В.М. Лудыковой широко известно в финно-угорском научном мире. Валентина Матвеевна – участник нескольких международных конгрессов финно-угроведов, многих международных, всероссийских и региональных конференций и симпозиумов. В 1997 г. была избрана зарубежным членом Финно-угорского общества (Хельсинки, Финляндия), являлась членом диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук в Петрозаводском государственном университете. Регулярно выступает в качестве официального оппонента кандидатских и докторских диссертаций по языкознанию.

В.М. Лудыкова – прекрасный преподаватель, умеющий доходчиво, полно и логично объяснять сложные языковые явления, чётко аргументировать

свои положения. Ученики искренне благодарны своему учителю Валентине Матвеевне Лудыковой, давшей обширные знания в области науки о языке, научившей мыслить, понимать сложные и разнообразные языковые процессы. Валентина Матвеевна учила думать, рассуждать, анализировать, исследовать, доказывать и писать. Около двух сотен выпускников кафедры под её научным руководством подготовили и успешно защитили выпускные квалификационные работы, тематика которых охватывает проблемы практически всех уровней коми языка и его контактирования с другими языками. В.М. Лудыковой совместно с коллегами подготовлены сотни высокопрофессиональных специалистов по коми филологии для образовательных и научных учреждений, средств массовой информации Республики Коми, многие из них занимают руководящие должности в образовательных и других учреждениях и организациях, имеют учёные степени и звания. Её выпускники работают в высших, средних специальных и общеобразовательных учебных заведениях, в Институте языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, в республиканских и районных газетах и журналах, на республиканском радио и телевидении, в учреждениях культуры, органах государственного управления.

В.М. Лудыкова является активным пропагандистом научных знаний, принимает участие в общественной жизни университета и Республики Коми. О проблемах изучения коми языка и его функционирования в различных сферах общества регулярно выступает на республиканском радио и телевидении. В течение многих лет под её руководством проходят республиканские олимпиады по коми языку для учащихся общеобразовательных школ и средних специальных учебных заведений, конкурсы и предметные олимпиады для студентов Сыктывкарского университета. Валентина Матвеевна часто выезжает в школы республики, проводит консультации и семинары для учителей коми языка. Является членом редколлегии научного журнала «Вестник Сыктывкарского университета. Серия Филология».

В коллективе Сыктывкарского государственного университета В.М. Лудыкова пользуется заслуженным авторитетом и уважением. Её труд отмечен многочисленными премиями и наградами республиканского и федерального уровня. Юбиляр является лауреатом Государственной премии Республики Коми в области образования (2004), заслуженным работником высшей школы Российской Федерации (2007).

Друзья, коллеги, ученики Валентины Матвеевны сердечно поздравляют её с прекрасным юбилеем. Желают ей дальнейших творческих успехов, крепкого здоровья, радости, счастья. Кузь нэм да бур шуд Тіянлы, дона да пыдди пуктана Валентина Матвеевна!

«Финно-угроведение», 2016, № 1

Геннадий Сепеев,
Владимир Шаров
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ Т.Л. МОЛОТОВОЙ

Исполнилось 60 лет известному и ведущему марийскому этнографу Тамаре Лаврентьевне Молотовой. Свой очередной юбилей она встречает в расцвете научной, творческой и общественной деятельности, возглавляя научно-исследовательский отдел этнологии Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, являясь одновременно членом редколлегии и ответственным секретарем межрегионального научного журнала «Финно-угроведение».

Т.Л. Молотова – ученый-этнограф, финно-угровед, известный не только в республике, но и за ее пределами, автор ряда монографий и коллективных исследований.

Тамара Лаврентьевна родилась 16 мая 1956 года в г. Йошкар-Оле в рабочей семье. В 1973 году после окончания городской средней школы № 6 поступила на отделение истории историко-филологического факультета Марийского государственного университета, открывшегося в столице республики в 1972 году.

Во время учебы в университете особый интерес проявляла к лекциям по истории первобытного общества и по основам этнографии, к спецкурсам по исторической географии, которые в то время вел заведующий кафедрой всеобщей истории кандидат исторических наук этнограф А.Г. Симонов, выпускник Казанского университета, воспитанный на традициях этнографической школы Н.И. Воробьева – Е.П. Бусыгина. На занятиях этнографической секции СНО она знакомилась с методикой полевой работы, а летом 1974 года, участвуя в полевой студенческой практике, – с опытом сбора полевых этнографических материалов. В последующих семестрах ее знания по истории и культуре марийцев пополнились на занятиях по этнографии марийского народа, проводимых известным марийским этнографом Г.А. Сепеевым, а также благодаря увлеченности литературой по этнографической тематике. Фактически уже с первых лет учебы в университете Тамара Молотова определилась в этнографической специализации – решении заняться изучением культуры и быта своего марийского народа. В этой связи в летние каникулы принимала

активное участие в этнографических экспедициях МарНИИ, в составе которых побывала в ряде районов республики в соседних областях.

По материалам полевых экспедиций Т. Молотовой были подготовлены курсовые работы, состоялись выступления на студенческих научных конференциях, в том числе – на межвузовской конференции в Казанском государственном университете. Темой ее дипломной работы в вузе стало сельское расселение марийцев северо-восточных районов Марийской АССР. Работа получила высокую оценку государственной комиссии, была рекомендована к публикации в научной печати. Это обстоятельство повлияло на дальнейшую судьбу выпускницы. Уже 6 июня 1978 года Т.Л. Молотова была принята в МарНИИ на должность младшего научного сотрудника сектора археологии и этнографии. С институтом связана вся последующая ее научно-исследовательская деятельность. Приоритетной темой ее исследований стала марийская национальная одежда.

В 1981–1984 годах Т.Л. Молотова прошла научную стажировку и обучение в аспирантуре Института этнографии АН СССР в г. Москве. Кандидатская диссертация «Основные тенденции развития марийского народного костюма (вторая половина XIX – 80-е годы XX в.)» была выполнена ею под научным руководством доктора исторических наук Б.Х. Кармышевой, известного специалиста по этнографии народов Средней Азии.

После окончания аспирантуры в начале 1985 года вернулась в МарНИИ и включилась в исследование коллективных плановых тем: «Современные этнические процессы» (МарНИИ совместно с сектором Прибалтики и Поволжья Института этнографии), «Этнокультурные связи марийцев с соседними народами».

29 апреля 1986 года на заседании специализированного совета Института этнографии АН СССР первая марийская соискательница-этнограф Т.Л. Молотова успешно защитила кандидатскую диссертацию. В диссертации подробно и поэтапно прослежены и проанализированы основные тенденции развития марийского костюма с середины XIX по 80-е годы XX века, что важно, с учетом факторов эволюции всех его форм и составных частей, материалов и технологии изготовления, функций и территориальных комплексов в разные хронологические периоды.

Тема марийского костюма получила развитие в последующих работах Т.Л. Молотовой, в которых детализировались особенности функционирования традиционных и современных его форм среди локально-территориальных, социальных, конфессиональных групп в сопряжении с другими сторонами быта.

В последующие годы Т.Л. Молотова занималась исследованием самых различных аспектов марийской этнографии. Это вопросы историографии и источниковедения, музееведения, этнографии детства и т. д.

Тамара Лаврентьевна выпустила в свет три авторские монографии: «Марийский народный костюм» (1992), «Марийский детский сценический

костюм» (2002, соавтор – Л. Солдаткина), «Традиционное марийское ткачество» (2004). Она непременный член авторского коллектива ряда коллективных изданий: историко-этнографического очерка «Марийцы»(2005, 2013), тома «Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты» многотомной серии «Народы и культуры», издаваемой Институтом этнологии и антропологии РАН (М.: Наука, 2000), учебного пособия «Этнография марийского народа» (на мар. и рус. языках, 2000–2001), межрегиональной монографии «Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья» (2002). Всего ею опубликовано более 180 работ (монографий, разделов в коллективных изданиях, статей, тезисов).

Тесное сотрудничество с коллегами из Финляндии (Музейное ведомство, Общество Кастрена), выразившееся в совместных этнографических экспедициях в районы с марийским населением и в стажировках по изучению финского языка и культуры в Финляндии, привело к активному участию Т.Л. Молотовой в разных международных проектах. Тамара Лаврентьевна является соавтором двух коллективных изданий: «Финно-угорские коллекции в музеях России» (Хельсинки, 1999, на фин. и англ. языках) и «Марийцы, мордва, удмурты. Энциклопедия традиционной культуры» (Хельсинки, 2005, на фин. и англ. языках). Работала над созданием энциклопедии Республики Марий Эл (2009). В 2006–2009 годах участвовала в научных экспедициях по исследованию народов Башкортостана, Татарстана, Удмуртии и Кировской области, организованных ИЭА РАН в рамках исследовательских проектов «Этнически смешанные селения в Урало-Поволжском регионе: историко-этнологическое исследование» и «Этнически смешанные селения в Урало-Поволжском регионе: Опыт взаимной социально-культурной адаптации», а также в проекте доктора исторических наук этнолога Е.А. Ягафовой «Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья». Результаты исследований в данных проектах отразились в сборниках статей, а также в коллективной монографии.

Т.Л. Молотова – участница многих научных форумов разного уровня, в том числе международных, всесоюзных, российских и региональных. Она поддерживает тесные связи с вузами, учреждениями образования и культуры, средствами массовой информации. В МарГУ читала спецкурс «Этнография финно-угорских народов», руководила и рецензировала дипломные работы выпускников. Активно участвует в мероприятиях (фестивалях, конкурсах), проводимых учреждениями Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, в частности Республиканским центром народного творчества. Т.Л. Молотова является одним из инициаторов, а также консультантом и членом жюри конкурсов народного костюма, народной кухни и др. Она принимает участие в популяризации и пропаганде научных знаний через средства массовой информации. Участвовала в подготовке пяти телепередач на тему марийского костюма, консультировала телефильм «Древние знаки народа мари».

Научно-исследовательская и общественная деятельность юбиляра получила заслуженную оценку. 27 ноября 1995 года Т.Л. Молотова была награждена Почетной грамотой Республики Марий Эл. Указом Президента РМЭ от 14 ноября 2000 года ей присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Марий Эл», указом Президента РМЭ от 19 декабря 2003 года присуждена Государственная премия Республики Марий Эл в области музыкального и народного художественного творчества имени И.С. Палантая. В 2015 году Т.Л. Молотова награждена медалью ордена «За заслуги перед Марий Эл». Она является зарубежным членом Финно-угорского общества (Хельсинки, 2013).

Коллеги сердечно поздравляют Тамару Лаврентьевну со славным юбилеем и от души желают ей здоровья, творческих успехов во всех делах и жизненного благополучия!

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РАБОТЫ Т.Л.МОЛОТОВОЙ

Особенности женской одежды марийцев юго-восточных районов Марийской АССР // Материалы конференции молодых ученых МарНИИ. – Йошкар-Ола, 1980. С. 67–71.

Традиционная и современная одежда горных марийцев // Материальная и духовная культура марийцев. АЭМК. Вып. 5. – Йошкар-Ола, 1981. С. 74–99.

В соавторстве с Г.А. Сепеевым. Вопросы материальной культуры марийцев в отечественной и зарубежной литературе // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. АЭМК. Вып. 7. – Йошкар-Ола, 1984. С. 124–144.

О традициях и инновациях в современном марийском народном костюме // Этнокультурные традиции марийского народа. АЭМК. Вып. 10. – Йошкар-Ола, 1986. С. 40–48.

Материалы и технология изготовления марийского народного костюма (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 11. – Йошкар-Ола, 1987. С. 79–94.

В соавторстве с Г.А.Сепеевым. Современные этнические процессы и материальная культура марийцев // Этнография марийского и русского населения Среднего Поволжья. АЭМК. Вып. 10. – Йошкар-Ола, 1987. С. 7–23.

Тенденции развития марийского народного костюма (1920–1980 гг.) // Народные художественные промыслы Марийской АССР. – Йошкар-Ола, 1988. С. 65–77.

Локальные комплексы традиционного марийского женского костюма. // Этнические и культурно-бытовые процессы в Марийской АССР. АЭМК. Вып.16. – Йошкар-Ола, 1989. С. 91–105.

Эстетические функции марийского женского костюма // Вопросы марийского фольклора и искусств. – Йошкар-Ола, 1989. С. 116–127.

В соавторстве Л.С. Токсубаевой. Функциональные особенности свадебной одежды марийцев // Семейная обрядность народов Среднего Поволжья (Историко-этнографические очерки). Изд-во КГУ. – Казань, 1990. С. 78–82.

Обряды, связанные с рождением ребенка у марийцев // Congress septimus internationalis fenno-ugristarum sessiones sectionum. Dissertationes. Ethnologica et folklorica. – Debrecen. 1990. С. 375–380.

Значение национальной одежды в современном быту марийцев // Современные этнокультурные процессы в марийском селе. АЭМК Вып.18. – Йошкар-Ола, 1991. С. 74–86.

Взаимосвязи марийцев с другими народами по материалам народного костюма // Межэтнические связи населения Марийского края. АЭМК. Вып.20. – Йошкар-Ола, 1991. С. 81–93.

В соавторском составе. Национальная одежда: традиции и инновации // Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье. – Чебоксары, 1991. С. 95–116.

Современная материальная культура марийцев (по материалам статистико-этнографического обследования 1984–1985 гг.) // Тезисы докладов на конференции по итогам научно-исследовательской работы МарНИИ 1986–1990 гг. – Йошкар-Ола, 1991. С.78–82.

Марийский народный костюм. – Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1992. – 112 с.:ил.

Родильные обряды марийцев // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х годов. АЭМК. Вып. 22. – Йошкар-Ола, 1993. С. 85–93.

В соавторстве с Н.Ивановой. Особенности женского народного костюма уральских марийцев // Полевые материалы Марийской этнографической экспедиции 80-х годов. АЭМК. Вып. 22. – Йошкар-Ола, 1993. С. 41–51.

Sauna ja synnytysrituaalit // Sauna. Marien sauna. – Helsinki. 1993. № 4. С. 21.

Марийская история в фотографиях //Марий Эл. Вчера, сегодня, завтра. – Йошкар-Ола, 1994. № 3. С. 89–92.

Современная материальная культура сельских марийцев // Историко-культурный комплекс Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 1996. С. 144–157.

В соавторстве с Н.И. Большовой. Материальная и духовная культура марийцев в этнографических коллекциях фондов музеев Республики Марий Эл // Историко-культурный комплекс Республики Марий Эл. – Йошкар-Ола, 1996. С. 128–143.

Мероприятия в дни родственных народов в Хельсинки // Финно-угроведение. 1997. № 1. С. 133–136.

В соавторстве с И.Лехтинен. Марийские коллекции в фондах Национального музея Финляндии // Финно-угроведение. 1994. № 1. С. 79–92.

Рец.: Lehtinen. Tscheremissicher Schmuck. Etnographishe Untersuchung. Helsinki. 1994 // Финно-угроведение. 1994. № 2. С.115–122.

Этническое самосознание и народный костюм марийцев // Узловые проблемы современного финно-угроведения. – Йошкар-Ола, 1995. С. 151–153.

Традиция и современная культура сельских марийцев //Диалог культур и культурная политика государства в полиэтническом регионе. Материалы постоянно действующего регионального научного семинара. – Йошкар-Ола, 1997. С. 98–102.

Вклад И.Лехтинен в финно-угорскую этнографию // Финно-угроведение. 1998. № 1–2. С. 139–146.

В соавторстве с Н.И.Большовой. Уникальные этнографические коллекции Национального музея Республики Марий Эл им. Т.Е. Евсевьева // Финно-угроведение. 1998. № 1–2. С. 84–93.

Некоторые особенности ритуальной одежды марийцев // Марийская религия и культура. – Йошкар-Ола. Материалы научно-практической конференции. 1998. С. 67–70.

Этнопсихологические особенности марийского традиционного этикета. Второй международный конгресс этнографов и антропологов. Резюме докладов и сообщений. Ч.1. – Уфа, 1997. С. 167.

Особенности марийского традиционного этикета // Финно-угроведение. 1998. № 3–4. С. 33–49.

Особенности взаимоотношений марийцев с другими народами // Финно-угроведение. 1999. № 1. С. 81–83.

Suomalais-ugrilaisia kokoelmia Venajan museoissa Finno-Ugrian collections in Russia's museums. – Helsinki. 1999. С. 53–64.

Самосознание марийцев в дореволюционный период // Марийцы: проблемы социального и национально-культурного развития. – Йошкар-Ола, 2000. С. 101–103.

Этнические особенности поведения марийцев по отношению к умершим предкам // История и культура марийского народа: прошлое и настоящее. – Йошкар-Ола, 2000. С. 61–64.

Об основных факторах формирования этнического характера марийцев // Финно-угроведение. 2000. № 1. С. 17–30.

Этнический характер марийцев и природно-географические факторы // Этнологические проблемы в поликультурном обществе. – Йошкар-Ола, 2000. С. 181–191.

Костюм уральских марийцев как идентификационный этнический символ // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. – Уфа, 2001. С. 191–194.

Финские исследователи о марийском народном костюме // Финские ученые о языке и культуре марийского народа. – Йошкар-Ола, 2002. С. 93–97.

Народный костюм; Родильные обряды // Народы Поволжья и Приуралья. Коми-зыряне. Коми-пермяки. Марийцы. Мордва. Удмурты. – М.: Наука, 2000. С. 241–253, 273–275.

Древнемарийский костюм в исследованиях Г.А. Архипова // Древности Поволжья и Прикамья. АЭМК. Вып. 25. – Йошкар-Ола, 2001. С. 159–167.

Ткачество марийцев (способы обработки волокна, процессы тканья холста) // Этническая культура марийцев (традиции и современность). АЭМК. Вып.26. – Йошкар-Ола, 2002. С. 56–71.

В соавторстве с Л.Солдаткиной. Марийский детский сценический костюм. – Йошкар-Ола, 2002. 60 с. с ил.

Особенности этнического характера горных мари // Горные марийцы на рубеже веков. Материалы докладов и выступлений на республиканской научной конференции, посвященной 450-летию вхождения горных мари в состав Российского государства 9–10 июня 2001 г. Часть 2. Йошкар-Ола, 2002. С. 60– 64.

Марийцы //Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья: Отв. ред. Н.Ф.Мокшин. –Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. С. 64–102.

Г.А.Сепееву – 70 лет // Финно-угроведение. 2002. № 1. С. 182–185.

Традиционные доминанты в современном сельском быту марийцев // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 2002. С. 390–397.

Традиционные марийские народные обряды, связанные с рождением ребенка //Финно-угроведение. 2002. № 2. С. 43–57.

Концепция «картины мира» у марийцев (анализ традиционных взглядов на рождение и смерть) // Расы и народы. Ежегодник. Вып.29. – М., 2003. С. 34–61.

Современный народный костюм: основные тенденции развития и сфера бытования // Традиционная культура. 2003. № 3. С. 66–73.

Сеппо Лаллукка (к 60-летию со дня рождения) // Финно-угроведение. 2004. № 2. С.119–128.

Традиционное марийское ткачество: Монография. – Йошкар-Ола, 2004. 152 с., ил.

Народный костюм; Традиционное ткачество; Родильные обряды // Марийцы. Историко-этнографические очерки. – Йошкар-Ола, 2005. С. 118–132, 132–138, 173–180.

Marit, Mordvalaiset ja udmurtit. Perinteisen kultturin tiefosanakirja. Helsinki, 2005. С. 16–19, с. 208–213, с. 6–8, с. 13–14, 15–18–19, 21, 22, 23…

Вклад К.И. Козловой в изучение марийского народного костюма // Вопросы этносоциальной истории марийского народа. АЭМК. Вып.28. – Йошкар-Ола, 2005. С. 47–55.

Рец.: Мокшина Ю.Н. Брак и семья в обычном праве мордвы. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 2005. 256 с. // Финно-угроведение. 2006. № 1. С.139–143.

Вклад Т.А.Крюковой в исследование марийского народного костюма // Проблемы этнографии, истории и культуры марийского народа. АЭМК. Вып. 29. – Йошкар-Ола, 2007. С. 103–117.

Из истории деревни Тюм-Тюм (прошлое и настоящее) // Самобытная Вятка: история и культура марийского народа. – Киров, 2007. С. 54–61.

Погребальный обряд и народный костюм марийцев (по данным этнографических исследований) // К истории межконфессионального согласия. – Йошкар-Ола, 2007. С. 79–87.

Марийцы в этнически смешанных селениях Башкирии // Башкортостан и Марий Эл: исторический опыт и перспективы сотрудничества. Том 2. Бирск-Йошкар-Ола, 2007. С. 166–178.

Илдико Лехтинен–исследовательница культуры финно-угорских народов // Финно-угроведение. 2008. № 1. С. 3–10.

Традиционная кухня марийцев как элемент жизнеобеспечения этноса // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: Фольклористика, этнология и литературоведение. – Йошкар-Ола, 2008. С. 361–364.

Межэтнические контакты марийцев в Башкирии // Мы и как удмурты, и как чуваши // Взаимная социально-культурная адаптация в этнически смешанных селениях. – М., 2008. С. 93–111.

Национальная пища марийцев в обрядах // Материальная культура башкир и народов Урало-Поволжья. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Мирзы Гизитдиновича Муллагулова. – Уфа, 2008. С. 254–263.

Марийская семья // Российская семья. Энциклопедия. – М.: Издательство Российского государственного социального университета. 2008. С. 162–175.

Современный марийский костюм символ идентитета // Музейный вестник. № 2. // Йошкар-Ола: Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл. Национальный музей Республики Марий Эл имени Т.Е.Евсеева, 2008. С. 31–33.

В соавторстве. Традиционный костюм. Поселения и жилища. Пища и утварь. Средства передвижения и транспорт. Земледелие и животноводство. Охота. Домашние и кустарные промыслы. Кустарные промыслы. Современное положение марийцев // Марийцы. – Йошкар-Ола, 2008. С. 57–100, 194–204.

Особенности деревни Нарат-Чукур (по экспедиционным материалам) // Этнос, общество, цивилизация: II Кузеевские чтения. – Уфа, 2009. С. 152–154.

Религиозный фактор в сохранении идетичности восточных марийцев (по материалам этнологических экспедиций) //Конфессии и межконфессиональные отношения в истории и традиции. – Самара, 2009. С. 209–224.

Марийцы-язычники Татарстана // Форум «Идель-Алтай». Материалы научно-практической конференции. «Идель-Алтай: истоки евразийской цивилизации», I Международного конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тезисы докладов. – Казань, 2009. С. 152–154.

Valkoisen jumalan tuttaret. Marilanen nainen ja modernisaatio. Унчо кундемыште Семык // Ош Юмын ӱдырышт-влак. Марий ӱдырымаш модернизаций корныштo. Ред. Илдико Лехтинен. – Хельсинки, 2009. С.241–251.

Значение народного костюма в погребально-поминальной обрядности марийцев // «Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации). Сборник

материалов Всероссийской научной конференции. – Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2009. С. 151–157.

Религиозно-этнические традиции малмыжских марийцев // Религии народов Вятского края. Учебно-справочное пособие. Отв. ред. А.Г. Поляков. – Киров, 2009. 310 с ил. С. 235–242.

Особенности культуры марийцев в этнически смешанных селениях в Урало-Поволжском регионе (по материалам экспедиции 2007 года) // Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья. Сбрник статей. – М., 2009. С. 160–172.

Представления красоты в традиционном марийском костюме // Музейный вестник. №3. – Йошкар-Ола, 2010. С. 34–40.

Современные тенденции аккультурации восточных марийцев//Summaria acroasium in sectionibus. P2. Congressus Internationalis Fenno-uqristarum/ - Piliscsaba, 2010. P. 189–199.

Идентификационное значение марийского костюма в условиях развития глобализации // Интеграция археологических и этнографических исследований. Сборник научных трудов. Ч. 1. – Казань, Омск, 2010. С. 357–360.

Конфессиональный фактор и традиционная культура восточных марийцев // Финно-угроведение. 2010, № 2. С. 39–47.

Особенности традиционного костюма марийцев Звениговского, Волжского, Моркинского районов РМЭ // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып.5. – Йошкар-Ола, 2010. С. 335–359.

Этноконфессиональные меньшинства народов Урало-Поволжья: монография / Е.А. Ягафова, Е.С. Данилко, Г.А. Корнишина, Т.Л. Молотова, Р.Р. Садиков; под ред. Е.А. Ягафовой. – Самара: Изд-во ПГСГА, 2010. – 264 с.: цв.ил.

Религиозный фактор в сохранении идентичности восточных марийцев // Этнографическое обозрение. 2010, № 6. С. 81–92.

Об особенностях культуры марийцев Татарстана // Музейный вестник № 5. – Йошкар-Ола: Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл. Национальный музей Республики Марий Эл им. Т.Е. Евсеева, 2011. С. 171–183.

Особенности культуры марийцев в этнически смешанных селениях в Урало-Поволжском регионе (по материалам экспедиции 2007 года) // Опыт взаимодействия и взаимной адаптации в этнически смешанных селениях Урало-Поволжья. Сборник статей. – М., 2009. С. 160–172.

Праздник Семик в культуре современных марийцев // Этнографическое обозрение. 2011, № 4. С. 40–47.

Современные тенденции аккультурации восточных марийцев // Congressus XI. Internationalis Fenno-ugristarum.Piliscsaba 2010. Pars 7. Piliscsaba, 2011. P. 116–124.

Из истории исламизации восточных марийцев (конец XIX – начало XX вв.) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв.)» Казань, 5–6 октября 2011 г. Выпуск 2. – Казань, 2011. С. 35–40.

В соавторстве с Ягафовой Е.А., Данилко Е.С., Корнишиной Г.А., Садиков Р.Р. Трансформация этноконфессиональной структуры народов Урало-Поволжья в XVII – начале XXI века // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 4 (65). С. 19–31.

Исследования материальной культуры марийцев во второй половине XX – начале XXI вв. // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. Материалы научной конференции, посвященной 90-летию Республики Марий Эл и 80-летию МарНИИЯЛИ. – Йошкар-Ола: МарНИИ языка, литературы и истории им. В.М.Васильева. 2011. С. 171–178.

Традиционные обряды марийцев, связанные с имянаречением ребенка // Этнологические исследования в Татарстане / под ред. Г.Ф. Габдрахмановой, Д.М. Исхакова, Л.В. Сагитовой. Вып. – Казань; Изд-во «Яз»; Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ, 2011. – С.178–183.

Из истории традиционных головных уборов // Материалы и исследования по археологии Поволжья: сборник статей / Мар.гос.ун-т; МарНИИЯЛИ. – Йошкар-Ола, 2012. – 200 с. С. 182–197.

Значение традиционной и современной вышивки в культуре марийцев // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции (Удмуртская Республика, д. Сеп, 10–14 августа 2012) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2012. № 3. С. 303–306.

Религиозный фактор в культуре восточных марийцев // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона – XVIII – XXI вв.). – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ, 2012. С. 445–457.

Религиозный фактор в культуре восточных марийцев // Этнокультурные процессы в прошлом и настоящем. К юбилею доктора исторических наук, профессора Клавдии Ивановны Козловой. Сб. науч. ст. / Отв. ред. А.А.Никишенков. – М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 84–94. – (Труды исторического факультета МГУ; вып. 57. Сер. 2, Исторические исследования; 22).

Современные формы марийского костюма и их значение в культуре // История, культура и культурология Марийского края. Материалы 2 республиканской научно-практической конференции «Йыван Кырла лудмаш» (Сернур, 28 апреля 2011 года). – Йошкар-Ола, 2012. С. 97–105.

Межэтнические связи чувашей и марийцев // Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность. Сборник статей. – Самара, 2013. С. 141–143.

Роль вышивки в современном марийском костюме // Музейный вестник: ежегодный сборник. Вып. № 7 / ГБУК «Национальный музей РМЭ им.Т.Евсеева»; науч.ред. Ан.В. Муравьев. – Йошкар-Ола, 2013. С.57-69.

Исследования зарубежных ученых и путешественников о марийцах // Марийцы. Историко-этнографические очерки. Издание 2-е, дополненное. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИИ, 2013. С. 32–39.

Народный костюм; Традиционное ткачество; Традиционные родильные обряды // Марийцы. Историко-этнографические очерки. Издание 2-е, дополненное. – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИИ, 2013. С. 192–208; 208–213; 243–247.

Ислам в культуре и истории марийцев // Социологические исследования межнациональных и межконфессиональных отношений // Материалы межрегиональной научно-практической конференции. 7 июня 2012 г. – Йошкар-Ола, 2013. С. 137–154.

Обычаи взаимопомощи в традиционных женских промыслах // Ежегодник финно-угорских исследований. Вып. 2. Науч. Ред. А.Е.Загребин и др. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2014. С. 69–73.

Марийцы // Большая Российская энциклопедия. Т. 19. Манник-Меоти. – М.: Научное издательство. Большая Российская Энциклопедия. 2012. С. 126–128.

Роль и значение традиционного праздника «Семык» в культуре марийцев // Марийский архивный ежегодник – 2014. Комитет Республики Марий Эл по делам архивов. – Йошкар-Ола, 2014. С. 216–223.

В соавт. с И.Лехтинен. Традиционные и современные рекрутские обряды у шорунь-жинских марийцев // Музейный вестник: Вып. №9 / ГБУК «Национальный музей РМЭ им.Т.Е. Евсеева»; науч. ред. Е.П. Кузьмин. Йошкар-Ола, 2015. С. 329–333.

Экспедиция – марийцы Татарстана глазами исследователей // Финно-угроведение. 2015. № 2. С. 122–126.

168. Mari embroderi in contemporary of Mari culture // Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugritarum, Oulu 2015. Book of Abstracts. Universite of Oulu, 2015. P. 422–423.

Традиционные марийские родильные обряды // Больше чем этнограф: Сб. науч. ст., посвященный памяти профессора Владимира Владимировича Пименова: / отв. ред.-сост. В.В. Карлов, Т.С. Гузенкова. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – 301. (Труды исторического факультета МГУ; вып.72. Сер.2, Исторические исследования; 32). С. 199–210.171.

Традиционный горномарийский костюм в фондах музеев России и Финляндии // XV Игнатьевские чтения. Материалы докладов и выступлений на Международной научно-практической конференции «Горные марийцы в культурно-историческом ландшафте Урало-Поволжья (Козьмодемьянск, 21–22 мая 2015 г.). – Йошкар-Ола, 2016. – 508 с. С. 259–265.

«Финно-угроведение», 2016, № 1

Олег Сергеев
Йошкар-Ола

К ЮБИЛЕЮ ФИНСКОГО ЛИНГВИСТА ИССЛЕДОВАТЕЛЯ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА Й. ЛУУТОНЕНА

Лингвист Йорма Луутонен занимает одно из ведущих мест в финно-угорском научном мире, одновременно он уверенно входит в новую для него область – тюркское языкознание. Й. Луутонен является крупным специалистом по волжско-финским, пермским и тюркским языкам Поволжья, научным работником (координатором проектов) сектора исследования поволжских языков Туркуского университета (1999–), доцентом-исследователем по специальности «Финно-угорские языки» Туркуского университета (1999–), членом Международного организационного комитета по изучению волжско-финских языков при Туркуском университете (1993–), автором и руководителем многих уникальных научных проектов по марийскому, мордовским (эрзянскому и мокшанскому), удмуртскому, коми, татарскому и чувашскому языкам, умелым куратором стажеров, приезжающих из Российской Федерации и других финно-угорских и не финно-угорских регионов.

Юбиляр вместе с коллегами – профессором С. Саариненом и лицензиатом А. Мойсио является продолжателем научной школы марийского языка профессора Алхо Алхониеми. Опубликовал около 50 работ, из них – 2 монографии, 5 словарей. В своих исследованиях, опираясь на новейшие достижения общей лингвистики, финно-угроведения и тюркологии, скрупулезно освещает вопросы волжско-финских, пермских, тюркских (татарского и чувашского) и, конечно, родного финского языков. Его работы хорошо известны как в финно-угорском, так и в тюркологическом мире.

Йорма Калерво Луутонен родился 22 мая 1956 г. в северной части Финляндии в местечке Хаукипудас (Haukipudas) близ г. Оулу. Детские годы прошли в Лаппээнранта (Lappeenranta) в южной части Суоми. Йорма до сих пор вспоминает этот красивый город с деревянными домами на берегу

прекрасного озера Саимаа (Saimaa). В летнее время любил проводить время на даче родителей в местечке Висувеси (Visuvesi). «Дом сохранился в отличном состоянии, он построен еще в XIX веке. На стенах висели старые фотографии и картины, написанные акварелью младшим братом моего деда. Мы часто купались, удили рыбу, позднее ловили бабочек для коллекции насекомых. На книжной полке лежали таинственные книги бабушки, которые я часто брал читать, хотя их содержание было не совсем понятно ребенку. Зимой книги были самыми дорогими предметами в моей жизни. Я интересовался историей, особенно культурой и языком (иероглифами) Древнего Египта», – рассказывает Йорма Луутонен.

В связи с частыми переездами он учился в разных городских школах. Еще в школьные годы, кроме родного языка, владел шведским, немецким, английским. В настоящее время, помимо перечисленных, владеет венгерским, русским, эрзянским, мокшанским, удмуртским и марийским языками. Из тюркских знает турецкий, татарский и чувашский языки, изучал монгольский язык.

После девятилетней учебы в школе поступил в гимназию в Суолахти (Suolahti). Здесь самыми интересными для него предметами стали математика и физика, языки оказались на втором плане. В мае 1975 г. сдал экзамен на аттестат зрелости. Серьезно увлекшись точными науками, Йорма Луутонен поступает в Хельсинкский университет и начинает изучать теоретическую физику. Время показало, что выбранная специальность ему не по душе. Его все же тянуло к языковедческим дисциплинам. Интерес к Древнему Египту и его языку ориентировал молодого парня на выбор арабистики. Однако по предложению друзей и, конечно, по собственному желанию, Йорма предпочел родной финский язык и финно-угроведение.

Оставив столицу, Йорма Луутонен приезжает в более спокойный и уютный город Турку и поступает в местный университет. Главным предметом изучения становится уралистика, растет интерес к языкам и языкознанию. С января 1982 г. – бакалавр, а с октября 1984 г. – магистр философии. Во время магистратуры усердно штудировал такие предметы, как финно-угорское языкознание (laudatur – третий уровень), финский язык (cum laude approbatur – второй уровень), общее языкознание (cum laude approbatur – второй уровень), родная литература (approbatur – первый уровень), теоретическая физика (approbatur – первый уровень). Отлично (eximia cum laude approbatur) защитил дипломную работу (Pro gradu -tutkielma) по коми языку на тему «Syrjäänin paikkaa ilmaisevat sijat, postpositiot ja adverbit luonnollisen morfologian näkökulmasta».

Научное исследование на этом не прекратилось. Йорма Луутонен усердно стремится к новым высотам познания науки. В середине и конце 1980-х гг. свои знания обогащает в таких сложных областях, как общее языкознание (laudatur – третий уровень, Хельсинкский университет, октябрь 1986 г.) и компьютерное программирование (approbatur – первый уровень, Туркуский университет, октябрь 1989 г.).

5 мая 1994 г. Йорма Луутонен защитил лицензиатскую работу (eximia cum laude approbatur) по финно-угорскому языкознанию. Тема называется «Marin monikon tunnusten, sijapäätteiden ja possessiivi suffiksien järjestyksen vaihtelusta». Исследование посвящено проблемам морфологии, в нем, в частности, рассматривается чередование в порядке показателей множественности, падежных и притяжательных суффиксов в марийском языке.

26 мая 1997 г. в Туркуском университете Йорма Луутонен блестяще (laudatur) защитил диссертацию на тему «The variation of morpheme order in Mari declension», которая была одобрена 17 июня этого же года. В диссертационном исследовании глубоко и всесторонне освещается одна из малоизученных тем марийского языка – чередование порядка притяжательных суффиксов, показателей множественного числа и падежей.

Йорма Луутонен параллельно увлекался изучением тюркских языков и алтаистикой. В свое время посещал курсы алтаистики, турецкого языка и культуры. В июне 2010 г. защитил магистерскую работу по алтаистике в Хельсинкском университете. Одновременно написал дипломную работу (Pro gradu -tutkielma) по чувашскому языку на тему «Tšuvassin suffiksit -i, -χi (*-ki) ja -sker ural-altailaisessa ja areaalisessa kontekstissaan». Исследование получило отличную оценку.

Свою трудовую деятельность Йорма Луутонен начал как ассистент-исследователь Центра языков Финляндии (Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1979). Первоначально работал на непостоянной основе. В 1981–1982 гг. был практикантом в отделе общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета. В стенах одного из старейших университетов Европы вначале занимался составлением индекса для шеститомного издания мансийских фольклорных текстов, собранных еще в начале XX века финским исследователем Арттури Каннисто. Под руководством составителя данного труда Эираса Вуокко (до нее составлением материалов занимался М. Лиимола, он подготовил I–VI тома) выполнял проверку ссылок на иллюстративные материалы в текстах, опубликованных в предыдущих томах. В 1983 же году он переходит на постоянную работу в университете. С 1983 по 1986 гг. является преподавателем-совместителем, преподает студентам общее языкознание. В это же время работает над книгой «Kielitypologian perusteet. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen opintomonisteita, 11. 1983». С 1 января 1983 г. по 31 декабря 1986 г., также с 1 августа 1987 г. по 31 марта 1988 г. и с 1 августа 1989 г. по 31 декабря 1998 г. – ассистент кафедры финно-угорских исследований Туркуского университета.

С 1 января 1999 г. по настоящее время является научным сотрудником сектора исследования языков Поволжья и одновременно с 23 июня этого же года – доцент по специальности «Финно-угорское языкознание» Туркуского университета.

За хорошие научно-исследовательские работы юбиляр отмечен премиями Урало-Алтайского общества (Societas Uralo-Altaica, 14.11.1997,

Wissenschaftspreis – за диссертацию), Финно-угорского общества (Suomalais-Ugrilainen Seura) и Общества родного языка (Kotikielen Seura, 16.2.1998 – за диссертацию).

Научная деятельность Й. Луутонена весьма многогранна. Она распространяется на различные области финно-угорского и тюркского языкознания.

В своей докторской диссертации «Вариация морфем в склонении в марийском языке» Й. Луутонен подверг тщательному анализу «универсально очень редкое явление» – свободную вариацию в порядке суффиксов в склонении. В монографии на основе теории грамматикализации, теории языковой вариации и классической лингвистической типологии описаны характерные черты, границы и история марийских морфотаксических чередований.

Многие научные статьи юбиляра посвящены актуальным вопросам морфологии. В таких работах, как «Marin wlak- ja la-monikon päätteiden ja possessiivisuffiksien järjestyksen vaihtelusta nominatiivimuotoisissa substantiiveissa» (1993), «О некоторых особенностях суффиксов множественного числа имен существительных и их употребления в марийском языке» (1994), «Вариация в порядке флективных суффиксов марийского языка» (1996), «The history of Permian, Mari and Chuvash plural suffixes in the light of Indo-Aryan parallels» (1999), «Die Realisation des morphologischen Plurals im Tscheremissischen (Mari)» (2001) и некоторых других, глубоко освещены вопросы различных грамматических категорий марийского языка, в особенности суффиксы множественного числа и вариация флективных суффиксов. В отдельных статьях Й. Луутонена затрагиваются проблемы современного марийского литературного языка и языковых контактов: «Возникновение финно-угорских и тюркских литературных языков Поволжья и вопрос о литературном языке в начале XX века» (2000), «К проблеме вариативности литературных языков» (2004), «Kirjakielten variaatiosta» (2006).

К сфере научных интересов Й. Луутонена относится также сопоставительное изучение языков. В статьях «Über die Entwicklung der gesellschaftlichen Stellung der marischen und tschuwaschischen Sprache» (2005), «Различия в развитии чувашского и марийского литературных языков» (2007) рассматриваются вопросы марийского и чувашского литературных языков с точки зрения социолингвистики и языковой политики. Весьма ценной в области исследования волжско-финских и удмуртского языков является работа «Electronic word lists: Mari, Mordvin and Udmurt + SFOu WordListTool 1.3», выполненная совместно с марийскими, мордовскими и удмуртскими коллегами.

Огромен вклад Й. Луутонена в изучение компьютерной лингвистики поволжских языков. По этой проблеме юбиляр часто выступал на научных форумах разного уровня. Из-под его пера вышли актуальные работы «Новая коллекция компьютерных корпусов поволжских языков» (2002, соавт. Н. Инаба), «Компьютерный корпус VolgComp» (2003), «Некоторые наблюдения по поводу построения компьютерного морфологического анализатора марийского языка»

(2008). Несомненно, крупным достижением является «Reverse dictionary of Mari (Cheremis). Обратный словарь марийского языка» (2002), составленный совместно с С. Сааринен, А. Мойсио, О. Сергеевым и Л. Матросовой. В него вошло более 55 000 слов, собранных из разных опубликованных словарей и словников марийского языка, как лугово-восточной, так и горномарийской литературных норм. Обратный словарь является первым произведением подобного рода в истории марийской лексикографии.

Значительную работу Й. Луутонен проводит по составлению и редактированию коллективных сборников. Принимал активное участие (вместе с коллегами С. Сааринен, А. Хамари, Н. Инаба, Э. Ахола и Э. Херрала) в редактировании и подготовке к изданию сборников тезисов и статей международных симпозиумов «Языковые контакты народов Поволжья» (2001, 2002), а также юбилейных сборников, посвященных исследователям марийского языка профессорам А. Алхониеми и С. Сааринен (1993, 2014).

Й. Луутонену принадлежат несколько содержательных рецензий на разные научные издания.

Коллеги и многочисленные друзья от всей души поздравляют уважаемого доктора философии с 60-летним юбилеем и желают ему крепкого здоровья, творческих успехов и еще более активности в дальнейшей научной деятельности.

Hyvää syntymäpäivää, kunnianarvoinen tohtori! Шочмо кечыда дене шокшын-шокшын саламлена! Кужу ӱмыран, таза лийза. Марий йылмызе-влак Тендан дене кугешнат.

ПУБЛИКАЦИИ Й. ЛУУТОНЕНА О МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

МОНОГРАФИЯ

1. The variation of morpheme order in Mari declension. (PhD dissertation.) Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia, 226. Helsinki 1997. 201 p.

СЛОВАРЬ

1. Reverse dictionary of Mari (Cheremis). Обратный словарь марийского языка. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXVIII. Suomalais-Ugrilainen Seura. Helsinki 2002. XXII + 446 p. (соавт. С. Сааринен, А. Мойсио, О. Сергеев, Л. Матросова).

СТАТЬИ

1. The history of Permian, Mari and Chuvash plural suffixes in the light of Indo-Aryan parallels // Suomalais-Ugrilaisen Seuran aikakauskirja 88. Helsinki 1999.

2. Marin wlak- ja la-monikon päätteiden ja possessiivisuffiksien järjestyksen vaihtelusta nominatiivimuotoisissa substantiiveissa // Systeemi ja poikkeama. Juhlakirja Alho Alhoniemen 60-vuotispäiväksi 14.5.1993. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 42. Turku 1993.

3. О некоторых особенностях суффиксов множественного числа имен существительных и их употребления в марийском языке // Volgalaiskielet muutoksessa. Volgalaiskielten

symposiumi Turussa 1–2.9.1993. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 45. Turku 1994.

4. Вариация в порядке флективных суффиксов марийского языка // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum Jyväskylä 10.–15.8.1995. Pars III. Sessiones sectionum. Phonologia & Morphologia. Jyväskylä 1996.

5. Возникновение финно-угорских и тюркских литературных языков Поволжья и вопрос о литературном языке в начале XX века // Этническая мобилизация во внутренней периферии, Волго-Камский регион начала XX в. – Ижевск, 2000.

6. Murteiden taistelu Volgan mutkassa ja meillä. Volgan-Kaman alueen vähemmistökirjakielten synty // Virittäjä 4/2000.

7. Die Realisation des morphologischen Plurals im Tscheremissischen (Mari) // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum 7. – 13.8.2000 Tartu. Pars V. Tartu 2001.

8. Новая коллекция компьютерных корпусов поволжских языков // Volgan alueen kielikontaktit. Языковые контакты Поволжья. Symposiumi Turussa 16.–18.8.2001. Turku 2002 (соавт. Н. Инаба).

9. Компьютерный корпус VolgComp // Актуальные проблемы финно-угорской филологии: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию проф. И.С. Галкина. – Йошкар-Ола, 2003.

10. К проблеме вариативности литературных языков // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья: Материалы V междунар. симп. – Ижевск, 2004. [Электронная версия на финском языке: https://oa.doria.fi/handle/10024/37664].

11. Über die Entwicklung der gesellschaftlichen Stellung der marischen und tschuwaschischen Sprache // Mari und Mordwinen im Heutigen Russland. Sprache, Kultur, Identität. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica. Band 66. Wiesbaden 2005.

12. Сиркка Сааринен лан – 50 ий // Ончыко. 2005. № 2 (соавт. Л. Барцева, Л. Матросова).

13. Различия в развитии чувашского и марийского литературных языков // Ашмаринские чтения: Материалы Всерос. науч. конф. – Чебоксары, 2007.

14. Различия в развитии чувашского и марийского литературных языков // Чувашский язык: вчера, сегодня, завтра: Материалы Междунар. симп. 2–4 ноября 2004 г. – Чебоксары, 2010.

15. Некоторые наблюдения по поводу построения компьютерного морфологического анализатора марийского языка // Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Joshkar-Ola 15.08–21.08.2005. Pars IV. Linguistica. Йошкар-Ола, 2008. [Электронный версия: https: // www.doria.fi/handle/10024/45006].

16. Volgan alueen kielten tutkimusyksikkö 20 vuotta // Sananjalka 55. Turku 2013.

17. Katsaus Sirkka Saarisen kielitieteelliseen tuotantoon // Juuret marin murteissa, latvus yltää Uraliin. Juhlakirja Sirkka Saarisen 60-vuotispäiväksi 21.12.2014. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia, 270.

РЕДАКТИРОВАНИЕ

18. Systeemi ja poikkeama. Juhlakirja Alho Alhoniemen 60-vuotispäiväksi 14.5.1993. Publications of the Department of Finnish and General Linguistics of the University of Turku, 42. Turku 1993. 368 s. (соред. С. Сааринен, Э. Херрала).

19. Volgan alueen kielikontaktit. Языковые контакты Поволжья. Турку 16–18.8.2001. Tiivistelmät. Тез. докл. Turku 2001. 60 s. (соред. Э. Херрала).

20. Volgan alueen kielikontaktit. Языковые контакты Поволжья. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja, 70. Turku 2002. 221 s.

21. Juuret marin murteissa, latvus yltää Uraliin. Juhlakirja Sirkka Saarisen 60-vuotispäiväksi 21.12.2014. Suomalais-Ugrilaisen Seuran toimituksia, 270. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. XXXVIII + 432 s. + appendix XX s. (сопед. Н. Инаба, А. Хамари, Э. Ахола).

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИЗДАНИЯ

22. Electronic word lists: Mari, Mordvin and Udmurt + SFOu WordListTool 1.3. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXXI: 1. Helsinki 2007.

«Финно-угроведение», 2016, № 1

О Б З О Р Ы И Р Е Ц Е Н З И И

Рец.: Токсубаева Л.С. Русское народное искусство Казанского Поволжья XIX–XX веков: деревянная домовая резьба, вышивка, браное ткачество, кружево. – Казань: Центр инновационных технологий, 2014. – 140 с., ил.

Казанское Поволжье – утвердившееся среди этнографов Казанского государственного университета название территории 3-х автономных республик: Татарстан, Марий Эл, Чувашия. Регион с историко-этнографической точки зрения исключительно интересен, так как начавшееся еще в XVI веке формирование русского населения здесь происходило из разрозненных групп переселенцев с самых разных земель. Чересполосное расселение русских с коренным народами-представителями тюркской и финно-угорской языковых групп внесло в дальнейшее развитие традиционной культуры местных великороссов неповторимый колорит.

Актуальность предложенной темы усилена выбором хронологической рамки исследования, в наибольшей степени очерченной периодом второй половиной XIX – начала XX вв. – временем коренных социально-экономических преобразований в России, но при этом автором показана преемственность и распространенность традиционного русского народного изобразительного искусства в последующий период, включая современную эпоху.

Работа написана с использованием разнообразных источников. Наряду с опубликованной литературой, музейными экспонатами, рукописями, архивными документами, исследовательскую базу составили богатейшие полевые материалы за 18 полевых сезонов, более 800 русских населенных пунктов.

Кроме того, признанные за этнографами Казанского университета первенство и приоритет в использовании статистических методов сбора и обработки этнографических материалов и появление самого термина «статистическая этнография» началось именно с подворных описей путем анкетирования сельских построек, благодаря которым выявлялась в частности географическая закономерность распространения форм и элементов домового декора. Опираясь на соответствующие критерии, характеризующие внешнее убранство жилых построек, автор характеризует территориальные особенности архитектурной резьбы.

В этой связи большой интерес и несомненную практическую ценность представляет выделение на территории Казанского Поволжья пяти крупных регионов (с.65):

1) Западный, включающий районы Чувашии, лежащие по рекам Суре, Мене, Алатырю, районы Республики Марий Эл по рекам Волге и Ветлуге, а также район, прилегающий к городу Йошкар-Оле;

2) Центральный, охватывающий большую часть территории Чувашии за исключением Присурских районов и восточной части Козловского района;

3) Волжско-Камский, в который входит восточная часть Козловского района Чувашии, Предволжье Татарстана и Приказанские районы, а также Спасский и частично Чистопольский и Алексеевский районы Республики Татарстан;

4) Северо-Восточный, включающий северные, северо-восточные районы Марий Эл и восточное Предкамье Татарстана;

5) Восточный - охватывает всю восточную и юго-восточную часть Закамья Республики Татарстан.

В целом, в главе, посвященной архитектурной домовой резьбе, прослеживается процесс ее зарождения на фоне изменяющейся конструкции крестьянского жилища в Поволжье. Рассмотрена смена технических приемов резьбы, обусловленная прогрессом в инструментарии и конструкции жилища. Показан процесс расширения арсенала орнаментальных мотивов и их источники. композиционные особенности декора и их территориальные варианты. Показаны пути обмена сложившимися навыками между мастерами разных национальностей, разных территорий.

Довольно любопытной выглядит ситуация с барельефной резьбой, ареал распространения которой связан с Волгой, точнее с деятельностью корабельных плотников, украшавших деревянные суда. Первоначально, в конце XVIII – начале XIX века судовые плотники имели возможность украшать крестьянские постройки «корабельной резью» лишь в качестве дополнительного заработка, но с вытеснением деревянных судов паровыми в середине XIX века, оставшиеся без работы мастера – резчики постарались использовать свои навыки для украшения всех построек, в первую очередь домов, принадлежащих более богатым крестьянам и сословиям (с. 35–36).

В главе, посвященной орнаментированным тканям, автором выявлены и детально охарактеризованы с разных позиций все отмеченные в крае виды вышивки, браного ткачества, кружева. Однако по результатам анализа таких резких изменений, как в развитии домовой резьбы, за исследуемый период ею не отмечено. Женские рукоделия отличались большей консервативностью и автор связывает это с сакральной сущностью орнаментированных тканей, чему посвящен специальный раздел. Это свойство тканей, особенно полотенец, отмечено и у многих других народов, в частности у марийцев (с. 129). В сакральной сущности предметов женского рукоделия кроется причина их исчезновения к 50-м годам 20-го столетия. Условия жизни в социалистическом

государстве изменились настолько, что все древние представления были вытеснены и предметы эти стали не нужны.

В заключении монографии автор ставит отнюдь не риторический вопрос: «Жива ли русская художественная традиция в Казанском Поволжье в XXI веке?», на который дает утвердительный ответ: «Пока живо русское село, оно имеет традиционный облик и частично возобновляет его» (с. 137).

Далее автор пишет, что, несмотря на сложную историю развития и функционирования русской художественной традиции в Казанском Поволжье, она сохраняет свою значимость, продолжая поддерживать этнически окрашенную среду в жизни русского населения края. Вместе с тем нельзя не отметить, что ломка традиционных представлений, разрушение комплекса традиционной обрядности привели к утрате обслуживающих его форм народного искусства, а следовательно, к обеднению художественной традиции, замене некоторых ее составляющих элементами интернациональной городской культуры (с. 138).

Иллюстративный материал, приведенный в работе, характеризует все богатство русского народного искусства в Казанском Поволжье в двадцатом веке и в ближайшее время в связи с перестройкой и утратой сельских построек может стать уникальным собранием.

Владимир Шаров
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2016, № 1

Рец.: «Этнокультурные процессы на Южном Урале в XX – начале XXI в.» / Ф.Г. Галиева, Р.Р. Садиков, Е.Е. Нечвалода и др.; под общ. ред. Ф.Г. Галиевой. – Спб.: ООО «Свое издательство», 2015. – 156 с., 12 с. ил.

Южный Урал является регионом, где уже с глубокой древности происходили активные контакты и взаимодействие различных этносов и культур. На сегодняшний день край также населяют представители множества народов и религий. Рецензируемая монография написана коллективом авторов (Ф.Г. Галиева, Р.Р. Садиков, Е.Е. Нечвалода, И.Г. Петров, М.Г. Муллагулов, Э.В. Камалеев; под общ. ред. Ф.Г. Галиевой) – известных специалистов в области этнографии народов Урало-Поволжья – на очень актуальную тему. В ней рассмотрены вопросы этнокультурного развития тюркских, финно-угорских и славянских народов региона в XX–XXI вв. в контексте модернизации и эволюции традиционной культуры. Для рассмотрения этнокультурных процессов выбраны наиболее знаковые явления, характеризующие тот или иной народ. Так, например, восточные марийцы рассмотрены в аспекте становления и развития национально-культурного движения, отмечено, что они являются его зачинателями и активными участниками. У закамских удмуртов исследована эволюция культовой практики, показано, что они не только сохранили традиционную религию, но и возрождают ее в современных реалиях. В культуре заволжской мордвы рассмотрен один из ее главных этнических маркеров – одежда, показаны ее этнолокальные особенности и развитие.

Монография основана на богатой источниковой базе – архивных, опубликованных материалах. Привлечены уникальные архивные и полевые материалы. В частности, по восточным марийцам впервые вводятся в научный оборот архивные документы по работе партийных и советских органов среди марийского населения БАССР. Несомненную ценность имеют приводимые иллюстрации – фотографии демонстрируют процесс изменений в традиционной культуре народов на протяжении XX – XXI веков.

Научные выводы и эмпирический материал исследования не вызывают сомнений. Работа написана хорошим литературным языком. Научная и практическая значимость монографии очевидны.

Представленная на рецензирование книга заинтересует не только ученых, но и более широкий круг читателей, интересующихся историей и культурой родного края. Материалы исследования могут быть использованы в научной работе сотрудников историко-краеведческих музеев, привлечены при составлении учебных программ, разработке курсов лекций по истории и этнической культуре народов Башкортостана.

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2016, № 1

ХРОНИКА

XVI ИГНАТЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

1 апреля 2016 года в г. Козьмодемьянске состоялась очередная научно-практическая конференция «XVI Игнатьевские чтения: Наследие горных мари: история и современность». В этом году она проходила под статусом региональной.

Во время церемонии открытия с приветственными обращениями к участникам и гостям конференции выступили: глава администрации муниципального образования «Горномарийский муниципальный район» В.С. Сеюшов, первый заместитель министра культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл В.И. Актанаев, начальник управления общего и дошкольного образования Министерства образования и науки Республики Марий Эл О.М. Майкова, учитель чувашского языка и литературы МБОУ «Калайкасинская СОШ им. А.Г. Николаева» Моргаушского района Чувашской Республики А.М. Степанов, докторант Венского университета Кристиан Пишлёгер.

На пленарном заседании были представлены два доклада: кандидат филологических наук, заведующая отделом литературы МарНИИЯЛИ Надежда Александровна Федосеева в своем докладе, посвященном 90-летнему юбилею районной газеты «Жерä», рассмотрела и проанализировала историю возникновения, проблемы современного состояния и перспективы развития данного издания. Доктор исторических наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ Татьяна Багишевна Никитина рассказала об итогах и перспективах изучения археологического наследия Горномарийского района (доклад подготовлен в соавторстве с кандидатом исторических наук, начальником управления Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл Аурикой Ивановной Михеевой). Был продемонстрирован научно-популярный фильм «Дыхание прошлого», подготовленный археологами МарНИИЯЛИ совместно с ГТРК «Марий Эл». Фильм рассказывает об уникальных марийских археологических находках и их значении, об этапах исследования и ценности археологических материалов.

Работа конференции проходила на восьми секциях. В них приняли участие ученые, преподаватели, студенты, музейные работники, библиотекари. В секционных заседаниях было заслушано более 70 интересных докладов, посвященных проблемам лингвистики, литературы и фольклора, образования, исторических наук и краеведения, культуры и искусства. Из них 10 докладов были подготовлены научными сотрудниками МарНИИЯЛИ: канд. филол. наук М.Т. Ипаковой, канд. филол. наук С.С. Сибатровой, канд. филол. наук Г.А. Эрциковой, канд. ист. наук А.В. Михеевым, канд. ист. наук Н.С. Поповым, А.В. Акилбаевым, С.В. Долгополовым, Н.В. Мушкиной. В том числе два участника приняли заочное участие: канд. филол. наук О.А. Сергеев, канд. филол. наук Л.Е. Шабдарова.

Конференция прошла организованно, в доброжелательной атмосфере. По итогам работы, ее участниками были приняты следующие рекомендации:

– Национальному музею Республики Марий Эл им. Т. Евсеева разработать программу и организовать выездные выставки, посвященные творчеству народного поэта Г. Матюковского;

– Министерству культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл оказать поддержку социально значимым проектам по изданию детской иллюстрированной художественной литературы для детей дошкольного возраста, включая как аутентичные сказки горных мари, так и переводы русских народных сказок на горномарийский язык;

– учреждениям культуры при проведении досуговых мероприятий в целях пропаганды достижений народной культуры и приобщения молодежи к этнической культуре шире использовать краеведческие материалы.

Администрация Горномарийского муниципального района вручила Марийскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории им. В.М. Васильева и Марийскому государственному университету благодарности за активное участие в подготовке и проведении Региональной научно-практической конференции «XVI Игнатьевские чтения: Наследие горных мари: история и современность».

Галина Эрцикова
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акилбаев Александр Владимирович – младший научный сотрудник отдела археологии МарНИИЯЛИ

Акшиков Александр Геннадьевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ

Горинова Наталья Васильевна – научный сотрудник сектора литературоведения ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Григорьева Людмила Яковлевна – кандидат филологических наук, заместитель директора МарНИИЯЛИ

Ельцова Елена Власовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора литературоведения ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Кудрявцев Алексей Николаевич – младший научный сотрудник отдела истории МарНИИЯЛИ

Максимов Валерий Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры марийского языка и литературы ИФФ ФГБОУ ВПО «Марийский государственный университет»

Мокшина Елена Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»

Молотова Тамара Лаврентьевна – кандидат исторических наук, заведующая отделом этнологии МарНИИЯЛИ

Мушкина Наталья Валерьевна – младший научный сотрудник отдела этнологии МарНИЯЛИ

Попов Никандр Семенович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Попова Римма Павловна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой финно-угорской филологии и национального образования ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина»

Пунегова Галина Васильевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языка ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

Садиков Ранус Рафикович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН

Сепеев Геннадий Андреевич – кандидат исторических наук, этнограф

Сергеев Олег Арсентьевич – кандидат филологических наук, заведующий отделом языка МарНИИЯЛИ

Соловьев Борис Степанович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела археологии МарНИИЯЛИ

Сушкова Юлия Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой международного и европейского права, декан юридического факультета ФГБОУ ВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева»

Шабыков Виталий Иванович – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социологии МарНИИЯЛИ

Шаров Владимир Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Эрцикова Галина Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

CONTENTS

Materials of scientific conference «Historical and cultural heritage of the Mari people in modern conditions», dedicated to the 85th anniversary of founding of Mari Research Institute of Language, Literature and History named after V.M. Vasilyev

Grigoryeva L.Ya. Scientific conference «Historical and cultural heritage of the Mari people in modern conditions» 3

Molotova T.L. Development of ethnograthic research in Mari Research Institute (2010–2015). 6

Solovyov B.S. Balanovo culture (brief historical sketch). 11

Akilbayev A.V. The main directions of ethno-cultural and trade contacts of the ancient Mari people in the IX and the beginning of the XII centuries. 19

Sharov V.D. Ethno-cultural development of the turn of the century: some results and prospects. 24

Shabykov V.I. Religion as a factor of the inter-ethnic relations in the Republic of Mari El. 30

Popov N.S. The ratio of the parish clergy of Mari edge to coolectivization. 38

Grigoryeva L.Ya. Valence structure of verbs of inter-ethnic relation in the Mari language. 46

Maksimov V.N. Some observations on the phonetics of Shurabash speech of the Mari language. 54

Mushkina N.V. About some features of melody of Mari folk songs. 59

Akshikov A.G. Zemstvo medical employees of Tsarevokokshaisk county of Kazan province in the beginning of the XX century. 65

REPORTS

Sadikov R.R. About the history of education of Kama Udmurts (opening first schools). 71

Gorinova N.V. Art space in plays of A.Popov. 84

Yeltsova Ye.V. A.Luzhikov's poem «My pen's mourned, my bright sun» (2001). .. 99

PERSONALS

Mokshina E.N., Sushkova Yu.N. Life in science: to the 80th anniversary of N.F. Mokshin. 106

Punegova G.V., Popova R.P. Dear teacher, prominent schoolar. 116

Sepeyev G.A., Sharov V.D. To the anniversary of T.L. Molotova. 121

Sergeyev O.A. To the anniversary of the finnish linguist, researcher of the Mari language J.Luutonen. 131

REVIEWS AND SURVEYS

Sharov V.D. Rev.: Toksubayeva L.S. Russian art folk of Kazan Volga of XIX–XX centuries: wooden house decor, embroidery, expletive weaving, lace. – Kazan: Centre of innovative technologies, 2014. – 140 pp., ill. 138

Molotova T.L. Rev.: Ethno-cultural processes in the Southern Urals in the XX and beginning of the XXI century / F.G.Galiyeva, R.R. Sadikov, E.Ye. Nechvalova (Nechvaloda) and others; general edit. F.G. Galiyeva, Spb.: «A publishing house», 2015. – 156 pp. + 12 pp. ill. 141

CHRONICLES

Ertsikova G.A. XVI Ignatyev's reading. 143

Information about the authors. 145

«ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ», 2016, № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации пи № 77–5360

Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю.П. Клюкина*
Английский текст *Э.И. Пекшеевой*

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
телефон: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Подписано в печать 13.05.2016. Формат 70х100/16.
Усл.п.л. 11,93. Тираж 100 экз. Заказ № 2692.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ИПФ «СТРИНГ»
424006, РМЭ, г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95